

РАДИКАЛИЗАЦИЯ И ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

под общей редакцией Н.В. Дворянчикова,
Б.Г. Бовина, И.Б. Бовиной

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

МОСКВА, 2025

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РАДИКАЛИЗАЦИЯ И ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

под общей редакцией Н.В. Дворянчикова,
Б.Г. Бовина, И.Б. Бовиной

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Москва

2025

УДК 159.9
ББК [88.8+88.9]
Р15

Рецензенты:

О.Д. Гурина, заместитель декана по научной работе,
доцент кафедры юридической психологии и права факультета «Юридическая
психология» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук
Е.М. Шпагина, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук ФГБОУ
ВО «МИРЭА— Российский технологический университет»,
кандидат психологических наук

Р15 Радикализация и дерадикализация: социально-психологическая перспектива / под общ. ред. Н.В. Дворянчикова, Б.Г. Бовина, И.Б. Бовиной: Учебное пособие. — М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2025. — 219 с.

Пособие подготовлено авторским коллективом в составе:
Н.В. Дворянчиков (Введение, Главы 1-5, Заключение, общая редакция)
Б.Г. Бовин (Введение, Главы 1-5, Заключение, Приложение 1, общая редакция)
И.Б. Бовина (Введение, Главы 1-5, Заключение, Приложение 1-2, общая редакция)
Д.В. Мельникова (Введение, Главы 2- 3, Заключение).
Е.Д. Белова (Глава 3)

ISBN 978-5-94051-359-9

Рекомендовано Ученым советом МГППУ в качестве пособия:
3. Для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению подготовки 37.03.01 Психология.
3.1. Для студентов специалитета обучающихся по специальностям 37.05.01 Клиническая психология, 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения.
3.2. Для студентов магистратуры, обучающихся по направлениям подготовки 37.04.01 Психология, 44.04.02 Психолого-педагогической образование.
3.3. Для аспирантов (специальность 5.3.9 Юридическая психология и психология безопасности).

**УДК 159.9
ББК [88.8+88.9]**

ISBN 978-5-94051-359-9

© Авторский коллектив, 2025
© Московский государственный психолого-педагогический университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
ГЛАВА 1. ТЕРРОРИЗМ И ПРОЦЕСС ЕГО ЛЕГИТИМИЗАЦИИ	9
1.1. Проблема терроризма в современном мире	14
1.2. Терроризм и его легитимизация как проблема исследования.....	29
1.3. Контрольные задания	39
ГЛАВА 2. РАДИКАЛИЗАЦИЯ: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКТЫ.....	42
2.1. Факторы радикализации	46
2.2. Объяснительные модели	57
2.3. Контрольные задания	107
ГЛАВА 3. МОДЕЛИ ОЦЕНКИ РИСКА РАДИКАЛИЗАЦИИ	109
3.1. Проблема оценки риска радикализации: возможности и ограничения существующих моделей	109
3.2. Модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде	122
3.3. Проблема распознавания источников распространения радикальных идей в местах лишения свободы	134
3.4. Контрольные задания	137
ГЛАВА 4. РАДИКАЛИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ И СТРАТЕГИИ ВЛИЯНИЯ	139
4.1. Специфика общения в сети Интернет	140
4.2. Коммуникативные системы	157
4.3. Стратегии влияния террористических организаций	164
4.4. Контрольные задания	172

ГЛАВА 5. ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ.....	174
5.1. Основные принципы разработки превентивных мероприятий по дерадикализации.....	174
5.2. Проблема дерадикализации: в поисках новой социальной идентичности.....	182
5.3. Контрольные задания	191
Заключение.....	192
Приложение 1. Измерение социальной идентичности	193
Приложение 2. Метод контент-анализа	213

Введение

В фокусе нашего внимания в настоящем учебном пособии находится проблема радикализации в современном мире. Ключевым в работе является обсуждение ряда моделей, объясняющих процесс радикализации, анализ инструментов оценки риска радикализации, наконец, в центре внимания оказываются процессы коммуникации и влияния, сопряженные с процессом радикализации, а также меры по дерадикализации. Особое внимание уделяется рассмотрению моделей оценки риска, которые опираются на теоретические схемы, имеющие многократную экспериментальную проверку. Обсуждаемое здесь социально-психологическое знание нацелено на специалистов, для которых разработка мероприятий по профилактике радикализации является задачей первостепенной важности. В первую очередь авторы обращаются к специалистам по безопасности в образовательных учреждениях различного уровня. Кроме того, социально-психологическое знание, предлагаемое в настоящей работе, ответит запросам психологических служб, взаимодействующих с девиантными и делинквентными представителями подростково-молодежной среды.

Издание нацелено на запрос, сформулированный на высоком политическом уровне в рамках «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» (утв. Президентом Российской Федерации от 28.12.2024, № Пр-1124).

Основное содержание учебного пособия изложено в пяти главах. Каждая глава предлагает читателю соответствующий материал по различным проблемам терроризма, радикализации и дерадикализации. Специально разработанные задания для размышления помогут читателям расставить соответствующие акценты при самостоятельном освоении текста.

В первой главе «Терроризм и процесс его легитимизации» речь идет о проблеме терроризма в современном мире, предлагается классификация террористических групп, рассматривается специфика современного терроризма. Особое внимание уделяется объяснению того, почему апелляция к патологической личности как основному объяснительному конструкту радикализации и легитимизации терроризма дискуссионна, с опорой на систематический анализ данных приводятся аргументы в пользу того, что апелляция к ментальному неблагополучию не является необходимым и достаточным фактором радикализации. Кроме того, приводятся эмпирические факты, свидетельствующие

в пользу того, что тезис о низком социоэкономическом статусе как достаточном факторе радикализации¹, — является упрощенной трактовкой этого сложного процесса, финальной точкой которого является терроризм. Будучи комплексным и многоуровневым процессом, изучение которого предполагает учет факторов на индивидуальном, групповом и социальном уровнях, радикализация требует разработки междисциплинарной стратегии анализа, которая объединила бы усилия представителей целого ряда областей научного знания: будь то психология, социология, политология, юридические науки, антропология, история и религиоведение. Важность вклада социально-психологического знания в эту рамку анализа определяется тем, что именно с опорой на него возможно ответить на вопросы о том, как происходит легитимизация терроризма, а также на вопросы о процессах и способах влияния, используемых террористическими организациями.

Во второй главе «Радикализация: объяснительные конструкты» вниманию читателей предлагается обсуждение ряда факторов (в частности, диспозиционные особенности, мотивация, защитные механизмы), через призму которых рассматривается терроризм и его легализация.

Ключевым в этой главе является обсуждение постадийных моделей радикализации, акцентируется внимание на роли социально-перцептивных процессов, а также подчеркивается важность социальной идентичности в процессе радикализации. Отмечаются преимущества и ценность объяснительных моделей радикализации, которые опираются на теоретическую рамку, получившую многократную экспериментальную проверку. Только модели такого рода могут быть использованы для профилактических и превентивных мероприятий в области легализации терроризма. Этот аспект проблематики терроризма в меньшей степени отражен в учебных изданиях, известных отечественному читателю.

В третьей главе «Модели оценки риска радикализации» в фокусе обсуждения оказываются модели оценки риска радикализации. Вниманию читателей предлагается анализ существующих инструментов оценки риска радикализации. В частности, рассматриваются схемы оценки риска радикализации, востребованные в пенитенциарной системе. Предлагаются пути разработки

---

¹ Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., de Wolf A., Mann L., Feddes A.R. Terrorism, radicalization and de-radicalization // Current Opinion in Psychology. 2016. P. 79–84; Galland O., Muxel A. La tentation radicale: enquête auprès des lycéens. Paris : Presses Universitaires de France. 2018. 464 p.; Wiewiora M. L'échec de l'Occident. Michel Wiewiora, sociologue. Carnet de recherche. 2015. DOI:10.58079/valu.

инструментов для оценки риска и разработки системы мониторинга риска радикализации в подростково-молодежной среде.

В четвертой главе «Радикализации: особенности коммуникации, источники и стратегии влияния» в первую очередь обсуждается специфика общения в сети Интернет.

Отмечается, что на протяжении тысячелетий преимущественным способом было личное общение, всего лишь несколько десятилетий люди погружены в коммуникацию онлайн, за это время произошли самые серьезные изменения в том, как выстраивается коммуникация, как люди взаимодействуют в сети Интернет, поскольку это тот инструмент, который анализировался и проник во все сферы жизнедеятельности современного человека. Внимание к этим аспектам объясняется тем, что террористические группировки, превратившись из национальных в глобальные мультинациональные организации, стали использовать для рекрутования новых членов и для влияния на них все достижения прогресса, в частности, сеть Интернет. Вниманию читателей предлагается общая характеристика форм коллективной коммуникации, обсуждается соотношение психологических параметров стратегии воздействия и особенности аудитории, на которую нацелена эта коммуникация. Рассматривается специфика пропаганды террористических организаций.

Наконец, в пятой, заключительной, главе работы «Дерадикализация: от теории к практике» обсуждаются основные принципы и стратегии разработки превентивных мероприятий в связи с дерадикализацией.

В Приложении 1 представлен подробный анализ инструментов измерения социальной идентичности. Социальная идентичность является ключевым конструктом для понимания процесса радикализации, об этом подробно говорится в главе про объяснительные модели (Глава 2). Очевидно, что ни одна интервенция будь то профилактическая программа или другое мероприятие, нацеленное на те или иные изменения поведения человека, не может быть реализована без соответствующего диагностического этапа. В этой связи ценность методического приложения учебного пособия становится очевидной. Более того, анализ ориентирован на изучение социальной идентичности в контексте модели оценки риска в подростково-молодежной среде.

В Приложении 2 дается общая характеристика метода контент-анализа, который не только востребован для анализа категориальных данных (получаемых в ряде методик для анализа социальной идентичности), но является незаменимым инструментом для анализа массовой коммуникации, в том числе,

распространяемой экстремистскими и террористическими группировками (Глава 4).

Настоящее учебное пособие опирается на многолетний опыт членов авторского коллектива, направленный на реализацию нескольких исследовательских проектов по проблемам радикализации и терроризма; связанный с разработкой инструментов оценки риска в рамках клинико-психологических исследований, а также проектов по пенитенциарной психологии. Кроме того, при подготовке настоящего издания во внимание был принят бесценный опыт взаимодействия с аудиториями различного профиля и уровня подготовки, перед которыми выступали авторы с лекциями и научными семинарами по проблематике терроризма и радикализации.

Настоящее учебное пособие соответствует ФГОС ВО последнего поколения, в частности для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению подготовки 37.03.01 Психология; для студентов специалитета, обучающихся по специальностям 37.05.01 Клиническая психология, 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения; для студентов магистратуры, обучающихся по направлениям подготовки 37.04.01 Психология, 44.04.02 Психолого-педагогической образование; а также для аспирантов (специальность 5.3.9 Юридическая психология и психология безопасности).

Ключевые слова: терроризм, радикализация, дерадикализация, теории радикализации, коммуникативные стратегии, специфика общения в сети Интернет, социальная идентичность

Глава 1

ТЕРРОРИЗМ И ПРОЦЕСС ЕГО ЛЕГИТИМИЗАЦИИ

С учетом того, что первым случаем террористического акта является событие, имевшее место в Иерусалиме в первом веке до нашей эры, когда бойцы, вооруженные кинжалами, организовали ряд нападений на своих противников в дневное время суток, преследуя одну важную цель — спровоцировать восстание против римского правления², то можно заключить, что терроризм — это достаточно древнее явление в жизни цивилизации.

За все время своего существования терроризм, несомненно, развивался и модифицировался, приобретая новые черты и особенности, характерные для той или иной эпохи. Однако одна специфическая особенность этого явления осталась неизменной: терроризм по-прежнему является чрезвычайно серьезной проблемой, он представляет собой реальную угрозу обществу, существованию человечества в целом³. Как следствие, требуются эффективные меры противодействия терроризму, превентивные мероприятия, которые обеспечили бы безопасность граждан.

Представители различных дисциплин, будь то политические и юридические науки, история и философия, антропология и религиоведение, социология и психология, прилагают свои усилия для того, чтобы понять суть явлений радикализации и терроризма. Однако стоит отметить, что стратегия противодействия терроризму нуждается не только в теоретически нагруженных объяснениях, но и в экспериментально проверенных моделях для своего эффективного функционирования.

Ключевым в настоящей работе является обсуждение потенциала социально-психологического знания для анализа этих проблем. Подчеркнем особо, что вниманию отечественного читателя ранее уже были предложены учебные издания отечественных авторов, нацеленные на рассмотрение различных аспектов

² Cronin A.K. Behind the curve. Globalization and international terrorism // International Security. 2002/2003. Vol. 27. P. 30—58.

³ Зинченко Ю.П., Сурнов К.Г., Тхостов А.Ш. Мотивация террориста // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. №2. С.20-34.

терроризма, экстремизма и радикализации, факторов вовлечения в террористическую деятельность и пр⁴. Предлагая новое учебное издание по проблематике терроризма и радикализации, подчеркнем особо, что от работ коллег его отличают следующие особенности: с одной стороны, центральным в настоящей работе является обсуждение проблемы оценки риска радикализации и анализ соответствующих инструментов. При этом обсуждаются модели оценки риска, которые опираются на экспериментально проверенные теоретические модели; с другой — излагаемое социально-психологическое знание нацелено, в первую очередь, на специалистов, для которых разработка мероприятий по профилактике радикализации является задачей первостепенной важности. Наконец, издание отвечает задачам, сформулированным в рамках «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» (утв. Президентом Российской Федерации от 28.12.2024, № Пр-1124).

Оставляя в стороне дискуссию об определении терроризма (такая дискуссия имеет место быть в социальных науках, в частности, в работе по политическому терроризму, увидевшей свет в 1988⁵, список определений включал более ста вариантов, за десятилетия, прошедшие с момента выхода работы, он, несомненно, пополнился еще целым рядом новых конструктов), согласимся с тезисом А. Круглянски, который утверждает, что «понятие терроризма оказалось невосприимчивым к согласованному определению»⁶. Согласно замечанию М. Вьеверки, сложность определения терроризма определяется тем, что в первую очередь этот термин принадлежит СМК и повседневному языку⁷.

В настоящей работе воспользуемся определением, которое получило своего рода консенсус среди исследователей: «действия негосударственных субъектов, связанные с угрозой или фактическим применением незаконной силы или насилия для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством страха, принуждения или запуги-

⁴ Константинов В.В., Осин Р.В. Психология экстремизма и терроризма: учебник для вузов. Москва : Издательство Юрайт. 2025. 211 с.; Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм. Социально-психологический анализ. М.: Издательство «Институт психологии РАН». 2008. 240 с.; Подсознание террориста. Под ред. Д.В. Сочивко. М.: Пер Се. 2012. 192 с.

⁵ Kruglanski A., Fishman S. Psychological Factors in Terrorism and Counterterrorism: Individual, Group, and Organizational Levels of Analysis // Social Issues and Policy Review. 2009. Vol. 3. P. 1–44. DOI:10.1111/j.1751-2409.2009.01009.x

⁶ Там же, р.2

⁷ Wiewiorka M. From the «classic» terrorism of the 1970s to contemporary «global» terrorism. In D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska (eds.). Societies under threat. Cham: Springer. 2020. P.75-85.

вания»⁸. Чрезвычайно важно отметить, что террористическая активность реализуется группой. Аналогичным образом, среди разнообразных трактовок радикализации, остановимся на той, которая предлагает говорить о процессе, ведущем к совершению акта терроризма⁹, т. е. радикализация — это путь, который проходит человек, через легитимизацию терроризма к совершению террористических актов. Это определение — достаточно общее, но в нем подчеркивается, что радикализация — является процессом, разворачивающимся во времени. Другими словами, радикализирующийся субъект вовлекается в процесс, затрагивающий когнитивные изменения, в итоге — он приходит к совершению террористического акта. Очевидно, что консенсус, относительно того, каковы механизмы процесса радикализации, отсутствует. Конструкты, которые так или иначе встречаются в различных моделях, касаются социальной идентичности и социально-перцептивных процессов (эти аспекты будут подробно рассматриваться в Главе 2). Другой дискуссионный аспект моделей, объясняющих процесс радикализации, касается соотношения когнитивного и поведенческого уровней. И этому вопросу самое пристальное внимание будет уделено на страницах настоящего учебного издания (Главе 2). Наконец, стоит добавить, что этот процесс динамический и нелинейный, не все индивиды, вставшие на путь радикализации обязательно пройдут этот путь до конца, на что и указывается в литературе¹⁰

Для Б. Доосже с коллегами¹¹ радикализация — это процесс, посредством которого у индивидов возникает мотивация к использованию насилия в отношении представителей аутгруппы или символических целей для достижения

---

⁸ Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. P. 495–517. doi:10.1111/josi.12026, p.496

⁹ Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B., Penzkofer M., Scheuermeyer A., Sust L., Schmidt H. Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a Comprehensive Model of Terrorist Radicalization // Terrorism and Political Violence. 2019. P. 1–23. DOI:10.1080/09546553.2019.1663828

¹⁰ Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., De Wolf A., Mann L., Feddes A.R. Terrorism, radicalization and de-radicalization// Current Opinion in Psychology. 2016. Vol. 11. P.79-84; King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. 2011. P. 602–622. doi:10.1080/09546553.2011.587064; McCauley C., Moskalenko S. Understanding political radicalization: The two-pyramids model. //American Psychologist.2017. Vol. 72. P. 205; Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // American Psychologist. 2005. No 60. P. 161–169

¹¹ Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., De Wolf A., Mann L., Feddes A.R. Terrorism, radicalization and de-radicalization// Current Opinion in Psychology. 2016. Vol. 11. P.79-84.

изменения поведения или политических целей. Это определение любопытно тем, что акцентируется внимание на межгрупповых отношениях.

Со ссылкой на В. Кумена и Дж. Ван дер Плита, представляется возможным различать четыре основные категории терроризма (соответствующих определению терроризма): терроризм левого и правого толка, националистический и религиозный¹².

Терроризм левого толка базируется на леворадикальной идеологии, следуя которой члены организаций вовлекаются в акты неповиновения, убийства, нападения на полицию и представителей власти. В качестве примеров в литературе предлагается рассматривать ряд террористических организаций, среди которых: «Фракция Красной Армии», образованная в ФРГ в 1968 г.; «Красные бригады»; созданные в Италии в 1970 г.; «Революционная организация 17 ноября», созданная в Греции в 1973 г.

Терроризм правого толка, соответственно, апеллирует к праворадикальной идеологии для привлечения в свои ряды новых бойцов и оправдания своих действий. Такой была ультраправая группировка «Секретная армейская организация», созданная в Мадриде в январе 1961 г. (после референдума о самоопределении Алжира), в состав которой входили французские военные. Терроризм явился в этом случае способом политической борьбы, террористическая группировка действовала во время войны в Алжире, целью ее деятельности было сохранение целостности Франции, частью которой и являлся Алжир. Террористические действия были направлены на французских политиков, а также представителей освободительного движения Алжира. Логика националистического (или сепаратистского) терроризма сводится к борьбе за независимость. Террористическая организация «ЭТА», основанная в 1959 г., иллюстрирует эту категорию террористических организаций. Хотя «ЭТА» и опирается на леворадикальную риторику, тем не менее, ключевой идеей является националистическая идеология, коль скоро речь идет о независимости страны Басков, территории, принадлежащей Испании и Франции. Террористические акты, реализуемые членами этой организации, включали как убийства представителей власти (политических), так и представителей гражданского населения.

Наконец, *религиозный терроризм* опирается на религиозные категории, как для привлечения новых членов в свои ряды, так и оправдывая свою деятельность. В дискурсе организаций этого типа присутствуют призывы к священной

¹² Koomen W., Van der Pligt J. *Introduction*. In W. Koomen, J. van der Pligt (eds.). *The Psychology of Radicalization and Terrorism*. New York: Routledge. 2016. P.1-10.

войне или освободительной борьбе. К этой категории терроризма можно отнести различные группировки, в частности, осуществляющие религиозный терроризм в Индии или акты насилия во имя идей христианского толка¹³. Именно к этой категории относится терроризм, реализуемый исламистскими фундаменталистскими группировками. Теракты 11 сентября 2001 года, совершенные в США, явились своего рода апогеем в деятельности одной из них — Аль-Каиды*(*признана террористической организацией, запрещена в РФ); после этих событий мир, несомненно, стал другим. Именно эта, последняя, категория терроризма будет ключевой в настоящем учебном пособии.

Б. Доосже с коллегами предлагают говорить не о категориях терроризма, но о видах радикальных групп¹⁴, которым присущ целый ряд общих особенностей, в частности: 1) группы фокусируют внимание на серьезных проблемах общества; 2) с точки зрения представителей таких групп, обозримые проблемы не решаются в обществе, что ведет к недовольству правящими институтами; 3) группы создают свои нормы и ценности, которые превосходят нормы и ценности общества, как следствие, формируется видение мира через призму «Мы»- «Они»; 4) большинство групп разделяют идеологию, которая оправдывает насилие в отношении аутгруппы как способ решения проблемы. Очевидно, что наиболее адекватная теоретическая рамка, которая принимает во внимание этот аспект функционирования радикальных группировок, — теория социальной идентичности (в более современной трактовке — подход теории социальной идентичности, которая будет в центре нашего внимания в настоящем издании (Глава 2)); 5) в группах разделяется вера в эффективность использования насилия для достижения целей.

Таким образом, кроме сепаратистских (националистических), крайне левых и крайне правых радикальных групп, религиозно мотивированных радикальных групп, исследователи выделяют радикальные группировки, которые основываются не какой-то широкой идеологии, но нацелены на достижение целей, относительно одной проблемы (защита окружающей среды, защита животных и пр.).

Представляется возможным говорить о классификации террористических группировок по ряду оснований, в частности, у С. Марсден и А. Шмидта¹⁵ находим следующие основания: 1) специфика структуры группировки (пирамидальная

¹³ Там же.

¹⁴ Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., de Wolf A., Mann L., Feddes A.R. Terrorism, radicalization and de-radicalization // Current Opinion in Psychology. 2016. P. 79–84.

¹⁵ Atran S. Psychology of Transnational Terrorism and Extreme Political Conflict // Annual review of psychology. 2020. Vol.72. P. 471–501. DOI:10.1146/annurev-psych-010419-050800

иерархия, сети без лидеров или коалиции); 2) масштаб деятельности (местный, региональный, глобальный); 3) ключевые убеждения (религиозные, светские); 4) тактика деятельности (убийство, уничтожение мирного населения, информационная война); 5) конечные цели (признание, реформы, политические изменения) и пр.

1.1. Проблема терроризма в современном мире

Количественные показатели, так или иначе, свидетельствуют в пользу роста террористических актов¹⁶.

Насколько позволяет судить динамика количества погибших в результате терактов, отраженная на Рис. 1.1, после пика 2014 г. к 2018 г. отмечается спад на 52%, можно заметить, что террористические акты локализованы в некоторых регионах мира: Ближний Восток, Южная Азия, Африка к югу от Сахары. На долю именно этих регионов пришлось 93% жертв терроризма с 2002 по 2017 гг.¹⁷ С одной стороны, наивный взгляд на Рис. 1.1 позволяет говорить о росте жертв от террористических атак в мире в промежуток от 1972 до 2014 гг. Действительно последующий спад имеет место быть. Верно и то, что гибель людей в результате террористических атак происходит в определенных точках планеты. В современной истории, как отмечают А. Круглянски и А. Шевланд¹⁸, представляется возможным говорить об изобретательности террористов в организации террористических актов. Среди действий, которые в наибольшей степени используются террористическими организациями за последние десятилетия, таковы: взрывы бомб (в том числе реализованные террористами-смертниками); убийства; вооруженные нападения; похищения людей; поджоги; угоны самолетов и захват заложников (Рис. 1.2).

С другой стороны, события 11 сентября 2001, несомненно, изменили мир, сделав первостепенными вопросы безопасности в странах Западного мира, которые ошибочно считали себя неуязвимыми по отношению к бедам так называемых *стран третьего мира*. В этой связи только количественной стороны анализа явно мало для понимания терроризма как явления современного мира.

Наибольший интерес, с психологической точки зрения, представляет анализ особенностей терроризма, которые объясняют, почему это явление, ставшее

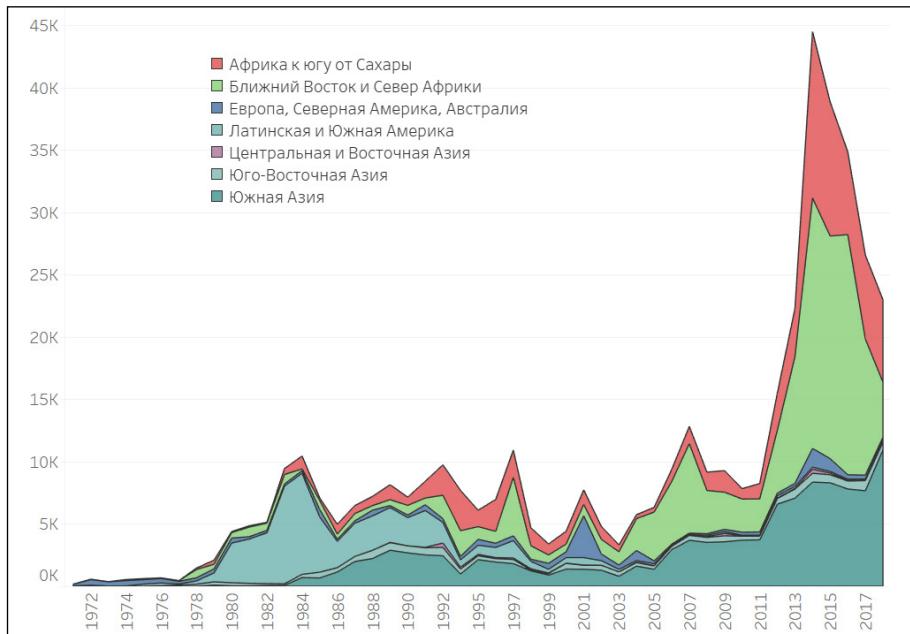
---

¹⁶ Global Terrorism database.2020. <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (Дата обращения: 31.03.2025)

¹⁷ Institute for Economics & Peace. *Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism*. 2019

¹⁸ Kruglanski A., Sheveland C. Terrorism. In M.A. Hogg, J.M. Levine (eds). *Encyclopedia of Group Processes and Intergroup Relations*. Thousand Oaks: Sage. 2010. P. 916-919.

вездесущим¹⁹, по-прежнему остается проблемой современного мира, требующей не только самого серьезного изучения, но действенных и своевременных превентивных мероприятий²⁰. Как отмечает С. Этран, терроризм, вне зависимости от причинения физического вреда невинным жертвам, имеет чрезвычайно серьезные последствия психологического, социального и политического толка²¹.

Рис. 1.1 Количество погибших в результате терактов в различных регионах мира (1972–2018)

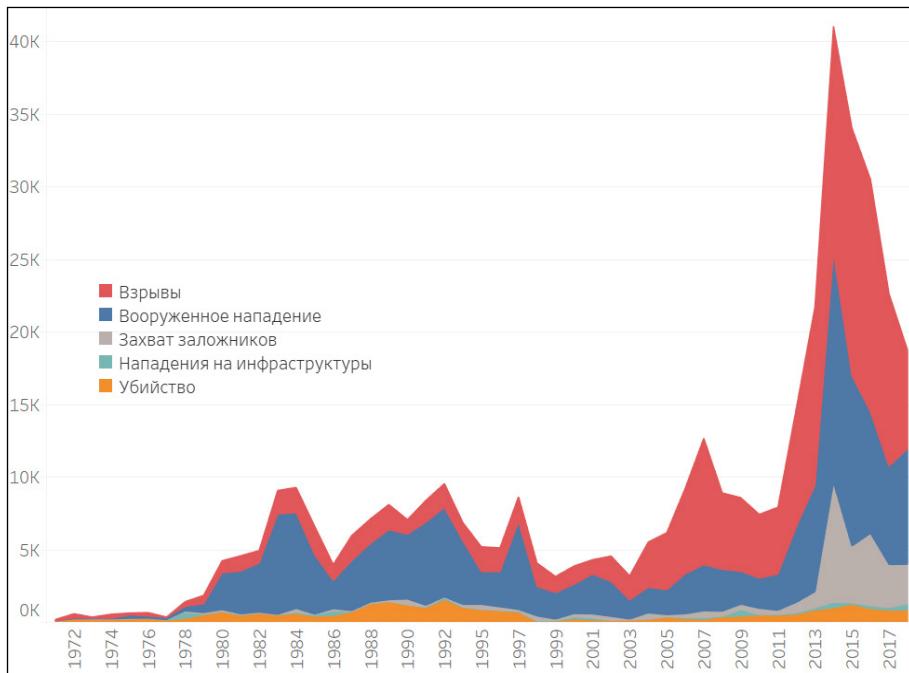
* Примечание: Расчеты выполнены авторами на основе данных, представленных в Глобальной базе данных по терроризму за указанный период²².

¹⁹ Wiewiorka M. From the «classic» terrorism of the 1970s to contemporary «global» terrorism. In D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska (eds.). *Societies under threat*. Cham: Springer. 2020. P.75-85

²⁰ Schuurman B. Topics in terrorism research: reviewing trends and gaps, 2007-2016 // *Critical Studies on Terrorism*. 2019. Vol. 12. P. 463—480. DOI: 10.1080/17539153.2019.1579777

²¹ Этран С. Психология международного терроризма и радикальных политических конфликтов// Теории и практики радикализма и экстремизма: сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН. 2023. С.101-153.

²² *Global Terrorism database*. 2020. <https://www.start.umd.edu/data-tools/GTD> (Дата обращения: 31.03.2025).

Рис. 1.2 Численность различных категорий террористический действий (1972–2018)

* Примечание: Расчеты выполнены авторами на основе данных, представленных в Глобальной базе данных по терроризму за указанный период²³.

Во-первых, необходимо отметить, что произошла так называемая трансформация терроризма из *классического* в *глобальный*. Как отмечает М. Вьеворка²⁴, начало глобального терроризма было ознаменовано двумя террористическими атаками, произошедшими 23 октября 1983 г. в Бейруте. Действия террористов-смертников были направлены против миротворческих сил: несколько группировок, начиненных взрывчаткой, врезались в казармы один за другим ранним утром и унесли жизни 306 военных-миротворцев. С этого момента терроризм

²³ Так же.

²⁴ Wiewiorka M. From the «classic» terrorism of the 1970s to contemporary «global» terrorism. In D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska (eds.). Societies under threat. Cham: Springer. 2020. P.75-85

перестал быть явлением, ограниченным рамками какого-либо одного государства, масштаб этой деятельности стал глобальным и безграничным, а сами террористические организации стали мультинациональными. Дж. Викторофф²⁵ обозначает целый ряд взаимосвязанных процессов, происходящих в обществе, которые, несомненно, сопряжены с трансформацией терроризма из классического в современный: с одной стороны, имеет место глобализация торговли, путешествий и распространения информации (так называемая — пятая информационная революция, выделяемую А.И. Ракитовым²⁶). Все это высвечивает экономическое неравенство и идеологическую конкуренцию, как следствие, люди, расположенные в различных точках планеты, могут теперь объединяться и координировать свою совместную террористическую деятельность. С другой — религиозный фундаментализм занимает теперь важное место в современном обществе, Дж. Викторофф обозначает его как «обиженного конкурента рыночно-экономических, демократических и светских тенденций современности»²⁷. Наконец, речь идет о доступности оружия массового уничтожения, так сказать — его приватизации, что значительно облегчает задачу террористических организаций, облегчая процесс совершения масштабных действий.

С опорой на статистические данные, представленные в Глобальной базе данных по терроризму с 1970 по 2019, взрывы и вооруженные нападения являются ведущими способами совершения террористических атак (соответственно 95966 и 51632 случаев)²⁸. Динамика количества погибших в результате терактов такова, что после пика 2014 г. отмечается спад на 52% к 2018 г²⁹.

---

²⁵ Victoroff J. The Mind of the Terrorist: A Review and Critique of Psychological Approaches // Journal of Conflict Resolution. 2005. Vol. 49. P. 3–42.

²⁶ Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 14–34

²⁷ Victoroff J. The Mind of the Terrorist: A Review and Critique of Psychological Approaches // Journal of Conflict Resolution. 2005. Vol. 49, p.3.

²⁸ European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, «European Union Terrorism Situation and Trend Report 2020,» <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2020>; Global Terrorism database. 2020. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (Дата обращения: 31.03.2025)

²⁹ Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б. Вовлеченность в террористическую деятельность в России и мире: от психологических к социально-психологическим факторам // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. №2. С. 227–246

В то же самое время стоит обратить внимание на тот факт, что представители террористических организаций призывают к совершению атак с использованием любых доступных средств, не требующих ни больших финансовых вложений, ни специальной подготовки и квалификации для достижения цели (будь то кухонный нож или автомобиль; оба эти инструмента неоднократно оказывались способами террористических атак на мирных граждан в разных городах планеты).

Апогей глобального терроризма пришелся на 11 сентября 2001 года; его новым элементом стали так называемые «спящие ячейки», которые, как отмечает Ж. Бодрийяр, могут проснуться в любой момент и начать действовать³⁰. Этот аспект лишний раз указывает на то, что терроризм по-прежнему является чрезвычайно серьезной угрозой в современном мире, для противодействия которой требуются действенные мероприятия, включающие, среди прочего, разработку и использование системы мониторинга подростково-молодежной среды.

В России проблемы терроризма в конце XX века изначально имели свои отличительные особенности, едва ли касающиеся противостояния стилей жизни, систем ценностей. В частности, специфика «современного терроризма, с которым столкнулась Россия на Северном Кавказе, — это сращивание на основе радикального ислама религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого международными структурами»³¹. Однако теперь, как и в случае других стран, угрозу представляет глобальный терроризм.

Во-вторых, террористические организации стали активно использовать все самые последние достижения прогресса современного мира, встраиваясь в глобализированную систему, сливаются с ней³². Другими словами, эти организации применяют достижения цивилизации для борьбы с ней же самой. В частности, с помощью сети Интернет группировкам удается достичь такого масштаба коммуникации, о которой едва ли можно было думать до появления этого технического средства. Теперь возможно устанавливать, поддерживать и развивать контакты со все большим и большим количеством людей в разных точках мира, привлекать новых членов террористической организации, содействовать их радикализации и управлять деятельностью

---

³⁰ Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик. 2017. 226 с.

³¹ Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм. Социально-психологический анализ. М.: Издательство «Институт психологии РАН». 2008, с.34

³² Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик. 2017. 226 с.

боевиков³³. Стоит подчеркнуть, что модернизировалась и сама форма воздействия. Как отмечает Ф. Хосрохавар³⁴, ИГИЛ* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ), по сравнению с Аль-Каидой* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ), в значительной степени трансформировало стратегию воздействия, коммуникации. В частности, самым активным образом стали использоваться популярные темы из западных сериалов, рекламы, видеоигр, музыки. Широко известные темы были наделены новым смыслом, таким образом, в легко всплывающие в памяти будь то музыкальные или визуальные ряды встраивается новое содержание, привычные мотивы наделяются идеями риторикой, связанной с насилием.

Более того, в современном мире, где «власть текстов» уступила место «власти изображений»³⁵, экстремистская пропаганда выстраивает стратегию коммуникации в соответствии с этими изменениями, принимает во внимание специфику «визуальной культуры»³⁶.

На изобилие изображений в экстремистской пропаганде уже неоднократно обращалось внимание в ряде исследований³⁷. Факт доминирования изображений может объясняться как эпохой визуальной риторики, так и тем, что изображения позволяют преодолевать языковые барьеры, как следствие — открывается возможность беспрепятственного обращения к значительной аудитории во всем

³³ Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А. Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 152–165. DOI: 10.17759/psylaw.2020100411; Чайников Ю.В. Хосрохавар Ф. Кибер-Халифат ИГИЛ. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // Carnet du CAPS. Paris. 2018. № 26. Р. 89–100 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и Африканистика. Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 96–99.

³⁴ Чайников Ю.В. Хосрохавар Ф. Кибер-Халифат ИГИЛ. Khosrokhavar F. Le cyber-caliphate de Daech // Carnet du CAPS. Paris. 2018. № 26. Р. 89–100 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и Африканистика. Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 96–99.

³⁵ Kalmus V. Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In D. Macedo S.R. Steinberg (eds.). Media Literacy: A Reader. New York: Peter Lang. 2007. P. 157–165.

³⁶ Silke A. The study of terrorism and counterterrorism. In A. Silke (ed.). Routledge Handbook of terrorism and counterterrorism. New York: Routledge. 2019. P. 1–10.

³⁷ Conesa P., Huyghe F.B., Chouraqui M. La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux. FMSH. Observatoire des radicalisations. Paris. 2016. 230 p.; Moliner P., Bovina I., Tikhonova A. Images propagatrices et textes propagandistes dans la communication islamiste // 12ème édition du Congrès International de Psychologie Sociale en Langue Française, Louvain-la-Neuve, 4–6 juillet 2018. Louvain-la-Neuve. 2018.

мире. Отсюда можно ожидать, что визуальные аспекты экстремистской пропаганды не зависят от контекста, специфичного для той или иной культуры. В то же самое время изображения, благодаря их аффективной заряженности, нацелены на то, чтобы усиливать идеи текста, который они сопровождают. Наконец, если используемые изображения призывают к определенным действиям тех, кому адресована пропагандистская коммуникация, то очевидно, что эти изображения способны актуализировать соответствующие представления, конгруэнтные тому, о чем говорится в соответствующем тексте³⁸. В настоящем учебном пособии анализу специфики воздействия в связи с процессом радикализации, а также обсуждению особенностей коммуникации, используемой террористическими организациями, специальное внимание будет уделено в отдельной главе (Глава 4).

В-третьих, со времен террористических атак в США 11.09.2001 серьезной угрозой стала радикализация в местах лишения свободы³⁹. Разные стратегии содержания осужденных (изоляция тех, кто осужден за террористическую и экстремистскую деятельность, от других категорий осужденных или интеграция единичных осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность в группы осужденных по другим статьям), используемые в различных странах, не дают пока успешного разрешения данной проблемы. Вполне возможно, что игнорируется психологическая составляющая процесса радикализации, а именно: механизмы, по которым происходит этот процесс в местах лишения свободы. Этот аспект проблемы будет затронут нами в отдельной главе (Глава 3).

В-четвертых, проблема радикализация женщин. Этот вопрос только начинает интересовать исследователей, поскольку, по умолчанию, террористическая деятельность трактуется как деятельность, реализуемая мужчинами⁴⁰. Апелляция

³⁸ Moliner P., Bovina I., Tikhonova A. Images propagatrices et textes propagandistes dans la communication islamiste // 12ème édition du Congrès International de Psychologie Sociale en Langue Française, Louvain-la-Neuve, 4–6 juillet 2018. Louvain-la-Neuve. 2018; Moscovici S. La psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France. 1976. 652p.

³⁹ Jones C.R. Are prisons really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization // Punishment and society. 2014. DOI:10.1177/1462474513506482; Millana L. Terrorism and violence in Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections. In J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintanal (eds.). Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy. Verlag: Springer International Publishing. 2018. P. 138—153.

⁴⁰ Spencer A.N. The Hidden Face of Terrorism: An Analysis of the Women in Islamic State // Journal of Strategic Security. 2016. Vol. 9. P. 74—98.; Wickham B.M., Capezza N.M., Stephenson V.L. Misperceptions and motivations of the female terrorist: A Psychological Perspective // Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma. 2020. Vol. 29. P. 953—968; Von Knop K. The Female Jihad: Al Qaeda's Women // Studies in Conflict and Terrorism. 2007. Vol. 30. P. 397—414.

к ошибочной идеи о том, что женщины не способны к совершению жестоких действий (как же дающая жизнь может ее отнять у других, совершая теракт⁴¹), о том, что женщины в террористических организациях — всего лишь второстепенные персонажи, всего лишь жены или матери террористов, — все это оборачивается тем, что из фокуса внимания ускользает чрезвычайно важный факт: именно женщины воспитывают детей. Они транслируют соответствующие ценности, формируют определенную картину мира, поощряют соответствующее поведение.

Игнорирование роли женщины оборачивается тем, что именно женщины используются для выполнения таких задач, где мужчины привлекают повышенное внимание и подвергаются контролю, как следствие, тот факт, что женщины в меньшей степени подвергаются контролю безопасности, чем мужчины, позволяет смертницам беспрепятственно совершить теракт, беспрепятственно проникая в определенную точку.

Кроме всего прочего, женщины выполняют ряд других важных обязанностей в террористической организации, среди которых: информаторы, специалисты по разработке стратегии пропаганды, рекрутеры, руководители подразделений, квалифицированные специалисты, переводчики, объекты сексуальной приманки и пр⁴². Информация, распространяется в социальных сетях женщинами, воспринимается иначе, чем информация, транслируемая мужчинами. Участие женщин в террористических актах может использоваться для демонстрации безнадежности положения той или иной группы, вынужденной меры доведенных до крайности притесняемых жителей. Так или иначе, но игнорирование факта, что женщины принимают активное участие в деятельности террористической организации, ведет к тому, что превентивные меры в меньшей степени ориентированы на женщин. Как следствие, логичным видится рост вовлеченности женщин в деятельность террористических организаций, на что указывает анализ литературы⁴³.

---

⁴¹ Wickham B.M., Capezza N.M., Stephenson V.L. Misperceptions and motivations of the female terrorist: A Psychological Perspective // Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma. 2020. Vol.29. P.953— 968.

⁴² Spencer A.N. The Hidden Face of Terrorism: An Analysis of the Women in Islamic State // Journal of Strategic Security. 2016. Vol. 9. P. 74—98.; Wickham B.M., Capezza N.M., Stephenson V.L. Misperceptions and motivations of the female terrorist: A Psychological Perspective // Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma. 2020. Vol.29. P.953— 968; Von Knop K. The Female Jihad: Al Qaeda's Women // Studies in Conflict and Terrorism. 2007. Vol. 30. P. 397—414.

⁴³ Бовин Б.Г., Москвитина М.М., Бовина И.Б. Радикализация женщин: объяснительный потенциал социально-психологического знания [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 3. С. 97–107. DOI: 10.17759/jmfp.2020090309

Кроме того, представляется возможным говорить о том, что Аль-Каида* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ) и ИГИЛ* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ) по-разному трактовали вовлеченность женщин в террористическую активность и использовали их: так, Аль-Каида* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ), как отмечает С. Этран⁴⁴, реализовывала акты насилия, используя преимущественно молодых мужчин. ИГИЛ*(*признана террористической организацией, запрещена в РФ), стремясь к построению государства, было заинтересовано в привлечении женщин, как следствие, женщины составили от 25% до 33% от всех тех, кто вступил в ряды этой террористической организации⁴⁵. Среди прочих стратегий, представители этой террористической организации использовали сайты знакомств для рекрутования женщин.

Если попытаться сделать некоторое обобщение, относительно специфики современного терроризма, то стоит обратиться к работе современного французского философа Ж. Бодрийара «Дух терроризма»⁴⁶. Важность анализа этой работы объясняется тем, что Ж. Бодрийяр очень точно подметил и описал особенности современного терроризма, его специфику, которая имеет психологическое объяснение.

Для Ж. Бодрийара, масштаб события 11 сентября 2001 года едва ли сравним с какими-либо событиями, которые происходили в мире ранее, поскольку девятнадцать камикадзе, используя оружие собственной смерти, усиленное современной технологией, запустили глобальный катастрофический процесс под названием *террор* против *террора*.

Парадоксально, что энергия, которую использует терроризм, не может быть понята в рамках той или иной идеологии, даже исламистской. Как отмечает Ж. Бодрийяр, её цель не в том, чтобы преобразовать мир, а в том, чтобы его радикализировать с помощью жертвоприношений. Одновременно с этим — цель глобализации заключается в том, чтобы реализовать себя с помощью технологий и силы. Отсюда, исчезает та разделятельная линия, которая позволила бы сделать терроризм видимым, поскольку он находится в самом центре цивилизации, в ней самой. Однако это вовсе не является собой столкновение цивилизаций, речь идет

---

⁴⁴ Этран С. Психология международного терроризма и радикальных политических конфликтов// Теории и практики радикализма и экстремизма: сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН. 2023. С.101-153.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик. 2017. 226 с.

о фундаментальном антагонизме, который указывает на столкновение торжествующей глобализации с самой собой же. С точки зрения Ж. Бодрийяра, в результате двух мировых войн, цивилизация все больше и больше продвигалась в сторону создания мирового порядка, однако этот порядок, подошедший к своему завершению, сталкивается с силами, которые рассеяны внутри самого глобализма. Эти силы дают знать о себе во всех современных общественных потрясениях. Террористы используют собственную смерть, сделав из нее своего рода средство возмездия, на что указывает Ж. Бодрийяр. Другими словами, едва ли в мире существует какое-либо средство, которое было бы сильнее, чем собственная жизнь⁴⁷. Отсюда, как замечает Бодрийяр, и возникает та самая неэквивалентность: один удар по системе обеспечил три тысячи жертв, наивысшая ценность этой системы — человеческая жизнь. Для террористов ключевым является смерть, которая оказывается тройкой: одновременно реальной, символической и жертвенной. Именно в этом и заключается дух терроризма: система сама должна покончить с собой, в ответ на многократные вызовы убийств и самоубийств. С одной стороны, террористы обладают самыми современными средствами, которыми только имеются у цивилизации, против которой они борются. С другой — над всем этим надстраивается еще одно наименее сильное оружие — собственная смерть.

Будь то деньги или биржевые спекуляции, информационные или авиационные технологии, зрелищный размах и медиасети, модернизация и глобализация, — всё это активно и умело используется террористами, при этом избранный ими курс на уничтожение системы не изменяется. Достаточно опасным является тот факт, что террористы стали незаметными, неотличимыми от остальных. Они ведут себя так, как и все остальные граждане: проживают в городах, получают образование, живут в семьях, как пишет Ж. Бодрийяр⁴⁸, но все это — только до поры до времени. В определенный момент они пробудятся и перейдут к активным действиям, по аналогии с бомбой замедленного действия, и совершат акт террора. Очевидно, что в отношении этих террористов на уровне наивного наблюдения, здравого смысла, можно сказать, что эти люди быстро радикализировались. Однако такая позиция — ошибочна. Если обратиться к психологическому знанию, то представляется возможным говорить о том, что наблюдению доступны только поведенческие акты, процессы, происходящие на когнитивном уровне индивида — скрыты от прямого наблюдения. Отсюда, замечая измене-

---

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

ния в поведении того или иного индивида, скорее всего говорят в пользу того, что он достиг поздней стадии радикализации и близок к попытке осуществления террористического акта. Безусловно, значительную роль в предотвращении террористической деятельности играют соответствующие структуры и службы, отвечающие за безопасность государства. Психологическая задача сводится к оценке риска радикализации, другими словами, необходима соответствующая система мониторинга, которая позволила бы обнаружить людей, уязвимых по отношению к радикализации, до того, как они перейдут к действиям.

Если возвращаться к концепции Ж. Бодрийара, то можно заметить, что есть еще один аспект вовлечения в террористическую деятельность, на который обращает внимание философ, и которое находит свое объяснение в рамках психологического знания: моральную ответственность за совершенный акт террора, как отмечает Ж. Бодрийар, возьмет на себя организация, и это ключевой момент, поскольку он позволяет исполнителям обрести то самое спокойствие духа, столь необходимое им. Для понимания психологического объяснения этого явления необходимо обратиться к исследованиям С. Милграма по подчинению авторитету⁴⁹, где экспериментальная схема предполагала возникновение у испытуемого так называемого *состояния винтика* (ответственность за действия ученика нес учитель), в результате — испытуемый давал разряды электрическим током, доходя до максимального значения, не имея при этом психологических конструктов (будь то «темная триада» (макиавеллизм, нарциссизм, неклиническая психопатия; современные авторы предлагают говорить о «темной тетраде», где четвертым элементом является неклинический садизм⁵⁰) или какие-то еще особенности) которые позволили бы объяснить происходящее путем апелляции к диспозиционными факторами. Многократные попытки воспроизведения экспериментальной схемы С. Милграма демонстрировали все ту же закономерность подчинения испытуемого авторитетной фигуре экспериментатора, варьировал процент испытуемых, идущих до конца⁵¹.

---

⁴⁹ Милграм С. Подчинение авторитету. М.: АНФ.2016. 282 с.

⁵⁰ Moor L., Anderson J.A systematic literature review of the relationship between dark personality traits and antisocial online behaviours // Personality and Individual Differences. 2019. Vol.144. P.40—55. DOI:10.1016/j.paid.2019.02.027

⁵¹ Beauvois J.-L., Courbet D., Oberlé D. The Prescriptive Power Of The Television Host. A transposition of Milgram's obedience paradigm to the context of TV game show// European Review of Applied Psychology. 2012. Vol. 62. P.111-119.; Burger J.M. Replicating Milgram: Would People Still Obey Today?// American Psychologist. 2009. Vol.64. P. 1—11.

Особое внимание стоит уделить одной из современных попыток воспроизведения экспериментальной схемы С. Милграма, которую предпринял Ж.-Л. Бовуа с коллегами⁵². Легитимная власть науки (как это было в 60-х гг., когда С. Милграм предпринял свой эксперимент) была заменена на легитимную власть медиа — в частности — телевидения на примере так называемого *реалити-шоу* (что в полной мере соответствует реалиям современного мира). Итак, оригинальная экспериментальная парадигма С. Милграма представлена в виде телевизионной игры, где ведущий является агентом власти медиа (аналог экспериментатора в эксперименте Милграма). Сравнение классической и новой экспериментальных парадигм по 15 ключевым параметрам показало, что смена источника легитимной власти не изменила суть экспериментальной схемы, что и позволяет считать эксперимент Ж.-Л. Бовуа воспроизведением эксперимента С. Милграма. Выборка была подобрана по тем же критериям, что и в работе Милграма (в классическом эксперименте было 40 мужчин в возрасте от 20 до 50 лет, представители различных профессий; у Ж.-Л. Бовуа возраст испытуемых составил от 25 до 55 лет), Ж.-Л. Бовуа расширил выборку, добавив 36 женщин, отобранных по тем же критериям, что и мужчины. Вместо диапазона от 15 до 450 вольт с шагом в 15 вольт Ж.-Л. Бовуа использовал шкалу от 20 до 460 вольт с шагом в 20 вольт. К четырем имеющимся у С. Милграма уровням инструкции (1) «Пожалуйста, продолжайте» (или «Пожалуйста, дальше»); 2) «Условия эксперимента требуют, чтобы вы продолжали»; 3) «Чрезвычайно важно, чтобы вы продолжали»; 4) «У вас нет другого выбора, вы должны продолжать»⁵³), Ж.-Л. Бовуа добавил еще один — пятый уровень, который гласил: «Мы несем ответственность за последствия»⁵⁴. Как мы видим, этот уровень в наибольшей степени приближен к той реальности, которую обсуждает Ж. Бодрийяр в своей работе «Дух терроризма».

Если в базовом эксперименте С. Милграма уровень подчинения соответствовал 62,5% респондентов, то в эксперименте Ж.-Л. Бовуа подчинение было зафиксировано в 81% случаев⁵⁵.

---

⁵² Beauvois J.-L., Courbet D., Oberlé D. The Prescriptive Power Of The Television Host. A transposition of Milgram's obedience paradigm to the context of TV game show// European Review of Applied Psychology. 2012. Vol. 62. P.111-119.

⁵³ Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер. 2000. 336 с.

⁵⁴ Beauvois J.-L., Courbet D., Oberlé D. The Prescriptive Power Of The Television Host. A transposition of Milgram's obedience paradigm to the context of TV game show// European Review of Applied Psychology. 2012. Vol. 62. P.111-119.

⁵⁵ Там же.

Эксперимент С. Милграма и его последующие воспроизведения, подтверждающие изначальную идею ученого, несомненно, обладают ценностью в логике понимания современного терроризма и его легитимизации, демонстрируя в очередной раз, что факт подчинения авторитету не является функцией от личностных диспозиций, представляется возможным говорить о социально-психологических закономерностях, которые не зависят от индивидуально-психологических или личностных особенностей.

Подчеркнем особо, что в литературе существуют попытки объяснить результаты экспериментов С. Милграма отличающимся от оригинальной идеи образом: индивид попадает в ситуацию ролевой игры, где имеется анонимность и так называемое — авторитетное разрешение на поведение, что высвобождает неадекватный уровень агрессии индивида⁵⁶. Несмотря на потенциальную привлекательность такой трактовки, следует отметить, что она не соответствует тому, о чем пишет в оригинальном тексте С. Милграм: речь не идет об агрессии⁵⁷, испытуемый следует за статусной фигурой до победного конца. Этот момент представляет для нас чрезвычайный интерес в логике анализа проблемы радикализации и понимания того, что за вовлечением в террористическую деятельность не стоит диспозиционные конструкты, касающиеся агрессии или жестокости.

Возвращаясь к концепции Ж. Бодрийяра, заметим, что в суицидальный терроризм были вовлечены преимущественно представители бедных слоев населения, то нынешний терроризм — принадлежит богатым, у которых, несомненно, есть все степени свободы и средства для благополучной жизни, и, несмотря на это, как пишет автор, они желают *нашей смерти*⁵⁸. Факт вовлеченности состоятельных людей в террористическую деятельность, с точки зрения А.Ш. Тхостова с коллегами⁵⁹, есть реализация потребности в новых и сильных впечатлениях. На вовлеченность в террористическую деятельность представителей среднего класса, а также представителей зажиточной части населения указывает и М. Вьеверка⁶⁰.

⁵⁶ Зинченко Ю.П., Сурнов К.Г., Тхостов А.Ш. Мотивация террориста // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. №2. С.20-34.

⁵⁷ Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер. 2000. 336 с.

⁵⁸ Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик. 2017. 226 с.

⁵⁹ Зинченко Ю.П., Сурнов К.Г., Тхостов А.Ш. Мотивация террориста // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. №2. С.20-34.

⁶⁰ Wieviorka M. L'échec de l'Occident. Michel Wieviorka, sociologue. Carnet de recherche. 2015. DOI:10.58079/valu

Было бы упрощением полагать, что низкий социальный статус является объяснением вовлечения в террористическую деятельность, состоятельные и образованные, социально благополучные граждане вовлекаются в террористическую деятельность не в силу «избыточной плотности окружающего их бытия, а именно от его легкости»⁶¹. Идея вовлеченности состоятельных людей в террористическую деятельность — поддерживается эмпирическими фактами, свидетельствующими о том, что социально-экономические факторы не объясняют присоединения индивида к террористическим группам со всеми вытекающими последствиями⁶². На дискуссионности тезиса о том, что нужно искать социально-демографические предикторы (будь то возраст, социоэкономический статус, религиозная принадлежность, относительная депривация и пр.) радикализации указывают А. Круглянски и А. Шевланд⁶³: этот эффект едва ли можно аргументировать на концептуальном уровне, поскольку значительное количество населения оказывается в сходной ситуации, но только единицы вступают на путь радикализации. Таким образом, эти средовые особенности не являются необходимыми и достаточными, однако их принимают во внимание как факторы, которые могут усилить приверженность индивида террористической деятельности.

В современном мире информация о террористическом акте получает мгновенное распространение по всему миру, как следствие, это событие приобретает чрезвычайную силу воздействия, в результате — средства массовой коммуникации (СМК) становятся практически пособником террористов. Таким образом, представляется возможным говорить о том, что в современном мире террор оказывается вполне беспомощным без массмедиа. Даже в случае «Красных бригад» — меньшее освещение их «подвигов» в массмедиа, снизило привлекательность этих группировок для новобранцев⁶⁴.

Акт возмездия развивается по сходной спирали, как и сам террористический акт: никто не знает, на чем он остановится, где повернет вспять, что будет потом⁶⁵.

---

⁶¹ Зинченко Ю.П., Сурнов К.Г., Тхостов А.Ш. Мотивация террориста // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. №2, с.29.

⁶² Galland O., Muxel A. La tentation radicale: enquête auprès des lycéens. Paris : Presses Universitaires de France. 2018. 464 p.

⁶³ Kruglanski A., Sheveland C. Terrorism. In M.A. Hogg.,J.M. Levine (eds). Encyclopedia of Group Processes and Intergroup Relations. Thousand Oaks: Sage. 2010. P. 916-919

⁶⁴ Зинченко Ю.П., Сурнов К.Г., Тхостов А.Ш. Мотивация террориста // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. №2. С.20-34.

⁶⁵ Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик. 2017. 226 с.

В этом спектакле, по мнению Бодрийяра, и заключается победа террористов. В этом — ее вездесущность, ибо ощутимо проникновение событий не только в экономику, политику, финансы, но даже в мораль и психологию людей. Происходит спад системы ценностей, либеральной идеологии, свободного движения капиталов, товаров. Другими словами, случается рецессия всего того, что составляло гордость западного мира, всего того, что он использовал для влияния на остальной мир⁶⁶.

В заключение Ж. Бодрийяр делает достаточно мрачный прогноз последствий глобального терроризма: либеральная идея умирает в сознании людей, а либеральная глобализация трансформируется в свою противоположность — в полицейскую глобализацию, в вариант тотального контроля и террора безопасности. Либерализация закончится максимальным принуждением и приведет к созданию общества, так похожего на фундаменталистское.

Как мы видим, специфика современного терроризма, трансформировавшегося из *классического* в *глобальный*, национального в транснациональный, стратегии воздействия, умело использующие технологии современного мира, способствующие вовлечению в террористическую деятельность, радикализация в местах лишения свободы⁶⁷, радикализация женщин, — все это лишь некоторые аспекты сложнейшей проблемы современности под названием терроризм.

Очевидно, что даже беглого взгляда на проблему терроризма достаточно для того, чтобы понять всю серьезность положения дел в современном обществе. Как следствие, чрезвычайно важным оказывается разработка профилактических и превентивных мероприятий, направленных на дерадикализацию.

Разработка такого рода мер с необходимостью требует не только понимания того, как люди становятся на путь легитимизации террористической активности, присоединяясь к террористическим группировкам, но и опираться на надежную

---

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Журавлев А.Л., Юревич А.В. Социально-психологические факторы вступления молодежи в ИГИЛ// Вопросы психологии. 2016. №3. С.16-28; Оганесян С.С., Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Дикопольцев Д.Е. Проблема распространения религиозного экстремизма в местах лишения свободы [Электронный ресурс]// Ведомости Уголовно-исполнительной системы. 2019. №3. С.51-59.; Тихонова А.Д. Социальные медиа и молодежь: риск радикализации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 4. С. 55–64. doi:10.17759/psylaw.2018080406; Conesa P., Huyghe F.B., Chouraqui M. La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux. FMSH. Observatoire des radicalisations. Paris. 2016. 230 p.; Moliner P., Bovina I., Tikhonova A. Images propagatrices et textes propagandistes dans la communication islamiste. 12ème édition du Congrès International de Psychologie Sociale en Langue Française, Louvain-la-Neuve, 4-6.07.2018; Wieviorka M. From the «classic» terrorism of the 1970s to contemporary «global» terrorism. In D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska (eds). Societies under threat. Cham: Springer. 2020. P.75-85.

систему мониторинга риска радикализации, в частности, в подростково-молодежной среде. В основе этой системы мониторинга должна лежать модель оценки риска, позволяющая предсказывать на ранних стадиях людей, уязвимых к радикализации. Подчеркнем, что модель оценки риска с необходимостью должна иметь под собой адекватную теоретическую рамку, получившую неоднократную экспериментальную проверку. Только в таком случае можно говорить о построении определенного прогноза, понимая все ограничения, связанные с оценкой риска⁶⁸.

В определенном смысле социальный запрос, к сожалению, опережает возможности психологического знания. Тем не менее, разработка профилактического воздействия невозможна без понимания психологических механизмов, стоящих за процессом радикализации.

1.2. Терроризм и его легитимизация как проблема исследования

Апеллируя к анализу, предпринятым М. Вьеверкой⁶⁹, представляется возможным говорить о том, что на исследовательском уровне проблема терроризма значительный период времени оказывалась своего рода маргинальной областью для социальных наук. Будучи не очень привлекательной, едва ли благородной и престижной, по сравнению с другими проблемами, она оставалась в стороне от академического интереса достаточно продолжительное время. С точки зрения М. Вьеверки, за этим стоит рассогласованность между самой предметной областью и устоявшимися канонами академической жизни. Анализ терроризма с 1960-х гг. предпринимался преимущественно экспертами, которые на практике решали проблемы терроризма. Со временем положение дел в некоторой степени изменилось, что, с точки зрения М. Вьеверки, является результатом эволюции социальных наук⁷⁰. Можно добавить, что и ситуация с терроризмом как явлением современного общества претерпела определенные трансформации.

Если рассматривать историю изучения проблем терроризма в рамках психологического знания, то стоит обратить внимание на тот факт, что в 60-х гг.

---

⁶⁸ Альфарнес С.А., Булыгина В.Г. Структурно-динамические процедуры оценки риска насилия с помощью hcr-20 и v-risk-10 // Российский психиатрический журнал. 2009. №6. С.12-18; Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // American Psychologist. 2017. Vol. 72. P. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121

⁶⁹ Wieviorka M. From the «classic» terrorism of the 1970s to contemporary «global» terrorism. In D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska (eds). Societies under threat. Cham: Springer. 2020. P.75-85.

⁷⁰ Там же.

XX века исследования терроризма были достаточно немногочисленными. Психологическое сообщество склонялось в пользу использования конструктов клинической психологии для объяснения этого феномена. Для объяснения процесса радикализации, в результате которого легитимизируется терроризм, исследователи апеллировали к идее существования так называемого профиля террориста, некоторой патологической личности, имеющей предрасположенность к совершению насилия⁷¹. Со временем объяснение радикализации трансформировалось как с точки зрения объяснения, так и с точки зрения тех вопросов, которые интересовали исследователей⁷².

После событий 11 сентября 2001 года наблюдается ощутимый рост исследовательского интереса к проблеме терроризма и радикализации в социальных науках⁷³.

Для западного мира до 11 сентября 2001 года, о чем свидетельствует анализ А. Силке, университетские курсы по проблемам терроризма были достаточно редким явлением, поскольку само явление рассматривалось как нечто, присущее скорее так называемым *странам третьего мира*. Теперь же, когда благополучные страны столкнулись с феноменом *внутреннего терроризма* (так называемых выращенных дома террористов, т. е. тех, кто был привезен в детском возрасте в страну или родился в ней, и примкнул к террористическим организациям), эта проблематика стала повсеместно не только исследоваться, но и интегрироваться в образовательные программы.

Серьезный рост исследовательского интереса к различным аспектам проблемы терроризма, к пониманию того, как человек вовлекается в террористическую деятельность, становится на путь совершения актов крайнего насилия заслуживает особого внимания. Обращает на себя внимание чрезвычайная озабоченность исследователей⁷⁴, подчеркивающих, что только в 2016 году 13 террористических атак стоили жизни 135 граждан в европейских городах. При этом

---

⁷¹ Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. P. 495–517.

⁷² Blaya-Burgo M. A bibliometric analysis of social identity theory in radicalization research. //Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2024. DOI:10.1037/pac0000779

⁷³ Silke A. The study of terrorism and counterterrorism. In A. Silke (ed.).Routledge Handbook of terrorism and counterterrorism. New York: Routledge. 2019. P. 1–10; Hamid N. Sacred values, social exclusion, community norms and willingness to fight and die (Doctoral dissertation, UCL (University College London)). 2022.

⁷⁴ Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B., Penzkofer M., Scheuermeyer A., Sust L., Schmidt H. Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a Comprehensive Model of

в предшествующие годы показатели жертв от террористических атак были значительно выше, однако это затрагивало другие регионы мира, что в меньшей степени интересовало исследователей (см. Рис. 1.1).

Анализ работ, представленных в системе «Google Scholar», позволил А. Силке сделать примечательный вывод о том, что после событий 11.09.2001 и вплоть до 2016 года, каждый день публиковалось порядка сотни работ (книги, журнальные статьи, тексты диссертаций), в которых присутствовали бы понятия «терроризм» или «террорист»⁷⁵. Как можно заметить, этот процесс продолжается и в настоящее время, проблема терроризма не исчерпана для научного анализа, исследователи по-прежнему находятся в поиске объяснительных схем этой серьезной проблемы современности.

Новые модели позволяют последовательно приближаться к ответам на вопросы о механизмах радикализации, без которых едва ли возможно предпринимать меры, направленные на дерадикализацию, и проводить профилактические мероприятия, о необходимости которых говорится на самом высоком политическом уровне («Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» (утв. Президентом Российской Федерации от 28.12.2024, № Пр-1124)).

В рамках психологического знания в современной литературе имеется своего рода консенсус, согласно которому, объяснительными конструктами процесса радикализации и ее финального акта — терроризма — являются психологические переменные, используемые для «нормальной» популяции⁷⁶. Кроме того, едва ли можно говорить о существовании единого психологического профиля террориста⁷⁷.

То, что касается дискуссии о связи между ментальным неблагополучием и вовлеченностью в террористическую деятельность, то она достаточно активно

Terrorist Radicalization // *Terrorism and Political Violence*. 2019. P. 1–23. DOI:10.1080/09546553.2019.1663828

⁷⁵ Silke A. The study of terrorism and counterterrorism. In A. Silke (ed.).Routledge Handbook of terrorism and counterterrorism. New York: Routledge. 2019. P. 1–10.

⁷⁶ Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. № 3. P. 586–604; Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. P. 495–517.

⁷⁷ Feddes A.R., Nickolson L., van Bergen N.R.J., Mann L., Doosje B. Extremist thinking and doing: A systematic literature study of empirical findings on factors associated with (de)radicalisation processes // *International Journal of Developmental Science*.2023. Vol.17. DOI:10.3233/DEV-230345

велась преимущественно в 1970-1990 гг.⁷⁸ Вовлеченность в терроризм, сопряженный с убийством невинных граждан, объяснялся изначальным ментальным неблагополучием террориста (этот способ объяснения использовался в 60-х гг.⁷⁹), однако эмпирические факты не давали таких оснований: процент распространения ментального неблагополучия среди представителей террористических группировок не был выше, чем в популяции соответствующего возраста. В результате — исследователи отказались от этого объяснительного конструкта. Однако в последние годы дискуссия о ментальном неблагополучии и вовлеченностью в террористическую деятельность вновь стала набирать обороты, что объясняется появлением нового типа террориста (так называемого — *террориста-одиночки*)⁸⁰.

Как отмечают А. Круглянски и А. Шевланд⁸¹, поиск психопатологической личности террориста объясняется уровнем жестокости террористических атак, теми зверствами, которые совершают террористы. Другими словами, убийство невинных граждан является нарушением социальных норм в любой культуре, что актуализирует наивную идею о ментальном неблагополучии автора террористического акта. Однако тезис о патологической личности террориста не получил эмпирической поддержки. С одной стороны, по данным систематического анализа, реализованного П. Жилля с коллегами⁸² на материале 25 исследований (28 выборок), где фиксировалась распространность психического неблагополучия, этот показатель оказался неоднородным и варьировал от 0 до 57%. Последующий анализ, сфокусированный только на 19 исследованиях с объемом выборки в 1705 респондентов, позволил говорить о том, что скорее 14,4% респондентов, которые радикализировались и встали на путь терроризма,

---

⁷⁸ Sarma K.M., Carthy S.L., Cox K.M. Mental disorder, psychological problems and terrorist behaviour: A systematic review and meta-analysis. //Campbell systematic reviews. 2022. Vol.18. DOI: 10.1002/cl2.1268.

⁷⁹ Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. P. 495–517. DOI:10.1111/josi.12026

⁸⁰ Sarma K.M., Carthy S.L., Cox K.M. Mental disorder, psychological problems and terrorist behaviour: A systematic review and meta-analysis. //Campbell systematic reviews. 2022. Vol.18. DOI:10.1002/cl2.1268.

⁸¹ Kruglanski A., Sheveland C. Terrorism. In M.A. Hogg, J.M. Levine (eds). Encyclopedia of Group Processes and Intergroup Relations. Thousand Oaks: Sage. 2010. P. 916-919.

⁸² Gill P., Clemmow C., Hetzel F., Rottweiler B., Salman N., Van Der Vegt I., Marchment Z., Schumann S., Zolghadriha S., Schulten N., Taylor H., Corner E. Systematic Review of Mental Health Problems and Violent Extremism // The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. 2020. Vol. 32. P. 51–78.

имели подтвержденный диагноз. При этом авторы обращают внимание на ту особенность, что этот показатель может оказаться завышенным в некоторой степени, объясняя это следующим образом: во-первых, исследования проводились на сходных выборках (в фокусе преимущественного анализа оказались так называемые террористы-одиночки); во-вторых, исследования были преимущественно реализованы в одном географическом регионе (США). Кроме того, П. Жиль с коллегами отмечают, что факт подтвержденности диагноза варьирует в зависимости от источника данных (так, в случае клинического обследования — 33,47%, в случае привилегированного доступа к полицейским или судебным источникам — 16,96%, наконец, в случае открытых источников — 9,82%). Так или иначе, но для авторов этого систематического анализа полученных результатов достаточно для того, чтобы, как они говорят, развенчать *миф* об отсутствии связи между ментальным неблагополучием и радикализацией⁸³.

Положение дел проясняется на основе результатов систематического анализа, реализованного М. Тримбур в рамках диссертационного исследования по психиатрии.⁸⁴ Автор предпринимает достаточно детальный анализ, который позволяет сделать следующие выводы: во-первых, психическое неблагополучие не является ни единственным, ни достаточным фактором для объяснения процесса радикализации, легитимизации террористической деятельности и вовлеченности в нее. Во-вторых, психическое неблагополучие не является более распространенным среди представителей террористических группировок по сравнению с людьми того же возраста, но не вовлеченных в террористическую деятельность. Наконец, только в отношении так называемых «террористов-одиночек» существуют основания утверждать, что распространенность психического неблагополучия оказывается выше по сравнению с населением в целом. Другими словами, в отношении этой категории террористов констатируется такая закономерность: большая степень изолированности индивида, вовлеченного в совершение террористических действий, сочетается с более высокой частотой представленности психического неблагополучия среди этой категории террористов по сравнению с населением в целом.

В пользу этого положения говорят и результаты другого исследования: террористы-одиночки имеют больше проблем с психическим здоровьем, по срав-

---

⁸³ Там же.

⁸⁴ Trimbur M. Les terroristes et personnes radicalisées ont-ils des troubles mentaux? Une revue systématique de la littérature. Thèse pour le diplôme d'Etat de docteur en médecine. Lille: Université de Lille. 2019. 141 p.

нению с террористами, действовавшими в группе или имевшими отношения с группой экстремистов, не входя, при этом, в состав террористической группировки⁸⁵.

Наконец, недавний систематический анализ, реализованный на основе 56 статей, в которых излагаются результаты 73 исследований (общий объем выборки — 13 648 человек)⁸⁶, позволил К. Сарме с коллегами сделать вывод о том, что гипотеза о связи ментального неблагополучия с вовлеченностью в террористическую деятельность не получает эмпирической поддержки. Если принять тезис о том, что открытые источники не являются надежными, поскольку в них занижается распространенность ментального неблагополучия среди представителей террористических группировок, и исключить из анализа такие исследования, то результаты все равно не позволяют говорить о том, что распространенность ментального неблагополучия выше у представителей террористических группировок по сравнению с общей популяцией. К. Сарма с коллегами указывают на существование тенденций, указывающие на более высокую представленность ментального неблагополучия среди террористов-одиночек⁸⁷. Таким образом, исследования, реализованные на значительных по объему выборках, говорят в пользу того, что ментальное неблагополучие не является объяснением того, почему люди встают на путь радикализации.

На отсутствие единого профиля террориста неоднократно указывается в литературе⁸⁸. Здесь же мы скорее проиллюстрируем этот тезис на примере результатов исследования, предпринятого А. Мерари с коллегами⁸⁹, где с помощью полустандартизированного интервью и проективных методик (Роршаха, ТАТ) на выборке осужденных за терроризм (N=41 человек) были выявлены спец-

---

⁸⁵ Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. P. 495–517.

⁸⁶ Sarma K.M., Carthy S.L., Cox K.M. Mental disorder, psychological problems and terrorist behaviour: A systematic review and meta-analysis. //Campbell systematic reviews. 2022. Vol.18. DOI: 10.1002/cl2.1268.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., de Wolf A., Mann L., Feddes A.R. Terrorism, radicalization and de-radicalization // Current Opinion in Psychology.2016. P. 79–84; Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. P. 495–517.

⁸⁹ Merari A., Diamant I., Bibi A., Broshi Y., Zakin G. Personality Characteristics of «Self Martyrs» / «Suicide Bombers» and Organizers of Suicide Attacks' // Terrorism and Political Violence. 2010. Vol. 22. P. 87–101.

ифические особенности личности трех категорий террористов: 1) «кандидаты» в террористы-смертники (те, у кого взрывное устройство не сработало, и те, кого арестовали по пути к месту совершения террористической атаки); 2) террористы, вовлеченные в акты насилия, но не являющиеся смертниками; 3) организаторы и координаторы действий террористов. Итак, кандидаты в «террористы-смертники» имели значительно более низкий уровень силы Эго по сравнению с террористами-организаторами. Большая часть из осужденных в первой группе демонстрировали зависимый тип личности, поддающийся групповому влиянию. Представителям второй и третьей групп были характерны импульсивность и эмоциональная неустойчивость. «Кандидаты» в террористы-смертники интровертируют свой гнев и влечения, это связывается с предпочтением именной этой роли в террористической организации. Представители других групп экстернализируют гнев, они успешнее справляются с ролями, не требующими самоуничтожения.

Хотя и можно говорить о необходимости различать две категории «кандидатов в смертники»: те, кто не совершил теракта в силу технических причин, могут отличаться от тех, кто был задержан представителями силовых структур. Тем не менее, эти результаты чрезвычайно важны, поскольку они свидетельствует в пользу того, что для понимания сути процесса радикализации и его финальной точки — терроризма — предполагает реализацию более детального анализа, который учитывал бы роль индивида в террористической группировке, а также тип вовлеченности в террористическую деятельность (как член группировки или боец-одиночка)⁹⁰.

Более того, если говорить о радикализации в подростково-молодежной среде, то стоит заметить, что специалисты в области психического здоровья, сравнивая подростков, вовлеченных в радикализацию и терроризм, с делинквентными подростками, не вовлеченными в радикализацию и терроризм, отмечают, что *радикализованные* подростки не характеризуются какими-то определенными нарушениями психического благополучия, не имеют суицидальных тенденций, им не свойствен недостаток эмпатии, по сравнению с делинквентными подростками⁹¹. Исследователи сходятся в точке зрения, что подростковый возраст характеризуется поиском идентичности, и именно этот

---

⁹⁰ Corner E., Gill P. Is There a Nexus Between Terrorist Involvement and Mental Health in the Age of the Islamic State?// Combat Terror Cent West Point. 2017. Vol.10

⁹¹ Bronsard G., Cohen D., Diallo I., Pellerin H., Varnoux A., Podlipski M.A., Gerardin P., Boyer L., Campelo N. Adolescents Engaged in Radicalisation and Terrorism: A Dimensional and Categorical Assessment// Frontiers in psychiatry. 2022. Vol. 12.P.1-11. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.774063

поиск трактуется как ключевой фактор радикализации⁹², хотя радикализация является результатом целого набора иных потенциальных предикторов⁹³.

Таким образом, оставляя в стороне категорию террористов-одиночек, где знания из клинической психологии по-прежнему — востребованы и применимы, и концентрируя внимание только на террористической деятельности, реализуемой группой, очевидно, что объяснительная модель процесса легитимизации терроризма (радикализации), а также модель оценки риска радикализации должны использовать другие конструкты, чем патологическая аномалия личности или психологический профиль террориста. Ключевым должен быть акцент на групповых и межгрупповых процессах. По замечанию А. Круглянски с коллегами, террористические атаки являются собой наиболее кровавые проявления межгрупповых конфликтов современности⁹⁴.

Состояние исследований терроризма и его легализации. Анализ исследований проблемы радикализации (с 1980 по 2010 год), предпринятый П. Нойманном и С. Кляйманном, позволил сделать любопытные выводы: в литературе преобладают исследования, опирающиеся на качественную методологию (анализ единичных случаев), а также вторичные обзоры литературы, при этом количественные исследования первичных данных встречаются редко. Недостаток методологической строгости был обнаружен в 67% исследований. В то же самое время авторы указали на высокий уровень качественных исследований⁹⁵.

Более позднее обзорное исследование, реализованное Б. Шуурманом на основе анализа работ по терроризму, опубликованных за период с 2007 по 2016 (3442 статьи из 9 изданий по терроризму), позволило говорить о некотором прогрессе: так, в большинстве публикаций использовались первичные данные (53,8%), 39,2% статей — представляли собой обзор литературы; в небольшом количестве статей использовалось интервью как метод исследования- 15,8%⁹⁶.

⁹² Bronsard G., Cherney A., Vermeulen F. Editorial: Radicalization Among Adolescents// *Frontiers in psychiatry*. 2022. Vol.13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.917557.

⁹³ Emmelkamp J., Asscher J.J., Wissink I.B., Stams G.J.J. Risk factors for (violent) radicalization in juveniles: A multilevel meta-analysis// *Aggression and Violent Behavior*.2020.Vol. 55.DOI:10.1016/j.avb.2020.101489

⁹⁴ Kruglanski A., Fishman S. Psychological Factors in Terrorism and Counterterrorism: Individual, Group, and Organizational Levels of Analysis // *Social Issues and Policy Review*. 2009. Vol. 3. P. 1–44

⁹⁵ Neumann P., Kleinmann S. How Rigorous Is Radicalization Research// *Democracy and Security*. 2013 № 9. P. 360–382.

⁹⁶ Schuurman B. Research on Terrorism. 2007–2016: A Review of Data, Methods, and Authorship// *Terrorism and Political Violence*. 2020. Vol.32. P. 1011-1026. DOI: 10.1080/09546553.2018.1439023

Как подчеркивает Б. Шуурман, суть прогресса в области изучения терроризма заключается в переходе от работ, в которых эксперты скорее спекулировали о явлении терроризма, комментируя публикации СМК, чем в реальности изучали его, к эмпирическим работам, опирающимся на анализ первичных данных. Наличие эмпирических фактов, несомненно, является ценным знанием о явлении терроризма и процессе его легализации, однако, как пишет Б. Шуурман «эмпирическая проверка объяснений причастности к терроризму, например, все еще кажется далекой перспективой»⁹⁷.

Хотя терроризм как область изучения в рамках психологического знания имеет много различных аспектов, однако сложно не согласиться с тезисом о том, что ответы на ключевые вопросы возможно дать с опорой на социально-психологическое знание: мотивация присоединения к террористической группировке; специфика и способы воздействия и убеждения, необходимые для процесса радикализации; формирование социальной идентичности в составе террористической группировки; функционирование террористической организации. По сути, эти вопросы в той или иной степени оказываются в фокусе нашего внимания в данном учебном издании. Ответ на эти вопросы предполагает использование конструктов различных уровней. Так, если обратиться к логике эпистемологического континуума, предложенного В. Дуазом, где предлагаются разделять ряд уровней, на которых выстраивается объяснение в социальной психологии (интрапривидуальный, интерпривидуальный, позиционный и идеологический)⁹⁸, то представляется возможным заключить, что многочисленные объяснительные модели радикализации (процесса, который ведет к легитимизации актов насилия, терроризма⁹⁹) занимают все уровни этого континуума, несмотря на тот факт, что процесс радикализации предполагает опору на теории более высокого объяснительного уровня.

Хотя с 2001 года наблюдается постоянный рост работ, посвященных терроризму и радикализации, однако по-прежнему неразрешенными остаются

---

⁹⁷ Schuurman B. Research on Terrorism, 2007–2016: A Review of Data, Methods, and Authorship.// Terrorism and Political Violence. 2020. Vol.32. P. 1011-1026. DOI: 10.1080/09546553.2018.1439023, p.1020.

⁹⁸ Doise W, Valentim J.P. Levels of analysis in social psychology // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / J.D. Wright (ed.). Oxford: Elsevier. 2015. P. 899–903

⁹⁹ Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B., Penzkofer M., Scheuermeyer A., Sust L., Schmidt H. Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a Comprehensive Model of Terrorist Radicalization // Terrorism and Political Violence. 2019. P. 1–23. DOI:10.1080/09546553.2019.1663828

следующие проблемы: во-первых, практически все модели радикализации едва ли получили систематическую эмпирическую проверку, не говоря об опоре на результаты экспериментальных исследований¹⁰⁰. Очевидно, что проведение проспективных экспериментальных исследований не представляется возможным. В то же самое время, без систематической экспериментальной проверки теоретические модели остаются описательными, и едва ли могут быть использованы для прогноза или оценки риска радикализации.

Во-вторых, тезис о том, что террористические акты с необходимостью являются продолжением экстремистских идей — является достаточно дискуссионный, на что указывается в текстах ряда авторов¹⁰¹. Как отмечает К. Маккалей, 99% людей, разделяющих экстремистские воззрения, никогда не перейдут к совершению экстремистских действий, кроме того, те, кто совершил террористические действия, не имеют при этом тех самых экстремистских идей, которые можно было бы ожидать для объяснения поведения, характеризующегося насилием в крайней форме (террористический акт).

Наконец, объяснительный конструкт, к которому стоило бы апеллировать, возвращаясь к идее эпистемологического континуума В. Дуаза¹⁰², предполагает принадлежность к более высокому уровню объяснения, чем интра- и интериндивидуальный. Напомним, что террористическая деятельность осуществляется группой. Кроме того, радикализация — это своего рода способ коллективного ответа на ситуацию реального или воображаемого межгруппового конфликта¹⁰³. Этот тезис только еще раз говорит в пользу того, что индивиды радикализируются не в одиночестве, а с группой и как часть группы. Именно группа конструирует для них социальную реальность и создает соответствующую социальную идентичность¹⁰⁴.

---

¹⁰⁰ King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. 2011. P. 602–622; Victoroff J. The Mind of the Terrorist: A Review and Critique of Psychological Approaches // Journal of Conflict Resolution. 2005. Vol. 49. P. 3–42.

¹⁰¹ McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization // Terrorism and Political Violence. 2020. Vol. 34. P. 451–459.

¹⁰² Doise W., Valentim J.P. Levels of analysis in social psychology // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / J.D. Wright (ed.). Oxford: Elsevier. 2015. P. 899–903

¹⁰³ van Stekelenburg J., Klandermans P.G. Radicalization. In A. Azzi, X. Chryssochou, B. Klandermans, B. Simon (eds.). Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective. Oxford: Blackwell Wiley. 2010. P. 181–195.

¹⁰⁴ van Stekelenburg J., Klandermans P.G. Radicalization. In A. Azzi, X. Chryssochou, B. Klandermans, B. Simon (eds.). Identity and Participation in Culturally Diverse Societies.

Отсюда — объяснительная модель процесса легитимизации терроризма (т.е. радикализации) должна принимать во внимание в первую очередь — групповые процессы.

Завершая первую главу, посвященную рассмотрению общих аспектов проблемы терроризма и радикализации заметим, что процесс радикализация, будучи комплексным и сложным, предполагает разработку междисциплинарной стратегии анализа, которая объединила бы усилия представителей целого ряда областей научного знания: будь то психология, социология, политология, антропология, история и религиоведение. При этом вклад социально-психологического знания в эту стратегию видится крайне важным, поскольку именно с опорой на социально-психологическое знание открывается возможность ответить на вопросы о том, как происходит легитимизация терроризма, в чем специфика коммуникативных стратегий, используемых террористическими организациями для рекрутования новых участников и управления их действиями, почему и как человек встает на путь под названием «радикализация», который приводит его к терроризму, что может удержать человека, вступившего на путь радикализации, не пройти этот путь до конца и др.

1.3. Контрольные задания

1. Анализ динамики терроризма

Что такое радикализация? Как радикализация связана с терроризмом?

На основе данных, представленных в тексте (Рис. 1.1), проанализируйте динамику количества погибших в результате терактов с 2014 по 2018 гг. Какие регионы мира являются наиболее уязвимыми для террористической активности? Какие предположения можно сформулировать о глобальном распределении террористических угроз?

2. Трансформация терроризма

Опишите, как изменился терроризм с конца XX века до наших дней. Какие ключевые события способствовали его переходу от классического к глобальному?

A Multidisciplinary Perspective. Oxford: Blackwell Wiley. 2010. P. 181–195; *van Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans P.G.* No radicalization without identification: How ethnic Dutch and Dutch Muslim web forums radicalize over time. In A. Azzi, X. Chryssochou, B. Klandermans, B. Simon (eds.). Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective. Oxford: Blackwell Wiley. 2010. P. 256–274.

Что такое «спящие ячейки»? Сформулируйте основные особенности современного терроризма.

3. Использование современных технологий террористическими организациями

Сформулируйте суть взглядов Ж. Бодрийяра на современный терроризм. Приведите примеры того, как террористические группировки используют достижения глобализации (Интернет, социальные сети, медиа) для своих целей. Почему визуальная культура стала важным инструментом экстремистской коммуникации?

4. Психологические аспекты радикализации

Объясните, как эксперименты С. Милграма и Ж.-Л. Бовуа помогают понять механизмы вовлечения людей в террористическую деятельность. Какие социально-психологические закономерности лежат в основе подчинения авторитету? Почему недостаточно объяснять терроризм только личностными факторами (например, агрессией)?

5. Гендерный аспект терроризма

Почему роль женщин в террористических организациях часто недооценивается? Какие функции они выполняют (помимо участия в терактах)? Как игнорирование этого фактора влияет на эффективность антитеррористических мер?

6. Эволюция изучения терроризма в социальных науках

Почему проблема терроризма долгое время оставалась маргинальной для академических исследований? Как изменился интерес к этой теме после событий 11 сентября 2001 года? Приведите статистические данные из текста, подтверждающие рост научных публикаций по проблеме терроризма.

7. Психологические подходы к объяснению терроризма

С опорой на теоретический обзор проблемы терроризма, сформулируйте основные проблемы изучения терроризма в рамках психологического знания.

Как менялись психологические объяснения терроризма (от «профиля террориста» к современным концепциям)? Почему клинический подход (акцент на психопатологии личности) оказался недостаточным? Какие альтернативные объяснения предлагаются сегодня?

8. Групповые факторы радикализации

Почему радикализацию нельзя объяснить только индивидуальными факторами? Приведите примеры эмпирических фактов. Какую роль играют групповые и межгрупповые процессы в легитимизации террористического насилия?

9. Критика существующих взглядов на исследования радикализации

Какие проблемы остаются нерешенными в современных исследованиях терроризма? Почему большинство моделей радикализации не имеют достаточной экспериментальной проверки? Как связаны экстремистские идеи и реальные террористические действия (согласно К. Маккалею)?

10. Междисциплинарный подход к изучению терроризма

Почему для понимания терроризма необходим синтез знаний из разных наук (психологии, социологии, политологии и др.)? Какие аспекты терроризма могут быть исследованы только в рамках социальной психологии? Предложите возможные направления для будущих исследований.

Глава 2

РАДИКАЛИЗАЦИЯ: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКТЫ

Как отмечалось выше, со времен 11.9.2001 наблюдается чрезвычайный рост исследовательского интереса к различным аспектам проблемы терроризма¹⁰⁵. В этой связи, не будет преувеличением утверждение о том, что в социальных науках уже накопился солидный запас концептуального знания, которое дает объяснение явлению радикализации. Однако это знание с необходимостью требует эмпирической верификации, которую, по понятным причинам, чрезвычайно сложно реализовать.

Методологические проблемы изучения процесса радикализации уже получили свое серьезное обсуждение в литературе¹⁰⁶, но пока это скорее головоломки нежели стратегия для дальнейшего продвижения. Если обратиться к обзорным исследованиям, то можно заметить, что до начала XXI эмпирических исследований было мало, научная строгость их была достаточно дискуссионной¹⁰⁷.

Многочисленные попытки ответить на вопросы о том, как человек приходит к легитимизации терроризма и вовлекается в террористическую деятельность отражены в исследованиях (теоретико-аналитических и эмпирических), авторы которых предлагают говорить о ряде факторов радикализации, которые группируются на различных уровнях. Факторы макроуровня образованы составляющими социального, политического и экономического характера, факторы микроуровня — психологического и социально-демографического.

Проиллюстрируем на примере нескольких исследований социально-демографические особенности индивидов, вовлеченных в террористическую и экстремистскую деятельность.

¹⁰⁵ Silke A. The study of terrorism and counterterrorism. In A. Silke (ed.).Routledge Handbook of terrorism and counterterrorism. New York: Routledge. 2019. P. 1–10.

¹⁰⁶ Neumann P., Kleinmann S. How Rigorous Is Radicalization Research// Democracy and Security. 2013 № 9. P. 360—382.

¹⁰⁷ Hamid N. Sacred values, social exclusion, community norms and willingness to fight and die (Doctoral dissertation, UCL (University College London)). 2022.

В недавнем исследовании, реализованном на выборке осужденных по статьям за террористический и экстремистскую деятельность (700 осужденных мужчин)¹⁰⁸, были проанализированы социально-демографические характеристики осужденных: от 14 до 18 лет — 4%; от 19 до 24 лет — 24%; от 24 до 30 лет — 23%; от 31 до 35 лет — 17%; от 36 до 40 лет — 21%; от 41 до 50 лет — 8%; старше 50 — 3%. Возрастные особенности схожи с теми, что отражены в 25 исследованиях систематического анализа реализованного А. Феддесом с коллегами¹⁰⁹. При этом авторы заключают, что имеет место достаточно противоречивая картина, относительно связи уровня образования и вовлеченности в экстремистскую деятельность¹¹⁰.

Уровень образования большей части осужденных составляет 9–11 классов (62%), более трети осужденных (34%) получили профессиональное образование (ПТУ, техникум, колледж), незаконченное высшее или высшее образование имеют по 2% осужденных.

В отношении уровня образования результаты эмпирических исследований свидетельствуют об отсутствии однозначной тенденции: в частности, в систематическом анализе исследований, говорится о том, что в 10 исследованиях говорится о том, что участники экстремистских групп имеют преимущественно низкий уровень образования, в других — двух: участники экстремистских групп имеют преимущественно высшее образование; наконец, еще в 6 исследованиях — говорится об отсутствии связи между уровнем образования и вовлеченностью в экстремистскую деятельность¹¹¹.

В исследовании П.Н. Казберова и Б.Г. Бовина: 60% осужденных не имеют какой-либо определенной специальности или профессии. Из работающих — 15% указали, что до осуждения были заняты в сфере промышленности, 5% — в сфере сельского хозяйства, 2% — в сфере бизнеса. 52% осужденных указывают

¹⁰⁸ Казберов П.Н., Бовин Б.Г. Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 36–53. DOI: 10.17759/psylaw.2019090103

¹⁰⁹ Feddes A.R., Nickolson L., van Bergen N.R.J., Mann L., Doosje B. Extremist thinking and doing: A systematic literature study of empirical findings on factors associated with (De)radicalisation processes// International Journal of Developmental Science.2023. Vol. 17. P. 7–18. DOI:10.3233/DEV-230345

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Feddes A.R., Nickolson L., van Bergen N.R.J., Mann L., Doosje B. Extremist thinking and doing: A systematic literature study of empirical findings on factors associated with (De)radicalisation processes// International Journal of Developmental Science.2023. Vol. 17. P. 7–18. DOI:0.3233/DEV-230345

на отсутствие общего трудового стажа как такового, 15% имеют общий трудовой стаж до 1 года, по 14% — от 1 до 3 лет и от 3 до 5 лет, 3% — от 5 до 10 лет, 2% — более 10 лет¹¹².

Осужденные, отбывающие наказание за экстремистскую и террористическую деятельность, в совокупности представляют все регионы России. Тем не менее, представители Северокавказского региона среди экстремистов в исследуемой выборке составляют только 11,3%, в то время как среди осужденных за террористическую деятельность их — 87,4 %¹¹³.

Анализ социально-демографических особенностей индивидов, вовлеченных в экстремистскую и террористическую деятельность, не позволяет говорить об однозначной картине того, как что, например, какая-то особенность систематически связана с вовлеченностью в террористическую и экстремистскую деятельность, хотя предлагается говорить о том, что две характеристики скорее находят определенный консенсус среди исследователей: пол и возраст тех, кто уязвим к радикализации. Чаще всего речь идет о молодых мужчинах¹¹⁴. Все остальные социально-демографические характеристики демонстрируют достаточную вариативность от исследования к исследованию¹¹⁵.

Очевидно, что наибольший интерес в настоящей работе представляет анализ психологических конструктов, к которым прибегают авторы для объяснения радикализации. Как подчеркивает С.Н. Ениколопов: «...психологи, изучающие

---

¹¹² Казберов П.Н., Бовин Б.Г. Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 36–53. DOI: 10.17759/psylaw.2019090103

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B., Penzkofer M., Scheuermeyer A., Sust L., Schmidt H. Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a Comprehensive Model of Terrorist Radicalization // Terrorism and Political Violence. 2019. P. 1–23. DOI: 10.1080/09546553.2019.1663828

¹¹⁵ Казберов П.Н., Бовин Б.Г. Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 36–53. DOI: 10.17759/psylaw.2019090103; Feddes A.R., Nickolson L., van Bergen N.R.J., Mann L., Doosje B. Extremist thinking and doing: A systematic literature study of empirical findings on factors associated with (De)radicalisation processes// International Journal of Developmental Science.2023. Vol. 17. P. 7–18. DOI: 10.3233/DEV-230345; Galland O., Muxel A. La tentation radicale. Paris : Presses Universitaire de France. 2018. 464 p.; Wiewiora M. L'échec de l'Occident. Michel Wiewiora, sociologue. Carnet de recherche. 2015. DOI: 10.58079/valu; Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B., Penzkofer M., Scheuermeyer A., Sust L., Schmidt H. Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a Comprehensive Model of Terrorist Radicalization // Terrorism and Political Violence. 2019. P. 1–23. DOI: 10.1080/09546553.2019.1663828

терроризм, прежде всего заинтересованы исследованием индивидуально-психологических характеристик террористов, их ценностей, убеждений, мотивов, их вовлечением в террористические группы, а также психологическими аспектами возникновения и функционирования террористических групп»¹¹⁶.

Очевидно, что очерченный выше С.Н. Ениколоповым список вопросов не является ни полным, ни исчерпывающим, но скорее иллюстрирует специфику вопросов, находящихся в поле преимущественного внимания представителей психологической науки. Расширения и уточнения, несомненно, требует именно социально-психологическая часть этого списка, поскольку то, почему человек присоединяется к группе, становится членом группы, как и почему он выходит из этой группы, а также психологические характеристики террористических группировок, — все эти вопросы находятся в фокусе именно социально-психологического знания.

Более того, стремясь ответить эмпирическим путем даже на вопросы, обозначенные С.Н. Ениколоповым, ученые сталкиваются с целым рядом самых серьезных ограничений. Например, проспективное исследование возникновения и функционирования террористических групп не представляется возможным, и речь может идти о своего рода моделировании процесса формирования и развития групп, вовлеченных в террористическую деятельность, на основе имеющихся моделей группообразования¹¹⁷. Однако самым главным ограничением является невозможность проверить модель радикализации экспериментальным путем. Однако возможно смоделировать соответствующие процессы экспериментальным путем в лабораторных условиях¹¹⁸.

Хотя, эти ограничения самым серьезным образом затрудняют разработку действенных мероприятий по профилактике радикализации, или реализации мер по дерадикализации, тем не менее, ценность эмпирических результатов в этой области чрезвычайно высока, поскольку социальный запрос на разработку превентивных инструментов актуален в значительной степени.

---

¹¹⁶ Ениколопов С.Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. №1. С. 28–32, с.28.

¹¹⁷ Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект пресс. 2002.364 с.; Бэрон Р., Керр Н., Миллер Н. Социальная психология группы. СПб.: Питер. 2002.269 с.; Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы. М.: Аспект пресс. 2001. 318 с.

¹¹⁸ Blaya Burgo M. Identity complexity, uncertainty, and belongingness: Understanding the appeal of extremist groups. CGU Theses & Dissertations, 859. 2024. https://scholarship.claremont.edu/cgu_etd/859. (Дата обращения: 31.03.2025).

2.1. Факторы радикализации

Отечественные специалисты предпринимают самые активные шаги, направленные не только на анализ имеющегося опыта по проблеме терроризма и радикализации¹¹⁹, но выстраивают оригинальные объяснительные схемы того, почему люди становятся террористами, реализуют эмпирические исследования, где объектом исследования становятся люди, вовлеченные в террористическую активность¹²⁰. Ценность этого вклада объясняется необходимостью понимания процесса радикализации и важностью разработки действенных превентивных мероприятий с учетом контекста, в котором происходит радикализация.

Анализ проблем терроризма, вовлеченности в экстремистскую и террористическую деятельность представлены значительным количеством работ в отечественной литературе. Преобладают попытки выстроить объяснительную схему, которые зачастую апеллируют к диспозиционным конструктам. Поиск диспозиционных конструктов для объяснения процесса радикализации аналогичен ситуации, сложившейся в области изучения феномена лидерства: многочисленные попытки объяснить явление, апеллируя к той или иной внутренней причине, обернулись тем, что имеется значительный список «личностных черт», которые имели единичное упоминание в связи с попытками объяснить лидерство¹²¹. На основе анализа литературы С.Н. Ениколопов предлагает говорить о том, что существует своего рода консенсус исследователей в отношении следующих диспозиционных особенностей индивидов, вставших на путь терроризма: *комплекс неполноценности; низкая самоидентификация; самооправдание; личностная и эмоциональная незрелость*. Если обратиться к каждой из особенностей, то стоит отметить, что в случае комплекса неполноценности речь идет о компенсаторных механизмах, связывающих агрессию и насилие с вовлеченностью в террористическую деятельность. Агрессивно-оборонительная

---

¹¹⁹ Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм. Социально-психологический анализ. М.: Издательство «Институт психологии РАН». 2008. 240 с.

¹²⁰ Журавлев А.Л., Юрьевич А.В. Социально-психологические факторы вступления молодежи в ИГИЛ// Вопросы психологии. 2016. №3. С.16-28; Оганесян С.С., Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Дикопольцев Д.Е. Проблема распространения религиозного экстремизма в местах лишения свободы // Ведомости УИС. 2019. №6 (205). С.51-59; Соснин В.А. Психология терроризма и противодействие ему в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2016. 344с.; Юрьевич А.В. Социально-психологические причины вступления молодежи в ИГИЛ// Наука. Культура. Общество. 2016. №2. С.105 — 118.

¹²¹ Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект пресс. 2002. 364 с.

позиция в данном случае рассматривается как способ защиты своего Я. Заключение о том, что членам террористических группировок присуща низкая само-идентификация основывается на анализе организаций такого типа. Суть этого конструкта заключается в том, что для членов террористических группировок характерен отрыв от семейного окружения, террористическая группировка становится единственным источником получения информации и обеспечения безопасности, как отмечает С.Н. Ениколопов. Это очень важным аспектом, обсуждению которого будет уделено самое существенное внимание в последующих разделах издания. Здесь же отметим, что присоединение к секте случается в той же самой логике, что и присоединение к террористической организации: индивид отдаляется от семейного и дружеского окружения, секта заменяет все прежние социальные категории (в пользу этого говорят многочисленные исторические факты)¹²².

В случае самооправдания С.Н. Ениколопов предлагает апеллировать к идеям А. Бандуры, относительно морального отчуждения¹²³. Проходя этот путь (через механизмы морального оправдания, эвфемистических ярлыков, выгодного сравнения, смещения ответственности и диффузии ответственности, игнорирования последствий, дегуманизации и атрибуции вины) индивид приходит к совершению террористических действий, не испытывая при этом какого-либо ущерба морального толка, сопряженного с совершением агрессивных и жестоких действий.

Наконец, личностная и эмоциональная незрелость — эти особенности сопряжены с максимализмом и абсолютизмом, как отмечает С.Н. Ениколопов, зачастую присущие террористам¹²⁴.

Исследование психологических особенностей осужденных, предпринятое П.Н. Казберовым и Б.Г. Бовиным, на значительной по объему выборке осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности (N=915 человек) с использованием СМИЛ и анкеты, нацеленной на выявление мотивов преступления, позволило выявить у этого типа осужденных конверсионный профиль личности¹²⁵. Особенностью этого профиля является домини-

---

¹²² Слезкин Ю.Л. Дом правительства. Сага о русской революции. М.: Corpus. 2019. 976 с.

¹²³ Ениколопов С.Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. №1. С. 28–32.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Казберов П.Н., Бовин Б.Г., Фасоля А.А. Психологический профиль террориста // Психология и право. 2019. Т. 9. № 3. С. 141–157. DOI:10.17759/psylaw.2019090311

рование шкал ипохондрии и истерии в сочетании с самой низкой шкалой профиля — шкалой депрессии. Конверсионный тип профиля отражает отсутствие депрессии и страха у этих осужденных. Люди, имеющие такой профиль, обращаются к наиболее простому бессознательному механизму защиты, отрицают существование у них каких-либо психологических проблем. Используя механизм вытеснения, они отворачиваются от реальности, выстраивают фантазии, относительно собственной личности, скрывая симптомы собственной эмоциональной неустойчивости. В результате недостатка самокритики и искаженного представления о себе, такая личность часто характеризуется как эгоистичная, зависимая, высоко напряженная и разочаровавшаяся в себе. Эти люди склонны демонстрировать вызывающее, неустойчивое, дерзкое поведение, отличающееся снобизмом, агрессивностью и упорством. Однако все это является лишь компенсацией неустойчивости и эмоциональной лабильности этих личностей, обусловленной наличием психической травмы¹²⁶. Результаты систематического анализа исследований, реализованного А. Феддесом с коллегами, указывают на травмирующий опыт как фактор, связанный с вовлеченностью в экстремистскую деятельность¹²⁷.

Другое исследование, реализованное Б.Г. Бовиным с коллегами¹²⁸ и направленное на рассмотрение особенностей механизмов защитного поведения осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность на выборке 469 осужденных (351 — за террористическую деятельность, 118 — за экстремистскую), опираясь на концепцию защитных механизмов Анны Фрейд, в интерпретации Р. Плутчека (см. Тематическую вставку 1), позволило выявить доминирование пяти механизмов психологической защиты личности от аффектов и влечений. Первый, наиболее распространенный механизм, — проективная защита от осознания вытесненных своих негативных качеств и проецировании их на окружающих людей. Вторым по частоте встречаемо-

---

¹²⁶ Казберов П.Н., Бовин Б.Г., Фасоля А.А. Психологический профиль террориста // Психология и право. 2019. Т. 9. № 3. С. 141–157. DOI:10.17759/psylaw.2019090311

¹²⁷ Feddes A.R., Nickolson L., van Bergen N.R.J., Mann L., Doosje B. Extremist thinking and doing: A systematic literature study of empirical findings on factors associated with (De)radicalisation processes// International Journal of Developmental Science.2023. Vol. 17. P. 7–18. DOI:10.3233/DEV-230345

¹²⁸ Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б. Механизмы психологической защиты и доминирующее защитное поведение осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86–105. DOI: 10.17759/psylaw.2021110207

сти является достаточно осознанный механизм компенсации, свидетельствующий о стремлении к преодолению сильно выраженного чувства неполноценности, связанного с физическим или психологическим недостатком. Третьей защитой является принципиально иной механизм, если проективная защита была связана с бессознательным вытеснением, то доминирование реактивного образования представляет собой нечто противоположное вытесненному желанию. Ненависть к сотрудникам исправительного учреждения маскируется чрезмерно угодливым и послушным поведением осужденного, подобно тому, как истеричная мать, бессознательно ненавидя своего ребенка, всячески подчеркивает чрезмерную любовь к нему, чтобы вытеснить чувство ненависти. Четвертым доминирующим защитным способом является интеллектуализация, при которой вместо реальных действий по устраниению тревоги и страхов, индивид формулирует абстрактные суждения, стремясь к избавлению от фрустрации, у него легко возникают фобии, ритуальные и навязчивые действия.

Это наиболее дезадаптированная группа осужденных за экстремистско-террористические преступления и в наибольшей степени подвержена, так называемому, тюремному синдрому. Пятый доминирующий механизм — защитное отрицание, наиболее примитивный механизм, означающий непризнание, отказ от реальности, вытеснение из сознания мыслей, чувств, эмоций, закрытие глаз на существующее положение дел, характерных при истерии (самая немногочисленная группа).

Тематическая вставка 1: модель механизмов психологических защит Р. Плутчика

Впервые термин «защита» появился в 1894 г. в работе З. Фрейда «Защитный нейропсихоз»¹²⁹. Впоследствии этот термин заменили термином «вытеснение». Концепция механизмов защитного поведения была разработана А. Фрейд. Механизмы психологических защит — это средства, с помощью которых Эго защищает себя от страха, пытаясь обуздать аффекты, влечения, импульсивное поведение; поэтому функцию Эго следует изучать так же глубоко, как и функцию бессознательного Оно¹³⁰.

¹²⁹ Фрейд А. Эго и механизмы защиты. М.: Астрель. 2008. 160 с.

¹³⁰ Там же.

В литературных источниках количество ПЗ варьирует: А. Фрейд приводит 15 способов защиты¹³¹, Р. Плутчек с соавторами говорят о 8 базовых защитных механизмов¹³².

Полярная структура психологических защит Р. Плутчика, основанная на разработанной им эволюционной теории эмоций, предлагает измерительный инструмент оценки психологических защит¹³³.

Таблица

**Полярная модель механизмов
психологических защит Р. Плутчика¹³⁴**

Диагнозы (тип личности)	Эмоции	Механизмы психологических защит	Эмоции	Диагнозы
тревожная личность	страх	подавление / замещение	гнев	агрессивная личность
депрессивная личность	печаль	компенсация / реактивное образование	оптимизм	маниакальная личность
истерическая личность	чувство неполноценности	отрицание / проекция	самонеприятие	паранойяльная личность
эмоционально неустойчивая личность	пассивность	ретрессия / интеллектуализация	чувство вины	обсессивная личность

В представленной модели тревожная личность использует механизм подавления, а полярная ей, агрессивная личность — механизм замещения; истерическая использует механизм отрицания, а паранойяльная личность — механизм проекции; маниакальная личность использует реактивное образование, а депрессивная — механизм компенсации; обсессивная — механизм интеллектуализации, а эмоционально неустойчивая личность — механизм регрессии.

¹³¹ Там же.

¹³² Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. Мытищи: Издательство «Талант». 1996. 144 с.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. Мытищи: Издательство «Талант». 1996. 144 с.

Определив психологический механизм защиты, в соответствии с моделью Плутчика, можно определить особенности защитного поведения.

Истерическая личность, использующая механизм отрицания, характеризуется эгоцентризмом, внушаемостью и самовнушаемостью, общительностью, стремлением быть в центре внимания, непринужденностью, показное дружелюбие, жажды признания, способность внушать доверие, уверенной манерой держаться, хвастовством, самонадеянностью, аффективной манерой поведения, легкой переносимостью критики и отсутствием самокритичности. При акцентуации можно наблюдать различные девиации поведения — лживость, склонность к симуляции, необдуманность поступков, склонность к мошенничеству, демонстративные попытки самоповреждений и суицида.

Проективная защита проявляется как самолюбие, эгоизм, злопамятность, мстительность, обидчивость, обостренное чувство несправедливости, честолюбие, подозрительность, враждебность, упрямство, несговорчивость, поиск недостатков, острая чувствительность к критике, стремление все проверять в поисках опасности. При акцентуации возможны сверхценные идеи ревности, преследования, несправедливости, ощущение собственной грандиозности, застrevаемость, садистско-мазохистические и ипохондрические симптомокомплексы.

Особенностями защитного поведения при использовании механизма **регрессии** являются: слабохарактерность, отсутствие глубоких интересов, податливость влиянию, внушаемость, незавершенность начатых дел, неустойчивость настроения, склонность к мистике и суевериям, потребность в стимуляции и контроле, утешении, поиск новых впечатлений, поверхностные контакты. Возможно отклоняющееся поведение: инфантилизм, безделье, приверженность асоциальному поведению, употребление алкоголя, наркотиков и других психостимуляторов.

Механизм замещения характерен для агрессивной личности, особенностями защитного поведения являются: раздражительность, вспыльчивость, импульсивность, грубость, требовательность к окружающим, протест в ответ на критику; увлечение силовыми видами спорта, приверженность к деятельности, связанной с риском, выраженная тенденция к доминированию. При акцентуации характерны — агрессивность, неуправляемость, склонность к деструктивным и насильственным действиям, жестокость, аморальность, склонность к алкоголизму и самоповреждениям.

Механизм подавления, характерен для тревожной личности. Проявляются в тщательном избегании ситуаций, которые могут быть проблемными и вызвать страх. Для индивида характерны неспособность отстоять свою позицию в споре, соглашательство, покорность, робость, забывчивость, боязнь новых знакомств. Тревожность подвергается сверхкомпенсации в виде неестественного поведения и нарочитой невозмутимости. При акцентуации возможны отклонения поведения: ипохондричность, иррациональный конформизм, крайний консерватизм.

При доминировании механизма **интеллектуализации** характерны такие особенности защитного поведения как старательность, ответственность, добросовестность, склонность к самоанализу, основательность, отсутствие вредных привычек, дисциплинированность, индивидуализм. При выраженности механизма интеллектуализации, предполагается наличие психастении. При акцентуации возможно девиантное поведение: невозможность принять решение, подмена деятельности резонерством, самооправдание, отстраненность, цинизм, поведение, ограниченное различными фобиями и ритуалами, навязчивыми действиями.

Реактивное образование — особый психический механизм, установка, представляющая собой нечто противоположное вытесненному влечению. Особенности защитного поведения проявляются в подчеркнутом стремлении соответствовать общепринятым стандартам поведения, озабоченность приличным внешним видом, вежливость, любезность, бескорыстие, общительность, респектабельность, морализаторство, приподнятое настроение, желание быть примером для окружающих, часто демонстрируется неприятие всего, связанного с функционированием организма и отношения половых, резкое отрицательное отношение к «неприличным» разговорам, эротике, переживанию по поводу нарушений «личностного пространства» в транспорте. Однако реактивная природа подобного демонстративного поведения может обнаружиться при экстремальных состояниях, болезни, сильным алкогольным опьянением и другими экстремальными воздействиями, когда ослабляется мощь реактивной защиты, и индивид попадает под влияние примитивных влечений, при которых его поведение становится прямо противоположным ранее демонстрируемому. Реактивное образование можно назвать бессознательной маскировкой истинных влечений и аффектов индивида.

Механизм компенсации — самый поздний и когнитивно сложный защитный механизм, который развивается и используется, как правило, сознательно, предназначен для сдерживания сильных переживаний по поводу реальной или мнимой потери, утраты, нехватки, недостатка, неполноценности. Компенсация предполагает попытку исправления или замены этой неполноценности. Комплекс неполноценности теоретически разработан в индивидуальной психологии А. Адлера.

Особенности этого защитного поведения проявляются в жесткой установке на серьезную и систематическую работу над собой, направленную на исправление реального или мнимого недостатка, преодоление трудностей на пути к успехам, достижение высоких результатов в различных видах деятельности — спорте, искусстве, литературе, политике; склонность к оригинальности, стремление быть неповторимым, увлечение экстремальными видами спорта и др. Возможное отклонение от нормы: деструктивная агрессивность, дерзость, высокомерие, амбициозность, различные аддикции при неуспехе, сексуальные отклонения¹³⁵.

Методика LSI (индекс жизненного стиля), предназначенная для выявления неосознаваемых механизмов психологической защиты от деструктивных влечений и аффектов, оказалась наиболее адекватной в плане компенсации искажений при тестировании, характерных для этого контингента осужденных. Достоинством методики является возможность выявить по характеру защит не только глубинные аспекты психических процессов и состояний, но и оценить их влияние на личностную, аффективную и поведенческую сферы индивида.

Ценности — другой конструкт, который рассматривается в связи с попытками объяснить радикализацию и вовлеченность в террористическую деятельность. В целом, исследование ценностей представляет собой достаточно сложную задачу, с учетом специфики группы (террористы и радикализирующиеся индивиды), становится очевидным, что анализ этого конструкта требует специальных инструментов и исследовательских приемов для того, чтобы не получить декларируемые ценности, если использовать такие инструменты анализа, как методика М. Рокича.

¹³⁵ Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М.: Академический проект. 2005. 848 с.

В этой связи обращает на себя внимание идея С. Этран с коллегами¹³⁶, которые предлагают изучать так называемые *сакральные (или священные) ценности*, говоря о радикализации и вовлеченности в террористическую деятельность. Сам конструкт сакральных ценностей восходит к идеям Э. Дюркгейма и М. Элиаде¹³⁷. Сакральные ценности — это такие предпочтения индивидов, касающиеся каких-либо убеждений, объектов или практик, от которых они не желают отказываться, независимо от тех затрат, которые потребуются для этого¹³⁸. По сути, сакральные ценности характеризуются полным отказом от каких-либо компромиссов при любых условиях, и человек, защищающий такие ценности, готов идти на жертвы (оставить близких, отказаться от привычной жизни, пожертвовать собственной жизнью). В этой логике, как отмечает С. Этран, в недавнем прошлом добровольцы из более, чем 100 стран прибыли в Сирию для того, чтобы бороться за восстановление халифата¹³⁹. Защищая сакральные ценности, индивиды становятся самоотверженными бойцами, которые едва ли откажутся от деятельности, в которую они вовлечены¹⁴⁰. Этот аспект действия сакральных ценностей чрезвычайно затрудняет действенность профилактических мер, направленных против радикализации.

Следуя за С. Этраном, представляется возможным говорить о целом ряде специфических особенностей таких бойцов по сравнению с «рациональными»¹⁴¹: 1) приверженность моральной целесообразности, а не утилитарной логике (соотношение затраты и выгод); 2) невозможность материального компромисса в отношении сакральных ценностей; 3) солидарность с другими добровольцами и готовность жертвовать собой ради друг друга (вплоть до смерти); 4) поглощенность тем, что

---

¹³⁶ Этран С. Психология международного терроризма и радикальных политических конфликтов// Теории и практики радикализма и экстремизма: сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН. 2023. С.101-153.

¹³⁷ Atran S., Ginges J. Devoted actors and the moral foundations of intractable intergroup conflict. In J. Decety, T. Wheatley (Eds.). The moral brain: A multidisciplinary perspective. Boston: Boston Review. 2015. P. 69–85.

¹³⁸ Этран С. Психология международного терроризма и радикальных политических конфликтов// Теории и практики радикализма и экстремизма: сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН. 2023. С.101-153.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Atran S., Ginges J. Devoted actors and the moral foundations of intractable intergroup conflict. In J. Decety, T. Wheatley (Eds.). The moral brain: A multidisciplinary perspective. Boston: Boston Review. 2015. P. 69–85.

¹⁴¹ Там же.

связано с сакральными ценностями (выходя за рамки пространства и времени, т.е. озабоченность событиями, происходящими в другом месте и времени, но связанные с сакральными ценностями), перевешивает все то, что происходит здесь и сейчас; 5) сакральные ценности влияют на поведение индивида через поиск и обработку деонтических правил, а не путем утилитарной оценки затрат и выгод (этот факт получил экспериментальную проверку)¹⁴². Очевидно, что сакральные ценности не действуют в изоляции, но, как подчеркивает С. Этран¹⁴³, действуют в рамках социальных групп, которые позиционируют себя как сети *воображаемых родственников* (своего рода братство, эта логика активно используется террористическими группировками в пропагандистских сюжетах (о чем будет подробно говориться в Главе 4)).

Другой, чрезвычайно важных фактор вовлеченности в террористическую деятельность — *мотивация*.

Стартовый тезис размышлений А.Ш. Тхостова с коллегами: вовлеченность в террористическую деятельность открывает перед человеком возможность определить потребностные состояния, а также сформированные потребности, влечения и желания.

Вовлеченность в террористическую деятельность, отсюда, связывается с влечением к смерти и агрессией, потребностью в аффилиации и общении, желанием всемогущества, потребностью в безопасности, потребностью в новых и сильных впечатлениях, потребностью в самореализации и символической самоидентификации¹⁴⁴. Терроризм является собой недопустимый, незаконный, социально неприемлемый, но зато — чрезвычайно эффективный способ проявления базовой агрессии, скрытой под покровом защитных построений (будь то проекция, замещение и рационализация). Террористическая деятельность — за исключением террористов-одиночек (категория так называемого «одинокого волка») — предполагает групповую деятельность, вовлечение в группу, отсюда — группа удовлетворяет потребность в аффилиации и в общении, группа, состоящая из единомышленников, учителей, помощников (другими словами — знающих людей).

---

¹⁴² Berns G.S., Bell E., Capra C.M., Prietula M.J., Moore S., Anderson B., ... Atran S. The price of your soul: neural evidence for the non-utilitarian representation of sacred values// Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2012. Vol. 367. P.754-762.

¹⁴³ Atran S., Ginges J. Devoted actors and the moral foundations of intractable intergroup conflict. In J. Decety, T. Wheatley (Eds.). The moral brain: A multidisciplinary perspective. Boston:Boston Review. 2015. P. 69–85.

¹⁴⁴ Зинченко Ю.П., Сурнов К.Г., Тхостов А.Ш. Мотивация террориста // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. № 2. С. 20–34.

По сути, это узкий круг избранных, принадлежность к этой категории избавит индивида от неуверенности, создаст иллюзию контроля над ситуацией. Индивид даст организации свою преданность, в обмен же он получит защиту со стороны террористической организации, а также освобождение от проблем, в том числе — морального толка. Террористическая деятельность предоставляет уникальную возможность выхода за рамки обычной, однообразной и достаточно регламентированной жизни (потребность в новых впечатлениях), а также способ быстрой трансформации, по своему смыслу совпадающей со строкой из широко известного гимна «Кто был ничем, тот станет всем!». Действительно человек с рядовой судьбой вдруг становится важным персонажем, попадая на первые страницы газет и журналов, оказываясь в фокусе интереса СМИ (эта трансформация соответствует желанию всемогущества). Таким образом, происходит быстрая трансформация, некоторое превращение, которое не требует приложения значительных усилий, и это особенно привлекательно. Позволим себе заметить, что такая идея представлена в коммуникативной стратегии, используемой ИГИЛом* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ), где в центр коммуникации поставлен именно рядовой боец¹⁴⁵, в противоположность стратегии Аль-Каиды* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ), где ключевой фигурой дискурса был сам лидер этой террористической организации.

С другой стороны, как отмечают А.Ш. Тхостов с коллегами, в террористической деятельности возможно обретение осмысленности жизни (потребность в самореализации), наконец, присоединение к таким группировкам, позволяет преодолеть, как ее называет А.Ш. Тхостов¹⁴⁶ «хроническую идентификационную недостаточность», столь характерную для современного западного общества. Преодолевается экзистенциальный вакуум, человек обретает *высшие цели*. В то же самое время, можно заметить, что эта *недостаточность* присуща не только западному обществу, это черта современного глобализированного мира в более широком смысле: во-первых, речь скорее идет о том, что традиционные категории, используемые для идентификации — не являются единственными в современном обществе; во-вторых, характерной особенностью настоящей эпохи является ее неопределенность, эта непредсказуемость мира, которая негативно переживается индивидами.

---

¹⁴⁵ Hamid N., Atran S., Gomez A., Ginger J., Sheikh H., López-Rodríguez L., Vázquez A. Terror networks: their ecologies and evolution // 18th General Meeting of the European Association of Social Psychology. Granada. 2017, July 5–8.

¹⁴⁶ Зинченко Ю.П., Сурнов К.Г., Тхостов А.Ш. Мотивация террориста // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. № 2. С. 20–34.

Предложенная интерпретация вовлеченности в террористическую деятельность через призму мотивационных аспектов, апеллирующая и к идеям А.Н. Леонтьева, и к психоаналитическим воззрениям, и к анализу современного общества, представленному в трудах современных мыслителей (Э. Тоффлер, С. Московиси), чрезвычайно любопытна. Эта трактовка перекликается и с идеями Ж. Бодрийяра¹⁴⁷, с одной стороны, и с анализом вовлеченности в террористическую деятельность через призму идеи социальной идентичности, о которой пойдет речь в последующих разделах настоящего учебного пособия.

Итак, анализ целого ряда работ позволяет продемонстрировать существование широкой палитры факторов вовлеченности в террористическую активность, относительно которых едва ли существует консенсус. Сложно представить, что всего лишь наличие тех или иных психологических особенностей, с неизбежностью, ведет к готовности совершать террористические акты, и на это указывается в литературе¹⁴⁸.

Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с упрощенным пониманием радикализации; игнорируется то положение, что террористическая деятельность — групповая, а легитимизация терроризма — процесс, который происходит в группе.

2.2. Объяснительные модели

Анализ литературы позволяет говорить о большом разнообразии моделей, объясняющих радикализацию. Излагая логику объяснительных моделей, можно, с определенной долей условности, воспользоваться традиционной дихотомии и говорить о континуумных и поэтапных моделях. С точки зрения континуумных моделей вовлечение в террористическую деятельность трактуется через набор конструктов, выраженность которых позволяет говорить о радикализации индивида. В фокусе внимания поэтапных моделей оказывается содерхание самого процесса радикализации, который разворачивается во времени¹⁴⁹.

---

¹⁴⁷ Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик. 2017. 226 с.

¹⁴⁸ Atran S., Ginges J. Devoted actors and the moral foundations of intractable intergroup conflict. In J. Decety, T. Wheatley (Eds.). The moral brain: A multidisciplinary perspective. Boston: Boston Review. 2015. P. 69–85.

¹⁴⁹ Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнест-Винтила А., Бовина И.Б. Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 32–40. DOI:10.17759/chp.2017130305

Наибольший интерес представляет обсуждение поэтапных моделей радикализации, поскольку они в наибольшей степени приближены к пониманию того, как индивид приходит к легитимизации терроризма (Табл. 2.1).

На основе анализа ряда экстремистских группировок с разнообразной идеологией Р. Борем сформулировал модель, состоящую из четырех стадий, посредством которых происходит радикализация¹⁵⁰. Это своего рода прототипическая психологическая траектория, которая позволяет индивиду принять идеологию, оправдывающую террористические акты. Начальная стадия — социальная и экономическая депривация, индивид испытывает недовольство, оценивает свои условия как нежелательные. На следующей стадии он сравнивает свои условия с условиями других и приходит к выводу о неравенстве, несправедливости ситуации, в которой он находится. На третьей стадии ключевым конструктом является обвинение других. Определенной группе приписывается вина в несправедливости и в неравенстве. На заключительной стадии происходит стереотипизация и демонизация врага, что делает легитимным насилие в отношении врага, который виноват в воспринимаемой несправедливости. Подчеркнем, что в этой модели значительное внимание уделяется анализу трансформаций социально-перцептивных процессов, которые играют важную роль в межгрупповых отношениях¹⁵¹. Это означает, что реальная ситуация индивида не оказывается столь безнадежной, несправедливой и пр., как это представляется самому индивиду, однако, провоцируемый социокогнитивный конфликт способствует тому, что субъект начинает задумываться о несправедливости своего положения, о неравенстве, о необходимости осуществления каких-либо действий для изменения положения¹⁵².

К. Викторович выстроил свою модель на основе этнографического анализа группировки, базирующейся в Великобритании и проповедующей исламскую

---

¹⁵⁰ Borum R. Radicalization and Involvement in Violent Extremism I: A Review of Definitions and Applications of Social Science Theories // Journal of Strategic Security. 2011. № 4. P. 7—36; Borum R. Radicalization and Involvement in Violent Extremism II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research // Journal of Strategic Security. 2011. № 4. P. 37— 62.

¹⁵¹ Borum R. Radicalization and Involvement in Violent Extremism I: A Review of Definitions and Applications of Social Science Theories // Journal of Strategic Security. 2011. № 4. P. 7—36; Borum R. Radicalization and Involvement in Violent Extremism II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research // Journal of Strategic Security. 2011. № 4. P. 37— 62.

¹⁵² King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. 2011. P. 602—622. DOI:10.1080/09546553.2011.587064

революцию во всем мире¹⁵³. В его варианте четыре стадии описывают то, как человек вступает в экстремистскую группировку. Стартовой точкой является некоторое прозрение, которое возникает в результате кризиса, переживаемого индивидом, связанного с реальными событиями, или в результате ситуации, трактуемой как кризис, причем здесь важную роль играет общение с представителями исламистской экстремистской группировки. Индивид становится восприимчивым к идеям, которые до этого игнорировал. Далее происходит направление внимания к религии (поиск религии) как способу обретения смыслов. На следующей стадии происходит выстраивание некоторой рамки, через призму которой радикализирующийся индивид смотрит на мир, опять же здесь помощником в этом процессе выступает член экстремистской организации, проповедующий исламистские взгляды. По сути, на этой стадии происходит формирование убеждений и отношения к экстремистской группировке. На финальной стадии, согласно этой модели, происходит социализация и присоединение к группе, идеология и групповая идентичность поддерживаются за счет общения с членами экстремистской группировки (от Интернет-коммуникаций до личного общения), а также за счет дистанцирования от прежнего окружения. На этой стадии групповая идеология интернализируется радикализирующимся индивидом¹⁵⁴.

Основополагающая идея модели, предложенной Ф. Мохаддамом, заключается в том, что радикализация — это поступательный процесс, проходящий через шесть стадий; неслучайно в качестве метафоры в модели используется идея ступеней. На каждой из шести ступеней выделяются специфические факторы процесса радикализации. Каждая ступень приближает индивида к терроризму как легитимной акции. Стартовой точкой является чувство депривации, которое испытывает человек, причем *вовсе не обязательно существуют объективные предпосылки для этого*, ключевым здесь являются перцептивные процессы, интерпретация ситуации как таковой, переживания человека. Эта стадия обозначается как психологическая интерпретация реальных условий. Действительно, значительная часть населения в разных странах мира проживает в затруднительных социально-экономических условиях, но объективные условия не означают автоматической радикализации¹⁵⁵.

---

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. 2011. P. 602–622. DOI:10.1080/09546553.2011.587064; Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // American Psychologist. 2005. No 60. P. 161–169

Те индивиды, которые интерпретируют ситуацию в межгрупповом контексте и переживают относительную депривацию, с большей вероятностью передвинутся на следующую ступень по сравнению с теми индивидами, которые этого не делают. На следующей ступени находятся те, кто считает, что они подвергаются несправедливому обращению. На этой стадии воспринимаемых возможностей борьбы с несправедливостью существуют два фактора, которые определяют то, как радикализирующиеся индивиды действуют в отношении своего низкого группового статуса. Эти факторы — социальная мобильность и процедурная справедливость. При существовании возможности социальной мобильности и процедурной справедливости у индивида открывается возможность повысить социальный статус, возможность участвовать в принятии решения. В противном случае индивиды с большей вероятностью сделают еще один шаг по пути радикализации. Совершив его, они обвиняют аутгруппу в депривации своей группы. Как отмечает Ф. Мохаддам, на этой стадии характерно преобладание мышления по принципу «мы»—»они», индивиды готовы примкнуть к движению, проповедующим салафитские идеи¹⁵⁶. В этом контексте индивиды высказывают готовность к физической агрессии в отношении воспринимаемого врага, именно эти индивиды переходят на следующую стадию, где они разделяют моральную готовность к борьбе за идеальное общество всеми возможными средствами. Индивиды, которые оказались на данной стадии, готовы к совершению актов насилия в отношении гражданского населения. Террористические организации вовлекают новых членов в свои ряды, предлагая им правильную интерпретацию ислама. Жизнь новых членов организации постепенно трансформируется, они вовлекаются в секретную активность, которая предполагает изоляцию от прежнего окружения, они как бы ведут «двойную жизнь», посвятив себя изменению мира любыми способами. На следующей стадии индивиды входят в мир террористической организации. Для индивидов характерно мышление по принципу «мы»—»они» в его крайних проявлениях, видение мира, исходя из идеи «добра» и «зла». Изначально это небольшие ячейки из четырех-пяти человек, именно из этих индивидов готовят террористов-смертников¹⁵⁷. То, что происходит на этой стадии, вполне описывается процессами вхождения нового члена в группу. Однако, как полагает Ф. Мохаддам, подчинение и лояльность достаточно сильно выражены в террористической организации, а неподчинение и нелояльность, соответственно,

---

¹⁵⁶ *Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // American Psychologist. 2005. No 60. P. 161–169*

¹⁵⁷ *Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // American Psychologist. 2005. No 60. P. 161–169.*

подвергаются крайнему наказанию¹⁵⁸. Эти же механизмы продолжают быть ключевыми с точки зрения регуляции поведения членов организации и на следующей стадии. Среди других важных психологических процессов, которые действуют на этой стадии в соответствии с моделью Ф. Мохаддама, опять же — социальная категоризация и психологическая дистанция. Посредством процессов социальной категоризации гражданское население позиционируется как часть аутгруппы, как враг, на которого направлены террористические атаки, а дистанцирование позволяет усиливать разницу между ин- и аутгруппой. Все это позволяет убивать других людей, видимо, отказывая им в принадлежности к категории «люди». С нашей точки зрения, это очень важное положение, для его понимания необходимо обратиться к идеям категоризации, представленным в теории Дж. Тернера.

Таблица 2.1

Постадийные модели радикализации*

Автор(ы) модели и год ее публикации	Стадии процесса радикализации
Р. Борем (2003)	1. Социальная и экономическая депривация. 2. Неравенство и обида. 3. Обвинение и атрибуция. 4. Стереотипизация и демонизация врага.
К. Викторович (2004)	1. Прозрение. 2. Поиск религии. 3. Выстраивания рамки восприятия мира. 4. Социализация.
Ф. Мохаддам (2005-2006)	1. Психологическая интерпретация объективных условий. 2. Воспринимаемые пути борьбы с несправедливостью. 3. Смещение агрессии. 4. Моральная готовность. 5. Укрепление мышления в категориях. 6. Террористический акт.
М.Д. Силбер и А. Батт (2007)	1. Пре-радикализация. 2. Самоидентификация. 3. Индоктринация. 4. Переход к джихаду.

¹⁵⁸ King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. 2011. P. 602–622. DOI:10.1080/09546553.2011.587064; Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // American Psychologist. 2005. No 60. P. 161–169.

Автор(ы) модели и год ее публикации	Стадии процесса радикализации	
М. Сейджман (2008)	1. Чувство морального негодования. 2. Рамка интерпретации мира. 3. Резонанс с личным опытом. 4. Мобилизация.	
Б. Доосже с коллегами (2016)	Сензитивность. Групповое членство. Действие.	
К. Маккалей, С. Москаленко (2017)	Пирамида мнений: 1.нейтральные; 2. симпатизирующие; 3. оправдывающие; 4.имеющие личное моральное долженствование.	Пирамида действий: инертные; активисты; радикалы; террористы.

* Таблица, основанная на идеях, представленных в работе М. Кинга и Д.М. Тейлора¹⁵⁹, дополнена авторами на основе анализа литературы¹⁶⁰.

Модель радикализации, предложенная М. Силбером и А. Баттом, опирается на анализ небольшого количества случаев радикализации в ряде стран (США, Канада, Великобритания, и др.)¹⁶¹. В логике этой модели траектория радикализации включает четыре этапа: пре-радикализация, самоидентификация, индоктринация, переход к джихаду. Первая стадия характеризует ситуацию индивидов до того, как они начнут радикализироваться. Авторы подчеркивают, что хотя не существует психологического профиля людей, становящихся на путь радикализации, тем не менее можно очертить некоторые социально-демографические особенности этих индивидов: это молодые мужчины, мусульмане, принадлежащие к среднему классу, представители обще-

¹⁵⁹ King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. 2011. P. 602–622. DOI:10.1080/09546553.2011.587064

¹⁶⁰ Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., De Wolf A., Mann L., Feddes A.R. Terrorism, radicalization and de-radicalization// Current Opinion in Psychology. 2016.Vol. 11. P.79-84; Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R. Significance quest theory of radicalization. In A.W. Kruglanski, J.J. Bélanger, R. Gunaratna. The three pillars of radicalization: Needs, narratives, and networks. Oxford:Oxford University Press. 2019. P.35–64; McCauley C., Moskalenko S. Understanding political radicalization: The two-pyramids model. //American Psychologist. 2017. Vol. 72. P. 205.

¹⁶¹ King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. 2011. P. 602–622. DOI:10.1080/09546553.2011.587064

ства, где доминируют мужчины. Зачастую они являются собой второе или третье поколение иммигрантов, недавно принявших ислам, не имеющих криминального прошлого.

На следующей стадии для поиска ответа на вопросы, спровоцированные личностным кризисом, индивиды обращают свои взоры к исламу. Как отмечают М. Силбер и А. Батт, стартовая точка поисков может быть связана как с экономической ситуацией, связанной с потерей работы, так и с психологическими процессами, будь то дискриминация или кризис идентичности. В момент этого кризиса индивиды меняют свои взгляды, обращаются к радикальным трактовкам ислама, которые доступны в материалах, представленных в Интернете. На этой стадии формируется идентичность, а индивиды, обретая ее, ищут сторонников, вместе с которыми они становятся еще более религиозными и радикальными. Эта трансформация, по сути, та же самая, о которой говорят М. Хогг с коллегами в рамках теории неопределенности как объяснительной схемы процесса радикализации¹⁶², или это поиск значимости в логике модели А. Круглянски¹⁶³. Так или иначе, в рассматриваемой модели не дается объяснения тому, почему индивид обращается в сторону религиозных идей (которые используются террористическими организациями), а не каких-то других идеологий¹⁶⁴.

На третьей стадии происходит индоктринация, когда индивиды принимают салафитское мировоззрение, происходит политизация религиозных взглядов. Находящиеся на этой стадии субъекты участвуют в закрытых собраниях радикального толка, организованных вне мест религиозного культа.

На четвертой стадии индивиды объявляют себя бойцами, вовлеченными в борьбу за поддержание ислама; среди предпринимаемых действий — как обучение в военных лагерях за границей, так и участие в деятельности радикальных групп на территории своей страны.

Модель, предложенная М. Сейджманом, основывается на идее о том, что процесс радикализации — это результат взаимодействия четырех факторов. Первый фактор касается переживаний негодования, гнева (в качестве примера приводится

---

¹⁶² Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell. 2012. P.19-35.

¹⁶³ Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R. Significance quest theory of radicalization. In Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R. *The three pillars of radicalization: Needs, narratives, and networks*. Oxford: Oxford University Press. 2019. P.35–64.

¹⁶⁴ McCauley C., Moskalenko S. Understanding political radicalization: The two-pyramids model. // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72. P. 205.

реакция на вторжение в Ирак)¹⁶⁵. Второй фактор — призма, используемая для интерпретации мира. Согласно позиции, которую продвигают представители экстремистских организаций, страны Запада ведут войну против ислама, индивиды, вступающие на путь радикализации, принимают эту позицию. По сути, здесь также идет речь о приписывании вины аутгруппе, о социальной категоризации, которая обозначает представителей аутгруппы как врагов. Третий фактор касается личного опыта в связи с дискриминацией или социально-экономическими трудностями (например, безработица). Эти три фактора могут усиливать друг друга. Четвертый фактор М. Сейджман обозначает как ситуативный — это мобилизация посредством коммуникативных сетей. Радикализирующиеся индивиды таким образом валидизируют свои идеи, интерпретируют события. Интернет в этом случае оказывается средством, фасилитирующим общение между радикализирующими индивидами. Обратим внимание читателя на то, что обсуждению особенностей коммуникации и стратегий влияния, используемых в процессе радикализации, посвящена отдельная глава настоящего учебного пособия (Глава 4).

В еще одной модели радикализации (и дерадикализации одновременно, анализ стратегии дерадикализации будет предложен вниманию читателя в заключительной главе настоящего учебного издания), разработанной Б. Доосже с коллегами¹⁶⁶, предлагается исходить из идеи о том, что путь к терроризму проходит через три стадии: *стадия сензитивности, стадия группы и стадия действия*. В логике этой модели — на первой стадии индивид восприимчив к экстремистской идеологии. На второй стадии — индивид присоединяется к радикальной группе, наконец, на третьей стадии — индивид действует от имени групповой идеологии¹⁶⁷. Радикализация в логике этой модели рассматривается как динамический и нелинейный процесс. Ответ на вопрос о том, пройдет ли индивид весь путь радикализации и вступит на путь терроризма, определяется рядом факторов (на микро-, мезо- и макроуровнях), которые оказывают влияние на каждой стадии¹⁶⁸.

¹⁶⁵ King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. 2011. P. 602–622. DOI:10.1080/09546553.2011.587064

¹⁶⁶ Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., De Wolf A., Mann L., Feddes A.R. Terrorism, radicalization and de-radicalization// Current Opinion in Psychology. 2016. Vol. 11. P.79-84.

¹⁶⁷ Feddes A.R., Nickolson L., van Bergen N.R.J., Mann L., Doosje B. Extremist thinking and doing: A systematic literature study of empirical findings on factors associated with (de)radicalisation processes // International Journal of Developmental Science.2023. Vol.17. P. 718. DOI:10.3233/DEV-230345

¹⁶⁸ Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., De Wolf A., Mann L., Feddes A.R. Terrorism, radicalization and de-radicalization// Current Opinion in Psychology. 2016. Vol. 11. P.79-84.

Ключевые факторы микроуровня на первой стадии касаются *поиска значимости и переживаний неопределенности*. Стартовой точкой радикализации в логике этой модели является ситуация, в которой индивид озадачен поиском собственной значимости. Этот поиск является следствием утраты социального статуса, сопряжен с острым переживанием унижения, низким профессиональным потенциалом. Переживая неопределенность, индивид стремится к снижению этого неприятного чувства, что определяет его выбор в пользу групп с определенными правилами и ценностями. Как отмечают Б. Доосже с коллегами, радикальные группировки умеют обеспечить индивиду, находящемуся в поиске значимости и переживающему неопределенность, искомое: обеспечить чувство значимости, принадлежности, транслировать определенные нормы и ценности, рекрутируя его в члены своей группировки¹⁶⁹. Факторы мезоуровня связаны с переживанием относительной депривации на уровне ближайшего окружения: моя группа подвергается дискриминации, с ней обращаются не так, как с другими группами. Для Б. Доосже с коллегами¹⁷⁰ иллюстрацией переживания такой депривации оказываются представители мусульманской общины в ряде Европейских странах. Кроме того, другим фактором на этом уровне является дискриминация их группы, использование так называемых «двойных стандартов»¹⁷¹. Опять же — радикальные группы воспринимаются индивидами, находящимися на первой стадии радикализации, как те группы, которые обеспечивают чувство принадлежности, удовлетворив таким образом, базовые потребности.

Наконец, на макроуровне первой стадии воздействующим фактором оказываются последствия глобализации, среди которых — доминирование западной культуры, стиля жизни, ценностей. На второй стадии, когда индивид присоединяется к радикальной группировке, ключевым на микроуровне является привязанность или даже слияние с группой. Индивид должен доказать группе свою лояльность, разделяя нормы и ценности, руководствуясь ими в публичном контексте¹⁷².

Факторы мезоуровня касаются того, что на этой стадии индивид укрепляет связи с группой, например, через процедуру инициации. Представители новой группы (радикальной) поддерживают дистанцирование от прежнего социального окружения (семья, друзья), что позволяет усиливать сплоченность новой

---

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же.

группы¹⁷³. Факторы макроуровня касаются того, что радикальная группа указывает на свою силу и могущество (например, ИГИЛ* — (*признана террористической организацией, запрещена в РФ) убеждали новобранцев в том, что их вовлеченность в деятельность группы (террористическую активность) позволит построить халифат. Как отмечают авторы модели¹⁷⁴, более 20 тысяч иностранных бойцов были рекрутированы для участия в террористической деятельности в рядах ИГИЛ* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ).

Наконец, на третьей стадии, на которой индивид вовлекается в активность, которая направляется групповой идеологией. Как отмечается авторами модели, фактором на микроуровне на этой стадии оказывается гибель близкого человека (члена семьи или друга), которая побуждает к действиям (террористической активности). На мезоуровне — индивид должен подготовиться к совершению насилия, например, совершить некоторое действие, которое затруднит его отказ от участия в деятельности группы (запись видеоматериала с изложением планов насильственных действий)¹⁷⁵. На этом же уровне действует фактор дегуманизации врага. На макроуровне — ведущим фактором оказывается призыв влиятельных лиц к совершению насилия в отношении определенных групп. Как подчеркивают авторы этой модели, процесс радикализации не может быть понят вне группового и межгруппового контекстов. Кроме того, для понимания процесса радикализации требуется учитывать такие психологические конструкты, как: принадлежность, социальное влияние, поляризация¹⁷⁶. Каждая радикальная группа, в логике этой модели, характеризуется сильным чувством превосходства, связанным с принадлежностью к этой ингруппе, существует некая аутгруппа (низшая и враждебная), которой приписывается ответственность за бедственное положение ингруппы. Как следствие, радикальная группа считает легитимным насилие в отношении аутгруппы, поскольку это позволит изменить положение дел на социальном уровне.

В модели двух пирамид, сформулированной К. Маккалеем и С. Москаленко¹⁷⁷, предлагается объяснять радикализацию, разводя две линии — когнитивную и поведенческую (соответственно — пирамида радикализации мнения и пирамида радикализации действия).

---

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ McCauley C., Moskalenko S. Understanding political radicalization: The two-pyramids model. // American Psychologist. 2017. Vol. 72. P. 205.

Эта логика восходит, с одной стороны, к идеи Р. Борема о том, что радикализация — это процесс, в ходе которого индивид разделяет экстремистскую идеологию и радикальные идеи, а также о необходимости разделения этого процесса от поведенческой линии, когда индивид переходит к совершению террористическим действиям. С другой — к линии исследований того, как соотносятся социальные установки и поведение, ссылаясь на идеи А. Викера (игнорируя при этом традицию изучения соотношения социальных установок и поведения в рамках теоретических моделей, предложенных А. Айзеном и М. Фишбайном¹⁷⁸).

В каждом случае пирамида позволяет типологизировать людей, пребывающих на определенном уровне, при этом обращается внимание на тот факт, что людей, соответствующих крайней точки радикализации — незначительное количество¹⁷⁹, отсюда и выбор логики пирамиды.

В случае пирамиды радикализации мнений авторы предлагают распознавать различные позиции: *нейтральные* (на этой стадии люди занимают нейтральную позицию, относительно какой-то определенной темы, события), *симпатизирующие* (на этой стадии люди верят в политическое событие, но не оправдывают использование насилия, в отличие от тех, кто находится на следующей стадии), *оправдывающие, имеющие личное моральное долголетование* (на самом верхнем уровне пирамиды располагаются те, кто готов к участию в насилии). В случае пирамиды радикализации действий уровни таковы: *инертные* (на этом уровне располагаются люди, которые не предпринимают никаких действий в связи с тем или иным политическим событием), *активисты* (люди, которые вовлечены в легальные способы защиты того или иного политического события), *радикалы* (люди, которые вовлечены в нелегальные действия в связи с тем или иным политическим событием) и *террористы* (на последнем уровне пирамиды находятся те, использует нелегальные действия, направленные на мирных жителей). Авторы модели обращают внимание на то, что в отличие от модели Ф. Мохаддама — индивиды могут перемещаться вверх и вниз, перескакивая уровни¹⁸⁰.

---

¹⁷⁸ Ajzen A. The theory of planned behaviour // *Organizational behaviour and human decision processes*. 1991. Vol. 50, N 2. P. 179–211; Ajzen A., Fishbein M. The influence of attitudes on behaviour // Albarracin D., Johnson B.T., Zanna M.P. (eds). *The handbook of attitudes*. Mahwah, N.J.: Erlbaum. 2005. P. 173–221.

¹⁷⁹ McCauley C., Moskalenko S. Understanding political radicalization: The two-pyramids model. // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72. P. 205.

¹⁸⁰ Там же.

В модели также предлагается говорить о ряде механизмов радикализации, специфических для каждого из трех уровней (индивидуального, группового, массового). Так, *индивидуальном уровне* действуют механизмы: виктимизация, недовольство политического толка; присоединение к радикальной группе, смена крайностей в группах единомышленников; *на групповом уровне* действуют механизмы: крайняя сплоченность в ситуации изоляции и угрозы, конкуренция за тот же источник поддержки, конкуренция с государственной властью, внутренняя конкуренция; *на массовом уровне* авторы модели предложили различать три механизма: политика джиу-джитсу, ненависть, мученичество¹⁸¹.

Другая модель, которая основывается на идее о том, что радикализация мнений и радикализация поведения происходит на двух независимых континуумах — модель АВС, предложенная Дж. Халилом с коллегами¹⁸². Продвижение по этим континуумам происходит под влиянием ряда факторов, не стремясь к исчерпывающему списку таковых, авторы приводят некоторые примеры этих факторов, сгруппировав их следующим образом: *структурные* (или контекстуальные факторы от коррупции, бедности, неравенства и дискриптинации до присутствия мигрантов, не вписывающихся в культурный контекст), *индивидуальные* (объединяющие экономические и психологические выгоды, например, материальные стимулы, статус, разнообразие жизни, сопричастность и пр.); *благоприятствующие* (присутствие вербовщиков, наличие доступа к оружию и пр.).

Особого внимания читателей заслуживает модель радикализации, сформулированная А. Круглянски с коллегами, ключевыми составляющими этой модели являются потребности, идеология и социальные связи индивида¹⁸³.

В логике этой модели предлагается говорить о поиске значимости как стартовой точке процесса радикализации, подразумевая под этим стремлением фундаментальная потребность человека в уважении, его стремление «быть кем-то». Как отмечает автор, частные мотивы, которые описаны в литературе как мотивы радикализации, будь то честь, месть, преданность лидеру и пр., — всего лишь

---

¹⁸¹ McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism. // Terrorism and Political Violence. 2008. Vol. 20. P. 415–433. DOI: 10.1080/09546550802073367

¹⁸² Khalil J.I., Horgan J., Zeuthen M. The Attitudes-Behaviors Corrective (ABC) Model of Violent Extremism// Terrorism and Political Violence.2019. DOI:10.1080/09546553.2019.1699793

¹⁸³ Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R. Significance quest theory of radicalization. In A.W. Kruglanski, J.J. Bélanger, R. Gunaratna. The three pillars of radicalization: Needs, narratives, and networks. Oxford: Oxford University Press. 2019. P.35–64.

частные случаи одной и той же фундаментальной потребности (поиск значимости). Активация этой потребности связана со следующими событиями: будь то потеря значимости (реальная (например, в форме унижения) или ожидаемая) или возможность обретения значимости. Потеря значимости сопряжена с переживанием растерянности, как следствие, возникает потребность в когнитивной завершенности и мотивация к восстановлению уверенности. Другими словами, в таком состоянии индивиду требуется однозначность определенность, что делает привлекательной риторику по принципу «или»-«или». Под нарративом А. Круглянский понимает идеологию — предписывающую систему убеждений, разделяемую членами группы. Первостепенная задача группы в нарративе — защита от врагов, что принесет славу и почитание. Благополучие группы считается сакральной ценностью, разделяемой членами группы, во имя которой они и должны действовать. Идеологические нарративы увязывают вместе обретение значимости и насилие. Такие нарративы разделяются через социальные связи индивида, где первостепенное значение отводится валидизации мнений в кругу значимых других¹⁸⁴.

Несомненно, все схемы, изложенные выше (см. Табл. 2.1), представляют чрезвычайный интерес, авторам в каждом случае удалось сформулировать объясняющую модель процесса радикализации, основываясь при этом на наблюдениях за немногочисленными объектами, другими словами, сформулировать так называемую частную теорию радикализации.

Важно обратить внимание читателей на тот факт, что упрощенное объяснение, которое апеллирует к бедности как единственному и достаточному фактору вовлечения в процесс легитимизации терроризма, не принимается ни одной из этих моделей, что вполне согласуется с идеями социологического анализа радикализации¹⁸⁵. В значительной степени важны процессы социальной перцепции, социального познания, через призму которых индивиду дается объяснение несправедливости его положения.

Обобщая основные идеи всех моделей, представляется возможным заключить, что стадии подробно описаны, и могли бы стать основой для формулирования модели оценки риска радикализации. Процесс радикализации, если опираться на эти модели, едва ли является линейным; содержание этого процесса, в целом, согласуется с результатами исследований в социальной психоло-

---

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Wiewiorka M. L'échec de l'Occident. Michel Wiewiorka, sociologue. Carnet de recherche. 2015. DOI:10.58079/valu

гии, касающихся группообразования¹⁸⁶ и межгрупповых отношений¹⁸⁷, однако авторы ряда постадийных моделей, рассмотренных выше, хотя и обращаются к идее идентичности, но едва ли принимают во внимание групподинамические процессы, сопряженные с присоединением к террористической группировке.

В то же самое время, эти модели (исключение, пожалуй, составляет в той или иной степени модель Б. Доосже с коллегами¹⁸⁸ и модель А. Круглянски с коллегами¹⁸⁹) не получили какой-либо систематической эмпирической проверки, очевидно, что экспериментальная проверка каузальных гипотез не предпринималась и не может быть предпринята¹⁹⁰. Как следствие, модели процесса радикализации остаются описательными, что делает их уязвимыми, с точки зрения их прогностической силы, как следствие, ограничивает их использование. Очевидно, что для объяснения процесса радикализации необходимы другие модели, которые опираются на конструкт социальной идентичности как на основополагающий элемент, кроме того, положения которых имели бы экспериментальную проверку. Анализ литературы позволяет говорить о таких теориях — теория слияния идентичности и теория неопределенности — идентичности. Эти две теории (теория слияния идентичности В. Сванна и А. Гомеса¹⁹¹ и теория неопределенности-идентичности М. Хогга¹⁹²), в определенном смысле, оказываются вне конкуренции по сравнению с теми моделями процесса радикализации, которые были рассмотрены выше. Обе модели опираются на серьезные теоретические построения, которые получили экспериментальную проверку. Более того, теория слияния идентичности разрабатывалась как способ объяснения того, почему человек вовлекается в крайнее про-групп-

¹⁸⁶ Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект пресс. 2002. 364 с.; Бэрон Р., Керр Н., Миллер Н. Социальная психология группы. СПб.: Питер. 2002. 269 с.; Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы. М.: Аспект пресс. 2001.318 с.

¹⁸⁷ Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. М.:МГУ. 1983.144 с.

¹⁸⁸ Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., De Wolf A., Mann L., Feddes A.R. Terrorism, radicalization and de-radicalization// Current Opinion in Psychology. 2016. Vol. 11. P.79-84.

¹⁸⁹ Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R. Significance quest theory of radicalization. In Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R. The three pillars of radicalization: Needs, narratives, and networks. Oxford: Oxford University Press. 2019. P.35–64.

¹⁹⁰ King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. 2011. P. 602–622. DOI:10.1080/09546553.2011.587064

¹⁹¹ Swann W., Klein J.W., Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // Advances in Experimental Social Psychology. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

¹⁹² Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.

повое поведение и готов идти до конца (включая самопожертвование и насилие, направленное на другую группу по имени защиты собственной группы). Ценность этой модели, в частности, определяется тем, что она получила свою эмпирическую поддержку в полевых условиях на членах террористических организаций¹⁹³.

Для понимания этих теорий необходимо ознакомиться с сутью подхода социальной идентичности (см. Тематическую вставку 2), поскольку обе теории (так или иначе) основываются на идеях этого подхода (в большей степени это касается модели М. Хогга).

Тематическая вставка 2: подход социальной идентичности

Теория социальной идентичности Г. Тэшфела (психология межгрупповых отношений).

Ключевые положения теории социальной идентичности Г. Тэшфела¹⁹⁴ и теории самокатегоризации Дж. Тернера¹⁹⁵, составляющие в современной социальной психологии подход социальной идентичности, известны отечественному читателю, в первую очередь — благодаря трудам учебных П.Н. Шихирева¹⁹⁶, Г.М. Андреевой¹⁹⁷ и В.С. Агеева¹⁹⁸. Кроме того, эвристический потенциал подхода социальной идентичности позволил сформулировать целый ряд оригинальных концепций, в том числе — отечественными авторами; эти концепции получили эмпирическую поддержку в рамках докторских диссертаций (Е.П. Белинская, Н.Л. Иванова, Т.Г. Стефаненко и др.)¹⁹⁹

¹⁹³ Гомес А. Различия между джихадистами и нерадикальными мусульманами и программы дерадикализации в Испании. Научно-методологический семинар «Психология экстремизма, радикализации и дерадикализации». Москва, МГППУ, 11 мая 2021.

¹⁹⁴ Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // Annual Review of Psychology. 1982. Vol. 33. P. 1–39. DOI:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245

¹⁹⁵ Turner J. Towards a cognitive redefinition of the social group. In H. Tajfel. Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge University Press. 1982. P. 15–40.

¹⁹⁶ Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М.: ИП РАН. 1999. 448 с.

¹⁹⁷ Андреева Г.М. Психология социального познания. М: Аспект пресс. 2014. 252 с.

¹⁹⁸ Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. М.:МГУ. 1983. 144 с.

¹⁹⁹ Белинская Е.П. Идентичность личности в условиях социальных изменений. Дисс. на соиск. степ. докт. психол. наук. М. 2006. 479 с.; Иванова Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности. Автореф. диссерт на соиск степени докт. психол. наук. Ярославль. 2003. 51 с.; Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности. Автореф. диссерт на соиск степени докт. психол. наук. М. 1999. 46 с.

В этой связи в настоящей тематической вставке вниманию читателей предлагаются центральные идеи подхода социальной идентичности, без которых затруднено понимание моделей радикализации, основанных на нем.

Стоит обратить внимание на то, что теория социальной идентичности и теория самокатегоризации нацелены на разрешение разных вопросов.

Теория социальной идентичности была сформулирована Г. Тэшфелом в 70-х гг. ХХ века, став достаточно привлекательной и популярной теоретической рамкой в 1990-х гг.. Р. Браун предлагает объяснять заметный рост популярности этой теории следующим образом: 1) в теории социальной идентичности предлагается общая теория межгруппового конфликта; 2) процессы социальной идентичности принимаются во внимание в межгрупповых контекстах; 3) теория социальной идентичности может быть рассмотрена как новая теория предубеждений и дискриминации²⁰⁰.

Для Г. Тэшфела социальная идентичность — это «...знание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него принадлежности к этой группе»²⁰¹. Это знание является чрезвычайно важным, поскольку чувство Я люди извлекают именно из принадлежности к социальным группам.

Люди стремятся к позитивной социальной идентичности, что определяет их поиск позитивного отличия по сравнению с другими группами.

К отличительной особенности теории социальной идентичности, по оценке Р. Брауна, можно отнести то, что Г. Тэшфел стремился интегрировать субъективные аспекты членства в группе (идентификация с группой) с объективными аспектами социального окружения (природой статусных межгрупповых отношений)²⁰².

С точки зрения подхода социальной идентичности, группа — это категория людей, разделяющих одну и ту же социальную идентичность, оценивающих себя сходным образом (ингруппа), отличающихся от людей с другой идентичностью (аутгруппа), стремящихся к поддержанию позитивной

²⁰⁰ Brown R. The social identity approach: appraising the Tajfelliian legacy //The British journal of social psychology. 2020.Vol.59. P.5–25. DOI:10.1111/bjso.12349.

²⁰¹ Tajfel H. La catégorisation sociale // Introduction à la psychologie sociale / S. Moscovici (ed.). Paris: Larousse. 1972, p.272.

²⁰² Brown R. The social identity approach: appraising the Tajfelliian legacy //The British journal of social psychology. 2020.Vol.59. P.5–25. DOI:10.1111/bjso.12349.

социальной идентичности²⁰³. Социальная идентичность — это интернализованная принадлежность человека к группе, которая соответствует чувству «кто я в данном контексте». Таким образом, подход социальной идентичности нацелен на то, чтобы объяснить то, как люди принимают социальную идентичность и ведут себя в соответствии именно с ней, а не с персональной идентичностью (диспозиционные атрибуты).

Если кратко обозначить логику этого подхода, то можно сказать что теория социальной идентичности, сформулированная Г. Тэшфелом, отвечает на три основных вопроса²⁰⁴:

Во-первых, рассматриваются психологические процессы (социальная категоризация, социальное сравнение и социальная идентификация), что позволяет объяснить то, почему и как социальные идентичности отличаются от персональных идентичностей. *Процесс социальной категоризации* определяет то, как люди классифицируются по группам. Этот процесс позволяет индивидам реагировать на сложные социальные ситуации. Так, когда людей относят к одной и той же группе, считается, что они обладают общей определяющей характеристикой группы, именно она отличает их от других людей, не обладающих этой характеристикой. Таким образом, этот психологический процесс позволяет подчеркивать сходство людей, принадлежащих к одной категории, и акцентировать внимание на отличиях от людей, которые принадлежат к другим категориям.

Социальное сравнение — это процесс, посредством которого интерпретируются и оцениваются характеристики той или иной группы. Важность этого процесса определяется тем, что объективный стандарт для определения ценности той или иной группы отсутствует, тогда для того, чтобы решить, является ли группа «хорошой» или «плохой», предпринимается сравнение тех или иных характеристик групп.

Социальная идентификация — процесс, посредством которого человек приходит к осознанию того, что он включен в определенную группу, это членство имеет эмоциональную значимость и ценность для него. В той степени, в которой люди заботятся о группах, к которым они принадлежат,

²⁰³ Ellemers N., Haslam S.A. Social identity theory. In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. London: Sage. 2012. P. 379–398
DOI:10.4135/9781446249222.n45

²⁰⁴ Там же.

в той степени они будут стремиться подчеркивать отличительные характеристики этих групп, а также поддерживать, защищать, повышать ценность самих этих групп, а также их членов.

Во-вторых, речь идет о стратегиях поддержания позитивной социальной идентичности: индивидуальная мобильность, социальное творчество и социальное соревнование.

Суть стратегии *индивидуальной мобильности* заключается в том, что люди стремятся избегать принадлежности к группе, которая обесценивает их в силу низкого социального статуса, вместо этого они стремятся быть включенными в группу с более высоким социальным статусом.

Стратегия *социального творчества* предполагает, что члены группы стремятся переопределить межгрупповое сравнение, представляя свою группу в терминах положительных, а не отрицательных характеристик (с помощью изменения основания для сравнения, за счет сравнения с другими группами, за счет изменения значения своей группы, имеющей низкий социальный статус).

Стратегия *социального соревнования* сводится к тому, что члены группы участвуют в различных формах конфликта, направленных на изменение статус-кво своей группы.

Наконец, обсуждаются ключевые характеристики социальной структуры (проницаемость границ группы, стабильность статуса группы, легитимность настоящих статусных отношений; Г. Тэшфел отмечает, что речь идет скорее о перцептивных процессах, связанных с этими характеристиками социальной структуры). Эти вносят свой вклад в то, какая из указанных выше стратегий поддержания позитивной социальной идентичности, скорее всего, будет использована в той или иной ситуации.

В случае проницаемости границ группы — подразумевается, что члены группы исходят из убеждений, что они могут действовать как независимые агенты в данной социальной системе. Если границы воспринимаются как проницаемые, то индивиды с большей вероятностью будут стремиться к индивидуальной мобильности как привлекательной и жизнеспособной стратегии в случае негативной социальной идентичности.

Если границы воспринимаются как непроницаемые, то индивиды, скорее всего, будут чувствовать себя более связанными со своей группой, как следствие, они будут стремиться повысить статус на уровне группы.

Стабильность статуса группы указывает на то, что некоторые различия между группами считаются изменчивыми, другие — долговечными и стабильными. Таким образом, если статусные различия считаются стабильными, то индивиды, чья социальная идентичность обесценивается за счет принадлежности к группе, с меньшей вероятностью будут выбирать стратегию, связанную с социальными изменениями (социальное соревнование), отдавая предпочтение стратегии индивидуальной мобильности. Однако невозможность покинуть группу в силу непроницаемости групповых границ, подталкивает индивидов к использованию стратегии социального творчества. Проницаемость и стабильность указывают на воспринимаемую возможность изменений. Легитимность настоящих статусных отношений касается убеждений, которые определяют мотивацию к изменению²⁰⁵.

Другими словами: 1) индивиды стремятся к достижению или поддержанию своей позитивной социальной идентичности; 2) позитивная социальная идентичность основана, в первую очередь, на благоприятных сравнениях, которые можно провести между своей группой (ингруппой) и соответствующими чужими группами (аутгруппами): своя группа должна восприниматься как позитивно дифференцированная от соответствующих чужих групп (наш 9 класс «А» - самый дружный/активный/имеющий отличную успеваемость и пр. среди всех девятых классов школы); 3) когда социальная идентичность неудовлетворительна для индивида (является негативной), то человек будет или стремиться покинуть свою группу и присоединиться к группе, которая даст ему позитивную социальную идентичность, или сделать свою группу более положительно отличимой, что сделает социальную идентичность положительной.

Человек нуждается в устойчивом чувстве идентичности (Кто я такой? Где мое место в мире?), поскольку неопределенность о себе затрудняет построение стратегии поведения в мире²⁰⁶. Социальная идентичность, по сути, это интернализированная групповая принадлежность, необходимая для того, чтобы определить, *кто мы такие* в том или ином контексте²⁰⁷.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Choi E.U., Hogg M.A. Self-uncertainty and group identification: A meta-analysis // Group Processes and Intergroup Relations. 2019. P. 1—19. DOI:10.1177/1368430219846990; Hogg M.A. Social identity theory. In P.J. Burke (ed.). Contemporary social psychological theories. Palo-Alto: Stanford University Press. 2006. P. 111-136.

²⁰⁷ Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty // Revista de Psicología Social. 2015. Vol. 30. P. 586—613 DOI:10.1080/02134748.2015.1065090

Г. Тэшфел предлагает различать и еще один тип идентичности: **персональную идентичность**, благодаря которой человек отличает себя в группе от других членов, она характеризует человека в терминах его личностных атрибутов²⁰⁸. Другими словами, это самоопределение человека в терминах физических, интеллектуальных особенностей, способностей, всего того, что отличает одного члена группы от других. Очевидно, что социальная идентичность отличается от персональной идентичности, соответствующей интернационализированному чувству индивидуальности²⁰⁹. Таким образом, Я-концепция определяется не только персональными характеристиками, но и принадлежностью к группам, социальная идентичность становится особенно заметной и важной в ситуации межгруппового взаимодействия.

Чрезвычайно важно отметить, что в логике теории социальной идентичности, знание о персональной идентичности членов группы (о том, что кто-то является добрым или злым, открытым, умным или красивым) не позволяет понять их поведение. Поведение станет понятным, если учитывать ту социальную идентичность, в терминах которой люди определяют себя. Таким образом, групповое поведение не является производным от их взаимозависимости, экономического обмена или привлекательности членов группы, как это можно полагать, обращаясь к идеям, представленным в других социально-психологических моделях, поведение — производно от когнитивных процессов, которые дают индивидам основание определять себя через призму групповой принадлежности²¹⁰.

Человек может обладать целым рядом социальных и персональных идентичностей, что определяется теми группами, к которым он принадлежит. Важность той или иной социальной идентичности варьирует в зависимости от контекста, однако в определенный момент только одна идентичность является актуализированной (так называемой — *выпуклой*); именно через призму этой социальной идентичности человек интерпретирует себя, воспринимает других и выстраивает свое взаимодействие с окружающими²¹¹.

²⁰⁸ Tajfel H. La catégorisation sociale. In S. Moscovici (ed.). *Introduction à la psychologie sociale*. Paris: Larousse. 1972. P. 272–302.

²⁰⁹ Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The new psychology of health*. London: Routledge. 2018. 490 p.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell. 2012. P.19-35.

Примечательным видится такой пример, который позволит развести функционирование персональной и социальной идентичностей: деиндивидуализация человека в процессе общения в сети Интернет. В ситуации деиндивидуализации человек не утрачивает персональной идентичности, скорее социальная идентичность оказывается «выпуклой», более важной, чем персональная идентичность. Происходит своего рода сдвиг от межличностного полюса к межгрупповому. В ситуации анонимности, где отсутствует возможность воспринимать специфику каждого индивида, доминирует стратегия поведения на основе социальных категорий²¹². Отсюда и оказывается, что человек в состоянии деиндивидуализации уделяет преимущественное внимание именно групповым, ситуативным нормам, а не общим, социальным нормам, которые регулируют его поведение в реальной жизни²¹³. Другими словами, будучи деиндивидуализированным, человек в меньшей степени уделяет внимание индивидуальным характеристикам и межличностным различиям внутри группы, он уделяет внимание контекстуальным факторам, которые указывают на соответствующее поведение, как следствие, человек реагирует в соответствии с нормами, диктуемыми непосредственным социальным контекстом, а общие социальные нормы не действуют.

В рамках подхода социальной идентичности люди представляют группу или социальную категорию как некоторый прототип, т. е. расплывчатый набор атрибутов, объединяющих восприятие, аттитюды, чувства, и предписывающий индивиду то или иное поведение. Прототип позволяет говорить о том, что характеризует данную группу («мы — такие») и чем она отличается от других групп («они — этакие»). Иначе говоря, по принципу контраста члены своей группы должны быть максимально отличающимися от членов чужой группы; по принципу ассоциации — внутри своей группы члены группы должны иметь минимальные различия²¹⁴.

²¹² Guegan J. Effets de contexte et modulation des processus sociocognitifs via Internet. Psychologie. Thèse de doctorat en psychologie sociale. Université Paul Valéry — Montpellier III. 2012. 232 p.

²¹³ Postmes T, Spears R. Deindividuation and antinormative behavior: a meta-analysis // Psychological Bulletin. 1998. Vol. 123. P. 238—259. DOI:10.1037/0033-2909.123.3.2381998

²¹⁴ Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.) // Advances in Group Processes. Bingley:Emerald Publishing Limited. 2019. P. 61—77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006

Теория самокатегоризации Дж. Тернера (психология группового поведения)

Теория самокатегоризации была сформулирована и разрабатывалась Дж. Тернером с коллегами в 80-90 х гг.. Эта теория явилась интеллектуальным продолжением, развитием идей, сформулированных Г. Тэшфелом. И может быть обозначена как общая теория групповых процессов, поскольку через призму идей Тернера новую трактовку получили классические социально-психологические проблемы (будь то социальное влияние, сплоченность²¹⁵, власть и пр.)²¹⁶.

В фокусе внимания этой теории оказывается природа Я, теория объясняет, как и когда индивиды воспринимают себя как индивиды, а когда — как члены группы²¹⁷. Другими словами, эта теория позволяет ответить на очень важный вопрос о возможности группового поведения, с психологической точки зрения. Межличностная аттракция или важность взаимозависимости отбрасываются Тернером как возможные объяснения. Социальная идентичность является собой, словами Дж. Тернера, «... когнитивный механизм, который делает возможным групповое поведение»²¹⁸. Другими словами, групповое поведение возникает тогда, когда человек определяет себя в терминах социальной идентичности (в теории самокатегоризации Дж. Тернера этот процесс обозначается как деперсонализация, когда Я воспринимается в терминах стереотипных характеристик ингруппы), что означает, что социальная идентичность становится более важной, первостепенной, по сравнению с персональной идентичностью. Не уникальное чувство Я, а именно чувство принадлежности к группе (Мы) определяет то, как человек смотрит на мир, относится к нему, действует в нем²¹⁹. По сути, это и есть переход от

²¹⁵ Бовина И.Б. Групповая сплоченность // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал — URL: <https://bigenc.ru/c/gruppovalia-splochionnost-d24d55/?v=9005600>. — Дата публикации: 14.11.2023

²¹⁶ Тернер Дж. Социальное влияние. СПб.:Питер.2003. 256 с.

²¹⁷ Turner J., K.J. Reynolds. Self-categorisation theory. In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). Handbook of theories of social psychology. London: Sage. 2012. P. 399–417 DOI:10.4135/9781446249222.n46

²¹⁸ Turner J. Towards a cognitive redefinition of the social group. In H. Tajfel (ed.). Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge University Press. 1982. P.21.

²¹⁹ Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

персональной идентичности к социальной идентичности. Социальные идентичности, в логике теории Дж. Тернера, являются собой когнитивные представления о своем Я, основанные на групповой принадлежности, их доступность варьирует в зависимости от соответствующего социального контекста.

Люди могут определять или категоризировать себя на разных уровнях абстракции:

- на межличностном уровне (где «Я» определяется как уникальный индивид по отношению к другим, доступным для сравнения) = персональная идентичность
- на межгрупповом уровне (где «Я» определяется как член ингруппы в отличие от соответствующей аутгруппы) = социальная идентичность
- на надгрупповом уровне (где «Я» определяется как человек по отношению к другим формам жизни, суперординарная категория себя как представителя рода человеческого) = суперординарная идентичность

В разное время и в разных контекстах индивиды определяют себя различающимся образом, эта такая вариативность определенной степени считается нормальной и постоянно присутствующей²²⁰.

Восприятие себя в терминах стереотипных качеств, характерных для своей группы, в сочетании с ингрупповым фаворитизмом — являются устойчивыми эффектами актуализации той или иной социальной идентичности.

Процесс деперсонализации объясняет то, как люди, принадлежащие к одной и той же социальной категории, становятся *взаимозаменяемыми*. Однако не говорит о том, когда и почему это происходит, иначе говоря, почему социальная идентичность актуализируется (становится важной, активируется); а также — почему это происходит именно с этой социальной идентичностью. Для ответа на эти вопросы в теории предлагается обращаться к логике процессов социальной категоризации, используя два важных конструкта: *соответствие* (индивиду с большей вероятностью будет определять себя через призму такой группы, которая имеет смысл в данной ситуации) и *готовность* (своего рода предрасположенность к определенной групповой принадлежности).

²²⁰ Turner J., K.J. Reynolds. Self-Categorization Theory. In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. London: Sage. 2012. P. 399–417
DOI:10.4135/9781446249222.n46

Анализ теоретических положений подхода социальной идентичности позволяет сделать достаточно важные выводы:

Социальный контекст — это ключевая детерминанта для определения Я и своего поведения. В логике подхода социальной идентичности действия индивида определяются социальными силами. Межгрупповое поведение, в основе которого лежит социальная идентичность, качественно отличается от межличностного поведения. Во многих социальных ситуациях люди воспринимают себя и других как членов групп, а не как индивидов, как следствие, запускается социальное восприятие и социальное поведение.

Идентификация с группой имеет самые серьезные последствия для человека, а именно: он действует в соответствии с ценностями и нормами этой группы; члены группы оказывают влияние друг на друга; чем больше человек идентифицирует себя с группой, тем в большей степени он воспринимает себя, как похожего на других членов группы (своего рода взаимозаменяемость членов группы), в большей степени он переживает свою связь с другими членами группы. Человек получает столь важную поддержку от других членов группы, а также сам готов оказывать ее другим. В социальной идентичности человек черпает смысл, цель и ценность своего существования. То, насколько человек определяет себя в терминах социальной идентичности, будет для него связываться с чувством эффективности и власти²²¹. Про-групповое поведение — это результат функционирования социальной идентичности.

Таким образом, получая от группы социальную идентичность, человек получает определенность в отношении того, кем он является, каково его место в социальном мире, что ему думать, чувствовать и как действовать. Наряду с этим он теперь знает, как воспринимают его другие, как они взаимодействуют с ним²²². Человек получает своего рода предсказуемость, некоторую определенность в меняющемся и неопределенном мире.

Как подчеркивает Р. Браун²²³, ключевые работы, в которых были сформулированы основные идеи подхода социальной идентичности, а именно: главы

²²¹ Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

²²² Hogg M.A. Social identity theory. In P.J. Burke (ed.). Contemporary social psychological theories. Palo-Alto: Stanford University Press. 2006. P. 111—136.

²²³ Brown R. The social identity approach: appraising the Tajfelliian legacy //The British journal of social psychology. 2020. Vol.59. P.5–25. DOI:10.1111/bjso.12349.

Г. Тэшфела и Дж. Тернера (1979, 1986), а также статья Г. Тэшфела (1974) — на декабрь 2018 года имели индекс цитирования, превышающий 13200. При этом — 32% цитирований принадлежит полю социальной психологии, 27% — области бизнеса и менеджмента, по 6% — политическим наукам и социологии. Все это только лишний раз указывает на масштаб, востребованность и применимость подхода социальной идентичности для ответа на вопросы современности. Положения теории социальной идентичности Г. Тэшфела и теории самокатегоризации Дж. Тернера получили многочисленную экспериментальную проверку, более того, обе теории получили свое последующее развитие²²⁴.

Обращение к идеям социальной идентичности связывается, в частности, с изучением проблемы радикализации, на что указывают результаты недавнего библиометрического анализа предпринятого М. Блайей-Бурго²²⁵.

Методы измерения социальной идентичности обсуждаются в Приложении 1.

Теория слияния идентичности²²⁶. Для теории слияния идентичности подход социальной идентичности, несомненно, является одним из интеллектуальных источников (наряду с теорией самоверификации В. Сванна и идеями теории привязанности Дж. Боулби²²⁷). Как отмечают авторы, идея слияния — не является новой, ее можно в том или ином варианте обнаружить, как минимум,

²²⁴ Там же.

²²⁵ Blaya-Burgo M. A bibliometric analysis of social identity theory in radicalization research. // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2024. DOI:10.1037/pac0000779

²²⁶ Эта теория уже попала в фокус внимания отечественных авторов, конечно, не в том же формате и объеме, как это было в случае подхода социальной идентичности. Тем не менее, справедливости ради стоит указать на ряд таких работ: *Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш., Емелин В.А. Слияние и идентификация с социальной группой как различные механизмы формирования идентичности.*// Вопросы психологии. 2016.№3. С 69-79; *Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Идентификация и слияние: варианты соотношения «Я» и группы при формировании социальной идентичности (на примере семьи и страны)* // Психология и Психотехника. 2016. № 3. С. 233-242; *Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода.* Психологические исследования. 2012.№ 5. С.2. В связи с анализом проблемы безопасности: *Сайфуллин Р.Г. К исследованию феномена самопожертвования в контексте обеспечения безопасности России* // Развитие территорий. 2022. №1 (27).

²²⁷ Swann W, Klein J.W, Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // Advances in Experimental Social Psychology. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

в работе Э. Дюркгейма (механическая солидарность) или К. Левина (групповая идентификация)²²⁸. Теория самоверификации восходит к идеям Ч. Кули и Дж. Мида, постулируя, что субъекты основывают свои идентичности на том отношении, которое они получают от других²²⁹

Теория слияния идентичности позиционируется ее авторами (В. Свенн, А. Гомес) как альтернативное объяснение соотношения персональной и социальной идентичностей²³⁰, как теория, которая рассматривает те аспекты функционирование группы, которые были, как отмечают авторы, приуменьшены в рамках подхода социальной идентичности²³¹. В. Свенн и А. Гомес²³² выстраивают объяснительную схему, опираясь на критику двух важных положений, принадлежащих подходу социальной идентичности: деперсонализации и функционального антагонизма.

Анализ литературы²³³ заставляет думать, что теория слияния идентичности развивалась по линии критики подхода социальной идентичности, явно претендую на тот же уровень объяснения, в то же время, В. Свенн с коллегами подчеркивают, что теория слияния идентичности была сформулирована как инструмент понимания вовлечения в крайнее про-групповое поведение²³⁴ (по сути, речь идет о вовлечение индивида в террористическую деятельность).

²²⁸ Swann W.B., Jetten J., Gómez A., Whitehouse H., Bastian B. When group membership gets personal: A theory of identity fusion. *Psychological Review*. 2012. Vol.119. P. 441–456. DOI:10.1037/a0028589.

²²⁹ Gómez A., Vázquez A., Alba B., Blanco L., Chinchilla J., Chiclana S., Swann W.B. Jr. Feeling understood fosters identity fusion.// *Journal of Personality and Social Psychology*. 2024. Advance online publication. DOI:10.1037/pspi0000464

²³⁰ Gómez Á., Vázquez A. The power of ‘feeling one’ with a group: Identity fusion and extreme pro-group behaviours/El poder de ‘sentirse uno’ con un grupo: Fusión de la identidad y conductas pro grupales extremas. *Revista De Psicología Social*.2015. Vol.30. P. 481–511; Swann W., Klein J.W., Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

²³¹ Swann W., Klein J.W.,Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

²³² Там же.

²³³ Swann W.B., Gómez Á., Seyde D.C., Morales J.F., Huici C. Identity fusion: The interplay of personal and social identities in extreme group behavior// *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009.Vol. 96. P. 995–1011. DOI:10.1037/a0013668; Swann W.B., Jetten J., Gómez A., Whitehouse H., Bastian B. When group membership gets personal: A theory of identity fusion. *Psychological Review*. 2012. Vol.119. P. 441–456. DOI:10.1037/a0028589; Swann W., Klein J.W.,Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

²³⁴ Swann W., Klein J.W.,Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

Теория в более или менее законченном варианте увидела свет в более поздних публикациях в 2009 и 2012 гг.²³⁵. В 2024 году В. Сванн с коллегами предложили модифицированную версию теории (так называемую комплексную теорию слияния идентичности²³⁶), сделав некоторые уточнения на основе многочисленных исследований.

Слияние идентичности определяется как «висцеральное чувство единства с группой»²³⁷. Иначе говоря, для человека, переживающего состояние единства с группой, барьер между Я и другими перестает существовать, таким образом, группа становится тождественна персональной идентичности.

Групповое членство для такого человека становится делом очень личным, он заботится о групповых результатах не меньше, чем о своих собственных²³⁸. Персональная и социальная идентичности понимаются человеком в состоянии слияния идентичности как функционально эквивалентные²³⁹. Границы между персональной и социальной идентичностями становятся проницаемыми в такой степени, что аспекты идентичностей могут перетекать в обе стороны (иначе говоря, индивид переживает в равной степени: «Я являюсь важной частью группы» и «Моя группа — это важнейшая часть меня»)²⁴⁰.

Единение с группой означает не только приверженность группы в наивысшей степени, но в мотивационно сильной персональной идентичности, словами В. Сванна с коллегами: речь идет не о том, что группа может сделать для меня, но о том, что я могу сделать для группы²⁴¹. Отсюда, примерами поведения, до кото-

²³⁵ Swann W.B., Gómez Á., Seyle D.C., Morales J.F., Huici C. Identity fusion: The interplay of personal and social identities in extreme group behavior// *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96. P. 995–1011. DOI:10.1037/a0013668; Swann W.B., Jetten J., Gómez A., Whitehouse H., Bastian B. When group membership gets personal: A theory of identity fusion. *Psychological Review*. 2012. Vol.119. P. 441–456. DOI:10.1037/a0028589

²³⁶ Swann W., Klein J.W., Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

²³⁷ Gómez, Á., Vázquez A., López-Rodríguez L., Talaiar S., Martínez M., Buhrmester M.D., Swann W.B. Jr. Why people abandon groups: Degrading relational vs collective ties uniquely impacts identity fusion and identification. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2019. Vol. 85, Article 103853. DOI:10.1016/j.jesp.2019.103853, p.1.

²³⁸ Swann W.B., Gómez Á., Seyle D.C., Morales J.F., Huici C. Identity fusion: The interplay of personal and social identities in extreme group behavior. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vo. 96. P. 995–1011. DOI:10.1037/a0013668

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же.

рого может дойти индивид в состоянии слияния идентичности, оказывается как принесение себя жертву во имя группы, так и применение насилия для защиты своей группы в случае необходимости²⁴². Таким образом, индивид действует в отношении группы так, как он бы действовал для самого себя.

Проницаемость границ между персональной и социальной идентичностями оборачивается тем, что в состоянии слияния идентичности, единения с группой, усиливаются связи и с другими членами группы, как следствие — возникает приверженность группе, члены группы воспринимают других членов группы как приверженных группе в той же мере²⁴³. Этот тезис, с нашей точки зрения, вполне может быть объяснен в логике подхода социальной идентичности, когда идентификация с группой подразумевает взаимное влияние и помощь²⁴⁴. В то же самое время, авторы теории слияния идентичности, отмечают, что в отличие от конструкта идентификации (являющегося ключевым в подходе социальной идентичности), слияние идентичности ведет к тому, что члены группы воспринимают свою группу как могущественную и неуязвимую²⁴⁵.

Если в оригинальной формулировке теория объясняет то, как персональная идентичность сливается с группой, что мотивирует поведение от имени группы, несмотря на цену вопроса такого поведения, вплоть до пожертвования собственной жизнью²⁴⁶. То в модифицированной версии объектом слияния может быть не только группа, но идеология, ценности и даже отдельные личности (будь то сиблиинг, романтический партнер, лидер группы и др.)²⁴⁷. Этот момент видится важным в связи с пониманием радикализации в группах ближайшего окружения. С другой стороны, идея слияния с лидером группы может

---

²⁴² Swann W.B., Gómez Á., Seyle D.C., Morales J.F., Huici C. Identity fusion: The interplay of personal and social identities in extreme group behavior. //Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vo. 96. P. 995–1011. DOI:10.1037/a0013668; Varmann A.H., Kruse L., Bierwiaczonek K., Gómez A., Vázquez A., Kunst J.R. How identity fusion predicts extreme pro-group orientations: A meta-analysis// European Review of Social Psychology. 2024. Vol. 35. P.162-197. DOI:10.1080/10463283.2023.2190267

²⁴³ Swann W.B., Jetten J., Gómez A., Whitehouse H., Bastian B. When group membership gets personal: A theory of identity fusion. Psychological Review. 2012. Vol.119. P. 441–456. DOI:10.1037/a0028589

²⁴⁴ Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

²⁴⁵ Swann W.B., Jetten J., Gómez A., Whitehouse H., Bastian B. When group membership gets personal: A theory of identity fusion. Psychological Review. 2012. Vol.119. P. 441–456. DOI:10.1037/a0028589

²⁴⁶ Swann W., Klein J.W., Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // Advances in Experimental Social Psychology. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

²⁴⁷ Там же.

быть объяснена через призму подхода социальной идентичности, апеллируя к логике идентификации с прототипическим членом группы.

Если в изначальной версии ничего не говорилось о характеристиках группы, с которой происходит объединение, то в модифицированной версии теории слияния идентичности отмечается, что объект слияния имеет отличительные особенности: ясность, последовательность, согласованность²⁴⁸. Это уточнение видится любопытным в связи с логикой теории неопределенности-идентичности М. Хогга²⁴⁹, о которой речь пойдет ниже.

В недавнем мета-аналитическом исследовании отмечается²⁵⁰, что теория слияния идентичности разделяет многие концептуальные идеи подхода социальной идентичности, тем не менее (и на это обращается внимание в литературе²⁵¹) линия водораздела проходит по ряду ключевых позиций, что придает теории слияния идентичности большую объяснительную и предсказательную в отношении крайних про-групповых действий. В модифицированной версии теории слияния идентичности различие между ней самой и теорией социальной идентичности обозначено отчетливо: если теория социальной идентичности нацелена на изучение межгрупповых отношений, с акцентом на вопросах предубеждений и дискриминации, то теория слияния идентичности сфокусирована на изучении того, как персональная идентичность объединяется с различными объектами, что мотивирует экстремальное поведение²⁵².

Авторы теории слияния идентичности значительное внимание уделяют сравнению идей этой модели с идеями подхода социальной идентичности. Так, ключевой конструкт теории слияния идентичности (собственно — само слияние, это чувство единения с группой), сравнивается с ключевым конструктом подхода социальной идентичности — идентификацией. Хотя оба конструкта позволяют говорить о соотношении персональной и социальной идентичностей, однако функционирование идентификации и слияния идентичности раз-

---

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.

²⁵⁰ Varmann A.H., Kruse L., Bierwiaczonek K., Gómez A., Vázquez A., Kunst J.R. How identity fusion predicts extreme pro-group orientations: A meta-analysis// *European Review of Social Psychology*. 2024. Vol. 35. P.162-197. DOI:10.1080/10463283.2023.2190267

²⁵¹ Там же.

²⁵² Swann W., Klein J.W., Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

лично²⁵³. Люди воспринимают себя и других через призму социальных категорий. Они реализуют прототипическое поведение, соответствующее группе, членами которой они являются. В рамках подхода социальной идентичности постулируется так называемый функциональный антагонизм, когда один уровень становится более значимым, то другие уровни становятся менее значимыми, иначе говоря, идентификация с группой ведет к тому, что его социальная идентичность становится более значимой, а персональная идентичность как бы отходит на второй план (см. Тематическую вставку 2).

В случае слияния идентичности индивид присоединяется к группе, вырабатывает тесные связи с другими членами группы, но при этом сохраняет свою персональную идентичность. В пользу различий между идентификацией с группой и слияния идентичности говорят и эмпирические факты (в частности, шкалы, измеряющие идентификацию и слияние попадают в разные факторы; индивиды в случае слияния идентичности реагируют иным образом на различные контекстуальные факторы, чем индивиды, идентифицировавшиеся в сильной степени со своей группой)²⁵⁴.

Персональная идентичность людей в ситуации слияния идентичности сохраняется, не размывается, в ситуации, когда их социальная идентичность выходит на первый план.

Другими словами, в теории слияния идентичности критикуются не только принцип функционального антагонизма, но и принцип деперсонализации, за счет которого группа становится группой в психологическом плане, индивиды, ее образующие становятся взаимозаменяемыми²⁵⁵ (см. Тематическую вставку 2).

В изначальной версии теории слияния идентичности предлагается говорить о ряде принципов слияния идентичности²⁵⁶: агентно-личностный, синергетический, родственных связей, необратимости.

---

²⁵³ Swann W.B., Buhrmester M.D. Identity fusion.// Current Directions in Psychological Science.2015. Vol. 24. P.52–57. DOI:10.1177/0963721414551363

²⁵⁴ Gómez Á., Brooks M.L., Buhrmester M.D., Vázquez A., Jetten J., Swann W.B.Jr. On the nature of identity fusion: Insights into the construct and a new measure.// Journal of Personality and Social Psychology.2011.Vol. 100. P. 918–933. DOI:10.1037/a0022642; Swann W.B., Buhrmester M.D. Identity fusion // Current Directions in Psychological Science.2015. Vol. 24. P.52–57. DOI:10.1177/0963721414551363

²⁵⁵ Swann W., Klein J.W.,Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // Advances in Experimental Social Psychology. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

²⁵⁶ Swann W.B., Buhrmester M.D. Identity fusion.// Current Directions in Psychological Science.2015. Vol. 24. P.52–57. DOI:10.1177/0963721414551363

Первый принцип (*агентно-личностный*) подразумевает, что персональная идентичность может мотивировать про-групповое поведение, направляя личные усилия в про-групповое русло (фраза «Я несу ответственность за действия моей группы» достаточно четко отражает происходящее с человеком).

Второй принцип (*синергетический*) означает, что персональная и социальная идентичности человека, переживающего слияние идентичности, за счет синергетического принципа могут мотивировать его к крайнему про-групповому поведению, т.е. усиливать про-групповое поведение можно как за счет воздействия на персональную, так и социальную идентичность²⁵⁷ (если сравнить этот тезис с подходом социальной идентичности (см. Тематическую вставку 2), очевидно, что усиление прототипического поведения у индивидов с сильной ингрупповой идентификацией возможно только за счет воздействия на социальную идентичность).

Третий принцип (*родственных связей*) трактуется следующим образом: индивид в состоянии слияния идентичности заботится как об отдельных членах группы, так и о самой группе в целом. Человек, переживающий состояние слияния идентичности, воспринимает членов этой группы почти как членов своей семьи, он готов идти для них до последнего (вплоть до самопожертвования), что не соответствует логике идентификации (подход социальной идентичности).

Наконец, в соответствии с четвертым принципом (*необратимости*): для индивида, объединившегося с группой, это чувство слияния будет поддерживаться не только за счет принадлежности к группе, но и за счет персональной идентичности. Пережив слияние с группой, индивиды будут стремиться поддержать это состояние. Другими словами, в логике этого принципа: «объединившись однажды — объединился навсегда». Опять же сравнение с идентификацией указывает на разницу между механизмами. Слияние идентичности оказывается стабильным явлением. Иным образом обстоит дело в случае высокой идентификации индивида с группой (поскольку изменение контекста приведет к изменениям в выборе соответствующей социальной идентичности (см. Тематическую вставку 2)).

Факт устойчивости слияния идентичности в случае объединения с группой (будь то криминальная группировка или террористическая организация) делает особенно важным вопрос о снижении эффекта объединения, особенно в связи с вопросами о дерадикализации. Следует тут же отметить, что в логике подхода

---

²⁵⁷ Там же.

социальной идентичности этот вопрос с большей вероятностью может получить свое разрешение, но этот аспект проблемы будет обсуждаться в Главе 5.

В модифицированной версии теории слияния идентичности предлагается сфокусировать внимание только на синергетическом принципе слияния идентичности как объяснительном механизме слияния.

Как отмечают В. Свенн с коллегами²⁵⁸, синергетические слияние персональной и социальной идентичностей ведет к тому, что индивиды воспринимают иным образом границы между собой и другими членами группы, это слияние сопровождается переживанием эмоциональной близости (своего рода «чувство единства»). Проницаемость границ между персональной и социальной идентичностями делает возможным их взаимное усиление. Переживая сильное слияние с группой, индивиды вовлекаются в деятельность во имя этой группы, что, в свою очередь, придает им силы. Эта реципрокность, как отмечают авторы, является важным объяснительным конструктом: чем больше индивиды слиты с группой, тем больше групповой силы они испытывают и тем больше они воспринимают себя и свою группу как физически, так и духовно угрожающую²⁵⁹. Многочисленные эмпирические факты, полученные на значительных по объему и разнообразных выборках, принадлежащих к различным культурам, говорят в пользу того, что именно эта взаимная сила является собой ключевой компонент слияния идентичности, как следствие, становится понятной связь между слиянием идентичности и готовностью защищать свою группу до последнего²⁶⁰.

Любопытно, что слияние предсказывает готовность индивида идти до конца во имя группы и то, что группа будет бороться за своего члена до конца. Однако это не означает, что слияние позволяет предсказывать пожертвование группой ради себя, поскольку персональная идентичность все же не оказывается в приоритете по сравнению с групповыми интересами²⁶¹.

Стратегии преодоления единения с группой (или другими объектами слияния), сформулированные в рамках этой теории, будут рассматриваться в Главе 5 в рамках обсуждения стратегий дерадикализации. Графическая мето-

²⁵⁸ Swann W., Klein J.W., Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // Advances in Experimental Social Psychology. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Gómez A., Vázquez A., Atran S. Transcultural pathways to the will to fight. //Proceedings of the National Academy of Sciences. 2023. Vol.120. DOI:10.1073/pnas.2303614120

²⁶¹ Swann W., Klein J.W., Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // Advances in Experimental Social Psychology. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

дика, разработанная для измерения слияния идентичности, представлена в Приложении 1.

Теория неопределенности-идентичности М. Хогга является развитием идей подхода социальной идентичности. Как следствие, она унаследовала ключевые преимущества этого подхода (сформулированные в рамках теории социальной идентичности и теории самокатегоризации)²⁶².

В единственном на настоящий момент двухтомном издании, посвященном обсуждению теорий социальной психологии, вышедшем в 2012 году под редакцией П. ван Ланге, А. Круглянски и Т. Хиггинса, теория неопределенности-идентичности классифицирована как мотивационная теория, принадлежащая к иному уровню объяснения, чем теория социальной идентичности и теория самокатегоризации (групповой уровень анализа). В то же самое время, теория М. Хогга является собой продолжение и развитие теории социальной идентичности, с точки зрения мотивационного аспекта²⁶³. Напомним, что изначально в теории Г. Тэшфела постулируется существование ключевого мотива — поиска позитивной социальной идентичности²⁶⁴. Последующее развитие теории однако позволило говорить о ряде мотивов²⁶⁵, в частности, Г. Брейквелл предлагает говорить о мотиве присоединения к группе, что позволит человеку быть более эффективным; а также о мотиве поддержания или установления связи с прошлым. К. До с коллегами предлагают мотив самопонимания.

Ключевые аргументы в пользу преимущества этой модели таковы: 1) релевантность историческим фактам: неопределенность в обществе сопровождается религиозным фанатизмом и предпочтением в пользу экстремистских и радикальных идей²⁶⁶. И это справедливо как для XX, так и для XXI веков; 2) тео-

---

²⁶² Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.

²⁶³ Brown R. The social identity approach: appraising the Tajfelli legacy //The British journal of social psychology. 2020.Vol.59. P.5–25. DOI:10.1111/bjso.12349; Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.

²⁶⁴ Ellemers N., Haslam S.A. Social identity theory. In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. London: Sage. 2012. P. 379–398 DOI:10.4135/9781446249222.n45

²⁶⁵ Brown R. The social identity approach: appraising the Tajfelli legacy //The British journal of social psychology. 2020.Vol.59. P.5–25. DOI:10.1111/bjso.12349.

²⁶⁶ Hogg M., Kruglanski A., K. Van den Bos. Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. № 3. P. 407-418.

рия неопределенности — идентичности опирается на идеи подхода социальной идентичности²⁶⁷. Как следствие — эта теория не только унаследовала все преимущества подхода социальной идентичности, но и подвергалась многочисленным экспериментальным проверкам.

В повседневной жизни человека все время окружает неопределенность, она связана с самыми разнообразными явлениями и событиями: безработица, экономические кризисы, войны, теракты, эпидемии, экологическая катастрофа, стихийные бедствия. Современный глобализированный мир становится непредсказуемым, непонятным, пугающим. Неопределенность в современном мире сопряжена с рядом социальных изменений будь то глобализация, миграция, технический прогресс, информационная революция и пр. Все это делает жизнь в XXI веке еще более неопределенной и непредсказуемой. В качестве источников неопределенности, на которые предлагает указывать М. Хогг: новый культурный контекст; взаимодействие с незнакомцем; несогласие с членами группы; угроза извне — от членов аутгруппы²⁶⁸. Прежде, чем проанализировать логику модели неопределенности-идентичности М. Хогга, представляется важным сказать несколько слов о специфике общения в современном мире, которая, сопряжена с неопределенностью.

Итак, процесс общения в современном мире трансформировался в такой степени, что его преемственная часть связана с использованием информационно-коммуникативных технологий, как отмечает А. Кенде: «Социальные медиа (и сопутствующие технологии) представляют собой, вероятно, самый большой переворот в том, как люди общаются и взаимодействуют друг с другом со времен Уильяма Джеймса»²⁶⁹. Общая тенденция выглядит следующим образом: количество пользователей Интернета и социальных сетей возрастает по экспоненте, наиболее активной группой населения оказываются представители подростково-молодежной среды. Возраст дебюта использования Интернета снижается, равным счетом как и возраст, в котором пользователи самостоятельно используют Интернет, а также определяют потребляемый кон-

---

²⁶⁷ Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell. 2012. P. 19–35.

²⁶⁸ Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.) // *Advances in Group Processes*. Bingley: Emerald Publishing Limited. 2019. P. 61–77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006

²⁶⁹ Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media // *European Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 45. DOI:10.1002/ejsp.2097, p. 277.

тент²⁷⁰, который не всегда является безопасным. На основе сравнения результатов двух масштабных исследований, проведенных в ряде стран Европы (в том числе и в России) с промежутком в десятилетие²⁷¹, представляется возможным говорить о том, что за это десятилетие значительно выросло число пользователей смартфонов. Время, которое они проводят в сети Интернет, увеличилось, а в ряде стран удвоилось²⁷². Нет сомнений в том, что новые технологии превратились в своего рода культурное средство социализации; в литературе даже предлагается говорить о цифровой социализации, о цифровом поколении²⁷³. Не подлежит сомнению тот факт, что реальность современных детей и подростков, несравнима с той, в которой социализировались их родители. Действительно, в ситуации доминирования визуальной риторики, ибо мы живем в эпоху визуальной культуры²⁷⁴, на смену власти текстов (которая была легитимной для поколения родителей) пришла власть изображений (на уровне подростково-молодежной среды)²⁷⁵.

Обратим внимание на тот важный момент, что в подростковом возрасте общение со сверстниками является собой ведущую деятельность этого периода²⁷⁶. Именно отношения со сверстниками, ценности этой группы играют важную роль в развитии подростка. Подросток стремится к тому, чтобы занять

---

²⁷⁰ Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ölfasson K. With members of the EU kids online network. EU kids online. London. Final report. September. 2011. 54 p.; Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ölfasson K., Livingstone S., Hasebrink U. EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. EU Kids Online. 2020. DOI:10.21953/lse.47fdeqj01ofo

²⁷¹ Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ölfasson K. With members of the EU kids online network. EU kids online. London. Final report. September. 2011. 54 p.; Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ölfasson K., Livingstone S., Hasebrink U. EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. EU Kids Online. 2020. DOI:10.21953/lse.47fdeqj01ofo

²⁷² Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ölfasson K., Livingstone S., Hasebrink U. EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. EU Kids Online. 2020. DOI:10.21953/lse.47fdeqj01ofo

²⁷³ Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ölfasson K. With members of the EU kids online network. EU kids online. London. Final report. September. 2011. 54 p.

²⁷⁴ Rose G. On the relation between 'visual research methods' and contemporary visual culture // Sociological Review. 2014. Vol. 62. P. 24—46.

²⁷⁵ Kalmus V. Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In D. Macedo, S.R. Steinberg (eds.). Media Literacy: A Reader. New York: Peter Lang. 2007. P. 157—165.

²⁷⁶ Прихожан А.М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М.:АНО. ПЭБ. 2007.56 с.

центральное положение в этой группе, отсюда — приверженность ценностям, взглядам этой группы²⁷⁷.

Интернет — это инструмент для повышения дискомфорта от неопределенности. Остановимся на этом тезисе подробнее: едва ли могут быть сомнения в том, что новые технологии открывают перед индивидом богатые возможности общения. Сам процесс виртуального общения выглядит как более простой, чем в реальной ситуации; у сторон имеется возможность сохранять анонимность (со всеми вытекающими психологическими последствиями и особенностями взаимодействия, обусловленными этой анонимностью), модифицировать или сконструировать идентичность, прервать или прекратить общение в любой момент²⁷⁸. Однако такая форма отношений не сможет заменить ту единственную роскошь, которой располагает человек — общение (которое происходит в реальном, а не в виртуальном мире), не сможет удовлетворить те потребности, которые удовлетворяются в непосредственном межличностном общении.

Если продолжать эту линию аргументации, то можно сделать заключение, сходное с тем, что делают А.Ш. Тхостов с коллегами, относительно современного мира и стратегий поведения в нем²⁷⁹. Действительно, мир становится непредсказуемым, непонятным, пугающим, и в этой связи тот факт, что люди примыкают к экстремистским группировкам, представляется возможным рассматривать как способ обретения идентичности в этом мире, где прежние основания для категоризации не срабатывают. Как утверждают А.Ш. Тхостов и К.Г. Сурнов, массовая культура разрушает устойчивые основания для идентификации,

---

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Технология и идентичность: трансформация процессов идентификации под влиянием технического прогресса// Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9. С. 33; Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 15—24; Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Соблазны и ловушки темпоральной идентичности// Вопросы философии. 2016. № 8. С. 115—125.

²⁷⁹ Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Технология и идентичность: трансформация процессов идентификации под влиянием технического прогресса// Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9 (17). С. 33; Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 15—24; Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Соблазны и ловушки темпоральной идентичности// Вопросы философии. 2016. № 8. С. 115—125; Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 16—24.

порождая вакуум, который индивиду необходимо заполнить²⁸⁰. Новые технологии создают, скорее, иллюзию общения. Действительно современный мир характеризуется фрагментацией, традиционные основания для категоризации не срабатывают, что порождает очень неприятное чувство неопределенности, которое человек стремится избежать или хотя бы снизить (словами М. Хогга, индивид может только снизить неопределенность, поскольку достижение определенности едва ли возможно)²⁸¹. Подчеркнем особо этот важный тезис модели М. Хогга: не любая неопределенность мотивирует к действиям, а только та, которая затрагивает Я, значима для человека, на разрешение которой он тратит значительную когнитивную энергию²⁸². И еще — речь идет именно о переживании неопределенности, а не о когнициях о неопределенности.

Общую логику управления неопределенностью находим еще в трудах Дж. Дьюи: «В отсутствие фактической определенности посреди опасного мира люди культивируют всевозможные средства, которые дали бы им чувство определенности»²⁸³. Безусловно, конструкт неопределенности не является чем-то новым в психологии, он попадал в фокус внимания целого ряда ученых, среди которых: Э. Фромм, Л. Фестингер, Д. Канеман, А.Г. Асмолов, Д.А. Леонтьев, Т.А. Нестик и др.²⁸⁴. Однако трактовка неопределенности М. Хоггом отличается от того, как это делается другими авторами, на что будет обращено особое внимание ниже.

Справедливости ради заметим, что в ранних работах Г. Тэшфела, а позже в некоторых работах Дж. Тернера присутствует идея связи неопределенности и идентификации, однако свое развитие эта идея получила позже в работах М. Хогга²⁸⁵.

---

²⁸⁰ Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 16—24.

²⁸¹ Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.

²⁸² Там же.

²⁸³ цит. по: Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). Handbook of theories of social psychology. London: Sage.2012. DOI:10.4135/9781446249222. n29, p. 65.

²⁸⁴ *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* / Под общ. ред. А.Г. Асмолова. М.: Издательский Дом ЯСК. 2018. 546 с.; Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). Handbook of theories of social psychology. London: Sage.2012. P.62-80. DOI:10.4135/9781446249222.n29

²⁸⁵ Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.

То, что отличает теорию неопределенности-идентичности от других линий анализа неопределенности, заключается в следующем: 1) в фокусе внимания теории находятся социальная идентичность и коллективное Я; 2) неопределенность зависит от контекста, а не от личностных диспозиций; 3) неопределенность трансформируется в групповое поведение с помощью социокогнитивного процесса; 4) речь идет о мотивационном объяснении групповых явлений шире, чем только экстремизм, хотя в нашем случае интерес представляет именно экстремизм и радикализация²⁸⁶.

Итак, как следствие реакции на неопределенность у индивида возникает целый ряд вопросов, в частности: Кто он такой? Каково его место в этом мире? Что нужно думать, чувствовать? Как именно поступать в той или иной ситуации? Для того чтобы избежать неопределенности человек стремится к другим, которые помогут ему ответить на волнующие вопросы, понять, что думать, как чувствовать и действовать. В этой связи крайне важна роль коммуникации, которая позволяет получить нормативную информацию о прототипе ин- и аут-группы, т.е., коммуникация играет одну из ключевых ролей в формировании социальной идентичности²⁸⁷.

Хотя снизить неприятное чувство неопределенности возможно с помощью разных способов, но с точки зрения теории неопределенности — идентичности, действенным способом снижения чувства неопределенности является процесс самокатегоризации²⁸⁸. Социальная категоризация придает смысл миру и делает поведение предсказуемым²⁸⁹. И чем больше человек испытывает неопределенность, связанную с Я, тем больше он стремится к группам с высокой энтидативностью²⁹⁰. Опираясь на принципы гештальт-теории: сходство, близость, общая судьба, pregnантность, Д. Кэмпбелл предложил понятие **энтидативности** («степень обладания природой сущности, реального существования»²⁹¹), под-

---

²⁸⁶ Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). Handbook of theories of social psychology. London: Sage.2012. P.62-80. DOI:10.4135/9781446249222.n29

²⁸⁷ Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.) // Advances in Group Processes. Bingley:Emerald Publishing Limited. 2019. P. 61—77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.). Advances in Group Processes. Bingley:Emerald Publishing Limited. 2019. P. 61-77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006

²⁹⁰ Campbell D. Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities // Behavioral Science. 1958. Vol. 3. P. 14—25.

²⁹¹ Там же, p.17.

разумевая, что социальные группы могут варьировать в той степени, в которой они воспринимаются как «реальные сущности».

Суть этого группового свойства заключается в том, что оно делает группу, отличной от других, последовательной и четко структурированной единицей, имеющей четкие межгрупповые границы, члены этой единицы разделяют атрибуты и цели, обладают общей судьбой, их взаимодействие характеризуется взаимозависимостью²⁹². Группа с низкой энтидативностью или воспринимаемая как таковая, характеризуется наличием нечетких границ, противоречивыми критериями членства, низким уровнем сплоченности. В таких группах едва ли разделяются общие цели и имеет место согласие, относительно групповых атрибутов. В противоположность ей, группы с высокой энтидативностью (или воспринимаемые как таковые) характеризуются наличием четких границ, определенными критериями членства, высоким уровнем сплоченности, а также разделенностью общих целей и согласием, относительно групповых атрибутов. В ситуации неопределенности субъекты будут идентифицироваться со вторым типом групп и стремиться к дезидентификации с группами первого типа²⁹³. Кроме того, как отмечает М. Хогг, для снижения неопределенность индивиды могут использовать стратегию сепаратизма, когда внутри более широкой общности с низкой энтидативностью образуется подгруппа с высокой энтидативностью (или воспринимаемая как таковая). Все эти положения получили многократную экспериментальную поддержку²⁹⁴. Развивая эти идеи, Хогг отмечает, что высоко энтидативные группы, позволяющие снизить чувство неопределенности, могут быть в чрезвычайной сплоченными и эксклюзивными. Как следствие, новый член группы может переживать свое несоответствие групповым атрибутам, а это обернется усилением чувства неопределенности. Для того, чтобы продвинуться из периферической (маргинальной) позиции к центральной, чтобы соответствовать групповым атрибутам и получить доверие со стороны группы. В экспериментальных исследованиях уже было показано, что это может подтолкнуть субъекта к радикальным действиям для валидизации искомой социальной идентичности²⁹⁵. Сказанное здесь имеет очень серьезные последствия для понимания процесса радикализации и разработки модели оценки риска радикализации.

²⁹² Hogg M.A. Walls between groups: Self-uncertainty, social identity, and intergroup leadership // Journal of Social Issues. 2023. Vol. 79. P.825–840. DOI: 10.1111/josi.12584

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же.

Хотя Д. Кэмбелл только сформулировал понятие, не предприняв никаких эмпирических исследований, однако его идеи получили солидную эмпирическую проверку в последующих работах других авторов²⁹⁶. В частности, были предложены, как минимум, две различающиеся линии трактовки энтитативности²⁹⁷: в рамках так называемых эссенциалистских моделей, энтитативные группы характеризуются какой-либо общей сущностью, которая является фиксированной, неотъемлемой и неизменной. В рамках так называемых *агентивных* моделей считается, что набор людей становится группой (не являются, как подчеркивается в работе М. Бреуэр с коллегами²⁹⁸, а именно *становится*) в силу общих целей и задач, которые объединяют людей в группу (в противоположность эссенциалистским моделям, цели и мотивы — изменчивы и подвижны, не являются фиксированными).

Если вернуться к модели слияния идентичности В. Сванна и А. Гомеса²⁹⁹, то очевидна аллюзия между идеей высоко энтитативных групп и отличительными особенностями объекта слияния, которым в модифицированной версии теории идентичности приписывается: ясность, последовательность, согласованность.

В исследованиях Б. Ликеля с коллегами были выделены пять типов групп (речь идет о наивной типологии групп)³⁰⁰: 1) *группа близких людей*: семья, друзья, романтические партнеры³⁰¹; 2) *группа, объединенная общими задачами*

---

²⁹⁶ Blanchard A.L., Caudill L.E., Walker L.S. Developing an entitativity measure and distinguishing it from antecedents and outcomes within online and face-to-face groups //Group Processes & Intergroup Relations. 2020. Vol.23. P. 91–108. DOI:10.1177/1368430217743577; Lickel B., Hamilton D.L., Sherman S.J. Elements of a lay theory of groups: Types of groups, relational styles, and the perception of group entitativity// Personality & Social Psychology Review. 2001. P. 129–140; Lickel B., Hamilton D.L., Wieczorkowska G., Lewis A., Sherman S.J., Uhles A.N. Varieties of groups and the perception of group entitativity// Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol.78. P. 223–246.

²⁹⁷ Blanchard A.L., Caudill L.E., Walker L.S. Developing an entitativity measure and distinguishing it from antecedents and outcomes within online and face-to-face groups. //Group Processes & Intergroup Relations. 2020. Vol.23. P. 91–108. DOI:10.1177/1368430217743577.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Swann W., Klein J.W.,Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // Advances in Experimental Social Psychology. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

³⁰⁰ Lickel B., Hamilton D.L., Wieczorkowska G., Lewis A., Sherman S.J., Uhles A.N. Varieties of groups and the perception of group entitativity// Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol.78. P.223–246.

³⁰¹ Позволим себе сделать важный комментарий, относительно романтических пар, которые являются диадой, но не являются малой группой. Во-первых, процессы общения в диаде и в малой группе различны, в частности, в диаде имеет место скорее эмоциональный контакт.

(своего рода рабочая группа): производственный коллектив, коллегия; 3) *социальные категории*: женщины или мужчины, представители этнических групп; 4) *объединения со слабыми социальными отношениями*: любители классической музыки; 5) *временные образования*: люди на автобусной остановке, люди в очереди в магазине. В каждом случае энтиативность, понимаемая в современных работах, как «степень, в которой группа воспринимается как целостная единица, где члены группы связаны друг с другом определенным образом»³⁰², варьирует. Эмпирические факты, полученные Б. Ликелем³⁰³, позволяют говорить о том, что эти группы варьируют и по ряду других параметров: взаимодействие, важность, цели, результаты, сходство, продолжительность существования, проницаемость границ, размер. Так, группы близких людей воспринимаются как высоко энтиативные группы, с высоким показателем по взаимодействию, важности, целям, результатам, сходству, продолжительности существования. Хотя рабочие группы и отличаются по выраженности всех этих параметров, но имеют сходную конфигурацию. Наряду с этим — проницаемость границ в группах близких людей- мала, а в рабочих коллективах — воспринимается как более высокая³⁰⁴.

Во-вторых, аффективные реакции, которые люди испытывают в группе и в диаде, тоже различаются. Так, диадическому взаимодействию соответствуют реакции большей силы. Более того, едва ли можно говорить о переживаниях любви или ревности в малой группе. В-третьи, функционирование диады и её структура значительно проще, по сравнению с функционированием и структурой малой группы, как следствие, ряд процессов, характерных для малой группы, просто не происходит при диадическом взаимодействии: влияние большинства или меньшинства, формирование коалиций, процесс социализации, остроклизм. Диады быстро формируются и быстро распадаются по сравнению с малыми группами. Исследования переговорного процесса, явления аттракции, конфликтов имеют свою специфику в случае диады или малой группы. На это очень четко указывается в литературе, посвященной малой группе (см. Levine J., Moreland R. Small group research In A.W. Kruglanski, W. Stroebe (eds.). Handbook of the history of social psychology. New York: Psychology Press. 2012. P. 382–405; Андреева Г.М. Социальная психология. М.:Аспект пресс. 2002. 364 с.; Бовина И.Б. Малая социальная группа // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/malaia-sotsial-naia-gruppa-a41ce2/?v=7628511>. Дата публикации:19.06.2023 (Дата обращения:31.03.2025).

³⁰² Lickel B., Hamilton D.L., Wieczorkowska G., Lewis A., Sherman S.J., Uhles A.N. Varieties of groups and the perception of group entitativity// Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol.78, p.130.

³⁰³ Lickel B., Hamilton D.L., Wieczorkowska G., Lewis A., Sherman S.J., Uhles A.N. Varieties of groups and the perception of group entitativity// Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol.78. P.223–246.

³⁰⁴ Там же.

Важно отметить, что в наивной типологии групп объединены варианты малых групп (группы близких людей, рабочие группы) и больших групп (социальные категории, объединения со слабыми социальными отношениями и временные образования)³⁰⁵.

В модели М. Хогга обращается внимание на такие особенности высоко энтигативных групп, как: наличие четких границ, внутренней однородности, иерархичность групповой структуры и общность судьбы. Эти группы обладают специфическим прототипом: ясным, предписывающим, согласованным (т. е. исключается инакомыслие, это оно порождает сомнения и неопределенность, поднимает вопрос о валидности групповых норм)³⁰⁶.

Другими словами, переживая неопределенность (М. Хогг настаивает на том, что речь идет не о когнитивной составляющей, а именно о переживаниях неопределенности³⁰⁷), люди становятся уязвимыми к разделению радикальных идей и членству в соответствующих группировках, поскольку таким образом они получают простые и однозначные ответы на беспокоящие их вопросы. Снижение неопределенности достигается за счет принадлежности к группе, именно она становится основой для самоопределения. Индивиды обретают искомую социальную идентичность, получают нормы и правила поведения, направление мыслей и чувств. В экстремальных ситуациях привлекательнее становятся группы, в которых отдается предпочтение снижению неопределенности, затрагивающей Я, вместе с ортодоксальными, экстремистскими взглядами, имеющие жесткую идеологическую систему убеждений, авторитарное лидерство³⁰⁸. Как уже отмечалось, переживая неопределенность, люди отдаляются от групп с умеренными взглядами³⁰⁹. Важно подчеркнуть, что эта такого рода трансформация объясняется именно контекстом, а не личностными диспозициями. В ситуации неопределенности люди испытывают острую потребность в том, чтобы им указывали направление действий, в результате предпочтение отдается авторитар-

³⁰⁵ Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект пресс. 2002. 364 с.

³⁰⁶ Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.) // Advances in Group Processes. Bingley:Emerald Publishing Limited. 2019. P. 61—77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006

³⁰⁷ Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.

³⁰⁸ Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). Extremism and psychology of uncertainty. Oxford: Wiley-Blackwell. 2012. P.19-35.

³⁰⁹ Goldman L., Hogg M.A. Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance // Journal of Applied Social Psychology. 2016. Vol. 46. P. 544—553. DOI:10.1111/jasp.12382

ному лидеру, тогда как вне ситуации неопределенности такой стиль лидерства не получает поддержки³¹⁰. В острой или продолжительной ситуации неопределенности человек делает дальнейший шаг — он стремится присоединиться к группам с экстремистскими, радикальными убеждениями, к тоталитарным группам. Общностям такого типа присущи следующие особенности: это закрытые группы с охраняемыми границами, с иерархической структурой; члены таких групп разделяют одни и те же установки и ценности, инакомыслие исключается (ибо наличие отличающихся точек зрения расшатывает межгрупповое отличие)³¹¹. Как подчеркивает М. Хогг, атрибуты таких групп напоминают нарциссизм группового уровня³¹². В таких общностях ценностное сходство — это определяющий признак группы. Ценности и установки переплетены с идеологическими системами, являя собой прочную основу для объяснения и ответа на вопросы, таким образом, эти особенности эффективны для снижения неопределенности, ибо, присоединяясь к группе, человек получает всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность и чувство Я³¹³. Группы с экстремистскими и радикальными взглядами задают своим членам четкий стандарт того, что является правильным, а что таковым не является. Как следствие, члены группы получают однозначную основу для оценки представителей аутгруппы, дегуманизируют их, что, в результате, оправдывает любые действия в отношении этих людей³¹⁴.

Отсюда представляется возможным понять, по какому механизму эти люди становятся членами группировок с экстремистскими взглядами, разделяют радикальные идеи: переживание неопределенности оборачивается идентификацией с группами, при этом не с любыми, а только с теми, которые имеют крайние позиции. Такова цена обретения определенности. Чем выше идентификация с такими группами у индивида, тем больше вероятность, что он будет вовлекаться в радикальные действия во имя этой группы, ибо социальная идентич-

³¹⁰ Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.) // Advances in Group Processes. Bingley:Emerald Publishing Limited. 2019. P. 61—77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006

³¹¹ Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.

³¹² Там же.

³¹³ Goldman L., Hogg M.A. Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance // Journal of Applied Social Psychology. 2016. Vol. 46. P. 544—553. DOI:10.1111/jasp.12382

³¹⁴ Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). Extremism and psychology of uncertainty. Oxford: Wiley-Blackwell. 2012. P.19-35.

ность, особенно если она единственная, эксклюзивная, ригидная, способствует мобилизации. Этот момент достаточно интересен, потому что он позволяет проводить водораздел между участниками и сочувствующими, которые, даже имея крайне позитивные установки, никогда не перейдут к конкретным действиям. Именно идентичность, а не социальная установка является тем самым механизмом, который подталкивает человека к действию³¹⁵.

Если вернуться к особенностям современного терроризма, о которых говорилось выше, то представляется возможным объяснить процесс радикализации в местах заключения с позиций теории неопределенности-идентичности. Осужденные, не имеющие криминального прошлого, оказавшиеся в местах лишения свободы в первый раз, испытывают так называемый *пенитенциарный стресс*, который можно обозначить как субъективная реакция человека, представляющая собой комплекс его психологических переживаний на стрессоры в виде факторов пенитенциарной среды, вызванных социальной изоляцией (ограничением свободы)³¹⁶.

Оказавшись в новой и незнакомой среде, которая затрудняет привычные способы сохранения и поддержания чувства общности и принадлежности, осужденный, к тому же остро переживает неопределенность, касающуюся как себя самого в этом мире, а также относительно собственного будущего³¹⁷. Очевидно, что не имея криминальной идентичности, осужденный оказывается уязвимым к воздействию радикальных и экстремистских идей. При этом, как отмечает М. Хогг, продолжительная ситуация неопределенности только усиливает поиск и стремление присоединиться к группе с ясными, простыми, предписывающими прототипами³¹⁸. Группа осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность, может восприниматься как гомогенная, имеющая иерархическую структуру, разделяющая общую судьбу и цели, зачастую — с высокой прототи-

---

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Мельникова Д.В., Дебольский М.Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 2. С. 105–116. DOI: 10.17759/psylaw.2015100208

³¹⁷ Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty // Revista de Psicología Social. 2015. Vol. 30. P. 586—613 DOI:10.1080/02134748.2015.1065090

³¹⁸ Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty // Revista de Psicología Social. 2015. Vol. 30. P. 586—613 DOI:10.1080/02134748.2015.1065090; Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.

лическим лидером, словом, обладающей всем тем, что эффективно снижает неопределенность. Иначе говоря: в ситуации неопределенности присоединение к группам с экстремистскими и радикальными убеждениями позволяет снизить неопределенность, путем обретения всеохватывающей, ригидной, эксклюзивной, предписывающей в крайней степени социальной идентичности и чувство Я³¹⁹. Как следствие, преодолевается пенитенциарный стресс³²⁰.

Другая особенность современного терроризма связывается с радикализацией женщин. В рамках теории неопределенности-идентичности имеются экспериментальные исследования, демонстрирующие, что механизм радикализации женщин — тот же самый, что и у мужчин. Обратимся к этим исследованиям. В лабораторном эксперименте, реализованном на выборке австралийских студентов (87 девушек и 81 юношей), проверялась гипотеза о том, что в ситуации умеренной неопределенности индивид отдает предпочтение группе с умеренными взглядами и стратегией поведения, эта идентификация исчезает, ибо в ситуации высокой неопределенности она заменяется новой — идентификацией с группой с радикальными убеждениями и действиями³²¹. Вопрос, порождающий неопределенность, касался оплаты обучения — значимой темы для студентов. Группа с умеренными убеждениями и стратегией характеризовалась так: демократический стиль лидерства, свободная структура и гетерогенность группового членства, низкие барьеры для присоединения к группе, разная степень приверженности группе, различающиеся точки зрения. Действия, которые предполагались для борьбы — распространение информационных брошюр, обсуждение и обращение в газету. Радикальная группа характеризовалась ригидностью и иерархичностью структуры, сильным лидерством, гомогенностью точек зрения, высокой приверженностью группе, недопустимостью идентификации. Эта группа ратовала за действия, а не за слова; среди акций — крайние меры в виде блокировки университета. Как и следовало ожидать в соответствии с логикой модели М. Хогга, результаты исследования показали, что ситуация

---

³¹⁹ Hogg M.A. Walls between groups: Self-uncertainty, social identity, and intergroup leadership // Journal of Social Issues. 2023. Vol. 79. P. 825–840. DOI:10.1111/josi.12584

³²⁰ Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б. Радикализация в местах заключения: подход социальной идентичности // Пенитенциарная наука. 2020. №3. С.415-424. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-415-424

³²¹ Hogg M.A., Meehan C., Farquharson J. The solace of radicalism: Self-uncertainty and group identification in the face of threat // Journal of Experimental Social Psychology. 2010. Vol. 46. P. 1061—1066. DOI:10.1016/j.jesp.2010.05.005

неопределенности ведет к идентификации с группой. В ситуации сильной неопределенности предпочтение отдается группам с радикальными взглядами и готовностью к радикальным действиям. Самое примечательное, что разница между мужчинами и женщинами — отсутствовала³²².

В другом исследовании³²³, реализованном на примере женских и мужских групп (выборку составили 92 мужчины и 126 женщин в возрасте от 18 до 67 лет; эти группы были выбраны в силу того, что по своим характеристикам они соответствовали тому, что Д. Кэмпбелл назвал высокой энтинативностью³²⁴, с этими группами испытуемые идентифицировались в высокой степени ($M=6,35$ по шкале от 1 до 9)), апеллируя к идеи групповой прототипичности (члены группы могут быть определены как центральные и периферические), И. Голдман и М. Хогг предположили, что периферические члены группы, которые верят в то, что совершение определенного поведения позволит им быть принятыми группой, с большей вероятностью будут готовы к действиям экстремистского и антисоциального характера от имени группы. Кроме того, полагалось, что этот эффект будет выражен сильнее в группах мужчин, чем в группах женщин. Результаты исследования показали, что люди, которые сильно идентифицируются с группой, но чувствуют, что еще не приняты в нее как полноправные члены, и полагают, что некоторое поведение во имя группы позволит им быть полностью принятыми членами группы, с большей вероятностью будут вовлечены в радикальные действия в отношении членов аутгруппы, действуя от имени своей группы. Эти результаты показали отсутствие разницы между мужчинами и женщинами в готовности использовать агрессивные и антисоциальные действия по имени своей группы. Полученные факты приложимы для объяснения процесса радикализации, они демонстрируют, что механизмы вовлечения в террористическую деятельность не различаются в случае мужчин и женщин³²⁵. Речь в данном случае о том, как люди присоединяются к террористическим организациям, причем в фокусе внимания — люди, которые ощущают себя находящимися на перифе-

³²² Hogg M.A., Meehan C., Farquharson J. The solace of radicalism: Self-uncertainty and group identification in the face of threat // Journal of Experimental Social Psychology. 2010. Vol. 46. P. 1061—1066. DOI:10.1016/j.jesp.2010.05.005

³²³ Goldman L., Hogg M.A. Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance // Journal of Applied Social Psychology. 2016. Vol. 46. P. 544—553. DOI:10.1111/jasp.12382

³²⁴ Campbell D. Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities // Behavioral Science. 1958. Vol. 3. P. 14—25.

³²⁵ Goldman L., Hogg M.A. Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance // Journal of Applied Social Psychology. 2016. Vol. 46. P. 544—553. DOI:10.1111/jasp.12382

рии общества. Это путь почувствовать себя принятой группой, это обретение четкого и определенного чувства Я и идентичности³²⁶. Более того, респондентами были представители молодежной среды, можно ожидать сходную траекторию и в случае представителей подростковой среды. Выше мы говорили о специфике подросткового возраста, о роли социальной идентичности в этот возрастной период, о важности общения и принадлежности к группам сверстников³²⁷.

Самый главное положение модели неопределенности — идентичности М. Хогга звучит следующим образом: снижение неопределенности — таков основной мотив присоединение к группам с экстремистскими и радикальными взглядами. Экспериментальные факты были получены на представителях молодежной среды, продолжая эту логику, мы сделаем шаг в сторону подростков, выстроив систему аргументации, с опорой на критический анализ имеющейся литературы, а также принимая во внимание не только специфику подросткового периода, но и результаты тех исследований, которые были реализованы в рамках подхода социальной идентичности на представителях подростковой среды отечественными исследователями³²⁸.

Если обобщать суть теории неопределенности-идентичности, то представляется возможным говорить о том, что снижение неопределенности является собой трехступенчатый процесс: 1) человек испытывает неопределенность, переживая ее как некоторую угрозу, в отношении своего Я; 2) для того, чтобы управлять неопределенностью, человек ищет группу (а именно: групповой прототип); 3) в ситуации неопределенности привлекательными оказываются *не любые*, но только определенные группы: дающие индивиду ясный, однозначный, простой, четкий прототип. Как следствие: неопределенность снижается, ибо человек получает информацию о том, что думать, чувствовать и как поступать, а также чего именно ждать от окружающих, как выстраивать с ними взаимодействие³²⁹. Этот процесс отражает основное предположение теории неопределен-

---

³²⁶ Там же.

³²⁷ Прихожан А.М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М.:АНО, ПЭБ. 2007. 56 с.

³²⁸ Белинская Е.П. Идентичность личности в условиях социальных изменений. Дисс. на соиск. степ. докт. психол. наук. М. 2006. 479 с.; Иванова Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности. Автореф. диссерт на соиск степени докт. психол. наук. Ярославль. 2003.51 с.; Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности. Автореф. диссерт на соиск степени докт. психол. наук. М. 1999.46 с.

³²⁹ Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.). Advances in Group Processes. Bingley:Emerald Publishing Limited. 2019. P. 61—77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006

ности-идентичности, получившее многочисленную эмпирическую поддержку в экспериментальных исследованиях: в мета-аналитическом исследовании, реализованном на 35 исследованиях, опубликованных в 30 научных статьях ($N = 4,657$), было показано, что неопределенность в отношении Я усиливает групповую идентификацию³³⁰.

Как отмечает М. Хогг, теория неопределенности-идентичности может быть использована для объяснения таких групповых явлений, как: социальное влияние, нормы, девиантность, раскол группы, процессы лидерства, экстремизм и идеологическая ортодоксия³³¹.

Представленный выше анализ теории М. Хогга позволяет сделать вывод о том, что эта модель, благодаря солидной теоретической базе (теории социальной идентичности, проверенной в экспериментальных исследованиях, реализованных на респондентах различного возраста, представителях различных культур), может выступать основой для разработки модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Если обратиться к недавнему библиометрическому анализу³³², реализованному М. Блайей-Бурго для поиска ответов на три главных вопроса, связанных теорией социальной идентичности и процессом радикализации, а именно: 1) Какова актуальная интеллектуальная структура исследований в области теории социальной идентичности и радикализации?; 2) Как развивались исследования в области теории социальной идентичности и радикализации во времени?; 3) Каковы новые тенденции в исследованиях теории социальной идентичности и радикализации?; то представляется возможным говорить о девяти ключевых кластерах, объединяющих 247 работ, выделенных для анализа из 2990 текстов.

Выделенные кластеры таковы:

- 1) социальная психология и психосоциальные причины радикализации (40 статей, 16,19%);
- 2) меньшинство, культура и идентичность (35 статей, 14,17%);

---

³³⁰ Choi E.U., Hogg M.A. Self-uncertainty and group identification: A meta-analysis // Group Processes and Intergroup Relations. 2019. P. 1—19. DOI:10.1177/1368430219846990

³³¹ Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). Handbook of theories of social psychology. London: Sage.2012. P.62-80. DOI:10.4135/9781446249222. n29

³³² Blaya-Burgo M. A bibliometric analysis of social identity theory in radicalization research. // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2024. DOI:10.1037/pac0000779

- 3) смыслы, религия, идентичность — как причины радикализации (34 статьи, 13,76%);
- 4) политический экстремизм (правого и левого толка) (29 статей, 11,74%);
- 5) терроризм (25 статей, 10,12%);
- 6) определение радикализации и социальные факторы (24 статьи, 9,71%);
- 7) мобилизация и иммиграция (22 статьи, 8,90%);
- 8) сети, группы, политическое насилие (21 статья; 8,50%);
- 9) фундаменталистская радикализация (17 статей, 6.88%).

Интересующая нас тема в данном учебном издании принадлежит к последнему, девятому, кластеру, и представлена работами, опубликованными с 2001 года. Направленность публикаций такова: причины и динамика радикализации в контексте фундаменталистского экстремизма; исследования рекрутования (так называемой *вербовки*) в ряды террористических организаций; мотивации боевиков, а также анализ пропаганды террористических организаций. В этот же кластер попадают работы, в которых указывается на необходимость различных подходов к определению фундаменталистской радикализации, а также выявлению так называемых «профайлей» террориста³³³ (несмотря на всю дискуссионность этого конструкта).

Предпринятый анализ совпадения ключевых слов по всей базе публикаций (N=2990) позволил выделить ряд смысловых групп: 1) психосоциальные причины насилия, а также более широкий взгляд на процесс радикализации, включая социальные движения; 2) радикализация в контексте борьбы с терроризмом (особенное внимание уделяется религиозному терроризму в виде фундаментализма); 3) содержание этой группы ключевых слов в меньшей степени гомогенно, объединяет ряд подгрупп (социальные движения, политика, специфические идентичности, коммуникативные процессы)³³⁴.

Как свидетельствует этот библиометрический анализ, со временем фокус внимания теории социальной идентичности сместился с изучения радикализации, ассоциированной с социальными движениями и коллективными акциями, в сторону изучения радикализации в контексте терроризма и мер борьбы с ним³³⁵.

---

³³³ Там же.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Там же.

На основе библиометрического анализа М. Блайя-Бурго подчеркивает необходимость дальнейшего изучения радикализации в рамках теории социальной идентичности, выделяя на основе ключевых слов за последние пять лет новые тенденции исследования, которые можно рассматривать как направления для последующего анализа: политическая радикализация; популизм; радикализация в молодежной среде; радикализация женщин; роль социальных сетей в радикализации³³⁶. Последние три линии оказываются в фокусе нашего рассмотрения в настоящем исследовании.

В завершении этой главы, подчеркнем, что, радикализация — это многоуровневый и сложный процесс, который может и не иметь единой схемы, которая объясняла бы то, как человек продвигается по пути легитимизации терроризма. Анализ имеющейся литературы по проблеме радикализации позволяет говорить о том, что пути радикализации обнаруживают определенное варьирование в зависимости от времени и контекста, более того, существует определенная специфика, обусловленная той или иной культурой, в которой разворачивается террористическая деятельность³³⁷. Поиск социального или психологического профиля террориста — это достаточно дискуссионный способ объяснения процесса радикализации, упрощенно трактующий этот сложный путь продвижения индивида в сторону террористической деятельности через призму одномерной объяснительной системы: усиливая социальный (низкий социально-экономический статус) или психологический (ментальное неблагополучие) фактор.

Тем не менее, представляется возможным говорить о некоторой константе, которая сохраняется, несмотря на контекст и время: процесс радикализации связан с вступлением индивида в группу, с формированием социальной идентичности, с разделением групповых норм, с регуляцией поведения убеждениями, связанными с этой группой³³⁸. Отсюда, необходимость создания инструмента для оценки риска радикализации и разработки профилактического воздействия с необходимостью требует выбора в пользу той схемы, которая обладала бы потенциалом для объяснения изучаемого процесса, опиралась бы на теоретическую схему, неоднократно проверенную экспериментальным образом.

---

³³⁶ Там же.

³³⁷ Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. № 3. P. 495—517

³³⁸ Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнест-Винтила А., Бовина И.Б. Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 32–40. DOI: 10.17759/chp.2017130305

2.3. Контрольные задания

1. Анализ диспозиционных факторов радикализации

Проанализируйте предложенные С.Н. Ениколоповым диспозиционные особенности террористов (комплекс неполноценности, низкая самоидентификация, самооправдание, эмоциональная незрелость). Какие психологические механизмы лежат в основе каждого из этих факторов? Приведите примеры из текста.

2. Мотивационные факторы вовлечения в террористическую деятельность

Опишите мотивационные факторы вовлечения в террористическую деятельность, выделенные А.Ш. Тхостовым с коллегами. Как террористические организации используют эти потребности (например, потребность в аффилиации, самореализации) для рекрутования новых членов? Сравните стратегии мотивационного воздействия в ИГИЛ* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ) и Аль-Каиде* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ).

3. Конверсионный профиль личности террористов

На основе исследования П.Н. Казберова и Б.Г. Бовина охарактеризуйте конверсионный профиль личности осужденных за террористическую деятельность. Какие защитные механизмы и поведенческие черты характерны для этого типа? Почему данный профиль не может считаться универсальным объяснением вовлечения в террористическую деятельность?

4. Критика диспозиционного подхода

Почему объяснение терроризма через личностные черты является ограниченным? Какие механизмы должны учитываться при анализе радикализации? Сопоставьте позиции авторов текста с экспериментальными данными (например, исследованиями подчинения авторитету С. Милграма).

5. Сравнительный анализ моделей радикализации

Сравните континуумные и поэтапные модели радикализации, описанные в тексте. Каковы их ключевые различия? Приведите примеры конкретных моделей (например, модель *Двух пирамид* К. Маккалея, модель *ступеней* Ф. Мохаддама).

Почему поэтапные модели считаются более приближенными к пониманию легитимизации терроризма?

6. Роль социальной идентичности в радикализации

Как подход социальной идентичности (Г. Тэшфел, Дж. Тернер) помогает объяснить процесс вовлечения в террористическую деятельность? Какие модели радикализации апеллируют к этому подходу?

7. Теория неопределенности-идентичности М. Хогга

Объясните основные положения теории неопределенности-идентичности. Как неопределенность влияет на процесс радикализации? Какие экспериментальные подтверждения этой теории приведены в тексте? Почему данная модель считается одной из наиболее обоснованных в изучении терроризма? Предпримите сравнительный анализ теории неопределенности-идентичности М. Хогга с теорией слияния идентичности В. Сванна, А. Гомеса.

8. Критика существующих объяснительных моделей

Какие ограничения имеют существующие модели радикализации? Как теория неопределенности-идентичности преодолевает эти ограничения?

Глава 3

МОДЕЛИ ОЦЕНКИ РИСКА РАДИКАЛИЗАЦИИ

3.1. Проблема оценки риска радикализации: возможности и ограничения существующих моделей

В широком смысле, «оценка риска может быть определена как попытка предсказать вероятность будущего, обычно — негативного события, путем рассмотрения факторов, которые, как считается, связаны с вероятностью события»³³⁹. Традиционно, оценка риска в психологии используется специалистами в области психического здоровья для принятия решения о риске совершения насилия тем или иным индивидом³⁴⁰ (см. Тематическую вставку 3). По сути, та же самая логика была заимствована для оценки риска в случае радикализации и перехода к актам терроризма.

Тематическая вставка 3:

Клинико-психологическая оценка риска общественной опасности

Оценка риска в клинической психологии и психиатрии может проводиться как в логике прогноза развития заболевания, так и в логике оценки общественной опасности, на последнем остановимся подробнее. Исследователи, ставящие перед собой выстроить соответствующий алгоритм формулируют факторы риска, которые могут помочь определить потенциальную общественную опасность.

Оценка риска насилия предполагает определение его характера, степени тяжести, повторяемости, неминуемости (угрозы), вероятности, возможности и вреда. Отдельно важно подчеркнуть, что любая оценка риска может быть осуществлена только с определенной долей вероятности для конкретного индивидуального случая³⁴¹.

³³⁹ Herrington V, Roberts K. Risk assessment in counterterrorism. In U. Kumar, M.K. Mandal (eds.). Countering terrorism: Psychosocial strategies. London: Sage. 2012, p. 283.

³⁴⁰ Herrington V, Roberts K. Risk assessment in counterterrorism In U. Kumar, M.K. Mandal (eds.). Countering terrorism: Psychosocial strategies. London: Sage. 2012. P. 282–305.

³⁴¹ Булыгина В.Г. Измерение рисков насилия в судебной психиатрии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2011. Том 3. № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n1/39935 (Дата обращения: 31.03.2025).

Кратко обобщим основные группы факторов риска:

- Личностные особенности.** В эту группу факторов в основном входят психологические особенности, которые в определенных условиях могут способствовать совершению общественно опасного деяния. Такими факторами, например, могут являться установки, убеждения, когнитивные искажения, поддерживающие или потворствующие совершению преступления. Также в данную группу факторов включаются индивидуально-психологические особенности, которые наиболее часто диагностируются при исследовании рецидива правонарушений (например, импульсивность³⁴², гнев, нарушение регуляции поведения, особенности копингов и др.)
- Психопатологические особенности.** Важно отдельно выделить факторы, касающиеся особенностей течения психического расстройства. В данную группу факторов также входит отношение к заболеванию (эгосинтонное, эгодистонное). Отдельное внимание важно уделить внутренней картине болезни, лечению или незавершенное лечение в анамнезе³⁴³.
- Социальные факторы.** Здесь, как отмечают А.А. Ткаченко, Г.Е. Введенский, Н.В. Дворянчиков, отдельное внимание уделяется проблемам психосоциального регулирования³⁴⁴.
- Криминологические факторы.** Здесь отдельно можно выделить предыдущий опыт правонарушений, ранее начало противоправного поведения.
- Социально-демографические факторы.** Примерами таких факторов могут быть молодой возраст, отсутствие брака среди статистических факторов риска при оценке риска сексуального рецидива³⁴⁵.
- Ситуативные факторы.** В эту группу факторов важно включать все условия, в которых находилась личность.
- Общие анамнестические данные.** Эта группа может пересекаться с вышеперечисленными, но включать в себя данные, которые сложно однозначно отнести к одной из перечисленных выше категорий.

³⁴² Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: БИНОМ. 2015. 648 с.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Там же.

Важно также отметить возможность использования разработанных структурированных инструментов оценки риска, примерами которых, как описывают С.А. Альфарес и В.Г. Булыгина, А.А. Макурин и Г.М. Токарева, могут быть V-RISK-10, HCR-20, SVR³⁴⁶. Точность прогноза при этом, как отмечает В.Г. Булыгина, безусловно повышается в случае, если оценка осуществляется при помощи утвержденной схемы, существует достаточная согласованность между экспертами, прогноз осуществляется для определенного типа поведения, насильтственные действия можно обнаружить, доступна вся относящаяся к делу объективно подтвержденная информация, учитываются соответствующие ограничения инструментов³⁴⁷. Оценка риска, безусловно, не сводится к сухому перечислению факторов, наличие любых из указанных выше контекстов не влечет за собой вывод о наличии риска, важен детальный качественный анализ содержания каждого из них и их сочетания. Важно также отдельно отметить динамический характер факторов риска, где ряд из них является относительно стабильными, а другие могут быстро меняться³⁴⁸. Таким образом, клинико-психологическая оценка общественной опасности сложный процесс, которые предполагает индивидуальный качественный анализ обозначенных групп факторов.

Оценка риска радикализации представляет собой часть широкой стратегии предупреждения терроризма на ранней стадии. Если акцентировать внимание на деятельности по профилактике терроризма и радикализации, то станет очевидным, что оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде обладает высокой ценностью и значимостью, с учетом того факта, что присоединение к террористическим группам и организациям (насколько позволяет свидетельствовать социально-демографические дан-

³⁴⁶ Альфарес С.А., Булыгина В.Г. Структурно-динамические процедуры оценки риска насилия с помощью hcr-20 и v-risk-10 // Российский психиатрический журнал. 2009. №6. URL: https://www.researchgate.net/publication/343323215_Strukturno-dinamicheskie_procedury_ocenki_riska_nasiliya_s_pomosu_HCR-20_i_V-RISK-10 (Дата обращения: 31.03.2025); Булыгина В.Г., Макурин А.А., Токарева Г.М. Оценка риска насилия в судебной психиатрии: история, методология, современное состояние и перспективы. Часть 2. // Психическое здоровье. 2015. № 6. С. 66–70.

³⁴⁷ Булыгина В.Г. Оценка риска насилия в судебной психиатрии: история, методология, современное состояние и перспективы. Часть 1. // Психическое здоровье. 2015. № 1. С. 51–56.

³⁴⁸ Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: БИНОМ. 2015. 648 с.

ные³⁴⁹) происходит скорее в молодом возрасте. Таким образом, появляется инструмент для ранней диагностики и профилактики радикализации.

С другой стороны — существует целый ряд серьезных препятствий для того, чтобы оценить или спрогнозировать риск радикализации. Одно препятствие касается проблемы построения прогноза в психологии в целом³⁵⁰. Здесь уместна метафора, предложенная С. Этраном, согласно которому: «Мы никогда не сможем точно предсказать, когда люди решают встать на путь насилия и когда это произойдет (точно так же мы не можем предсказать, какие пузырьки первыми поднимутся на поверхность и лопнут, когда закипает вода)»³⁵¹. Тем не менее, в логике идей этого исследователя, представляется возможным пронаблюдать и отследить ряд трансформаций на социальном уровне, которые с большой вероятностью будут сопровождаться сдвигами экстремистского и радикального толка: ослабление или разрушение государства или социальной структуры; отсутствие или разрушение важных моральных авторитетов, нестабильная конфликтная среда. С точки зрения С. Этрана³⁵², именно в таких условиях случаются террористические атаки.

Попытка предсказать то, как будет действовать тот или иной индивид, скорее всего базируется на постуатах теоретической модели или закономерности и требует особой аккуратности в применении, на что неоднократно указывается в литературе³⁵³. Отсюда вытекает другое препятствие — этического характера. Построение прогноза в нашем случае может означать, что индивид наделяется своего рода «ярлыком», относительно риска участия в терроризме, в то время,

---

³⁴⁹ Brugh C.S., Desmarais S.L., Simons-Rudolph J., Zottola S.A. Gender in the jihad: Characteristics and outcomes among women and men involved in jihadism-inspired terrorism // Journal of Threat Assessment and Management. 2019. Vol. 6. P. 76–92. DOI:10.1037/tam0000123

³⁵⁰ Юревич А.В. Методология и социология психологии. М.: Институт психологии РАН. 2010. 272 с.; Fowler J.C. Suicide risk assessment in clinical practice: pragmatic guidelines for imperfect assessments // Psychotherapy. 2012. Vol. 49. P. 81–90; Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // American Psychologist. 2017. Vol. 72. P. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121

³⁵¹ Этран С. Психология международного терроризма и радикальных политических конфликтов// Теории и практики радикализма и экстремизма: сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН. 2023. с.121.

³⁵² Этран С. Психология международного терроризма и радикальных политических конфликтов// Теории и практики радикализма и экстремизма: сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН. 2023. С.101-153.

³⁵³ Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // American Psychologist. 2017. Vol. 72. P. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121

как субъект не будет осуществлять действий террористического характера³⁵⁴. Тем не менее, логика построения модели оценки риска не является новой, обозначенные выше препятствия на пути построения прогноза должны быть, несомненно, приняты во внимание для поиска более надежного и тонкого инструмента оценки риска радикализации.

С опорой на анализ литературы предлагается различать три подхода к оценке риска: на одном полюсе располагается подход, при котором специалисты принимают решение об оценке риска, основываясь на своем профессиональном опыте и знаниях особенностей индивида под вопросом. К недостаткам этого подхода относят различного рода пристрастности и субъективность при принятии решения³⁵⁵. На другом полюсе находится подход, основанной на оценке риска с помощью ряда индикаторов, что позволяет вычислить интегральный показатель риска с помощью определенного алгоритма. К несомненным преимуществам этого подхода относится эксплицированность процедуры и объективность при принятии решения о риске³⁵⁶. В качестве недостатка этого подхода можно усмотреть ту теоретическую конструкцию, которая операционализируется в виде системы эмпирических индикаторов для измерения риска. Наконец, промежуточная позиция на континууме соответствует третьему подходу, который комбинирует эти два подхода, преодолевая, до определенного предела, недостатки каждого из них и используя — преимущества. Как подчеркивает К. Сарма, третий подход, оказывается более гибким и более адекватным в ситуации неопределенности (характеризующейся недостатком информации при принятии решения о риске)³⁵⁷.

Модели оценки риска нашли свое применение в пенитенциарной системе ряда стран³⁵⁸. При работе с осужденными использование инструмента для оценки риска радикализации позволяет принимать то или иное решение о реин-

---

³⁵⁴ Там же

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ Там же.

³⁵⁸ Knudsen R.A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2020. Vol. 12. P. 37–54. DOI :10.1080/19434472.2018.1509105; Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // American Psychologist. 2017. Vol. 72. P. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121

теграции осужденных³⁵⁹. Однако в меньшей степени разработанным оказывается система мониторинга, которая могла бы позволить выявить уязвимых к радикализации индивидов на ранней стадии в подростково-молодежной среде вне пенитенциарных институций³⁶⁰. Очевидно, что модели, используемые в пенитенциарной системе для оценки риска радикализации субъекта (см. Табл. 3.1.), не могут быть использованы вне рамок исправительных учреждений, несмотря на тот факт, что в некоторых моделях говорится об их применимости и для общей популяции³⁶¹.

Тем не менее, анализ существующего опыта, позволит понять логику построения моделей оценки риска в области радикализации. Другими словами, рассмотрение моделей оценки риска, использующихся для осужденных в местах лишения свободы³⁶², обладает определенной ценностью: во-первых, это возможность понять, что имеется в арсенале специалистов по безопасности, каковы механизмы этих инструментов оценки риска радикализации, пусть и в специфическом контексте (в местах лишения свободы). Во-вторых, некоторые из рассматриваемых моделей, предназначены для оценки риска в общей популяции (от 12 или 14 лет). Наконец, критический анализ имеющихся моделей, учет их ограничений, позволил бы приблизиться к более эффективному инструменту оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

---

³⁵⁹ Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // American Psychologist. 2017. Vol. 72. P. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Lloyd M. Extremist risk assessment: A directory. Actors and Narratives. Full report. 2019 [Электронный ресурс] // Centre for Research and Evidence on Security Threats (CREST). URL: <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/> (Дата обращения: 31.03.2025); Risk assessment in prison. European Commission. 2021 [Электронный ресурс] // Migration and Home Affairs. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/202104/ran_cons_overv_pap_risk_assessment_in_prison_20210210_en.pdf (Дата обращения: 31.03.2025); Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // American Psychologist. 2017. Vol. 72. P. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121

³⁶² Lloyd M. Extremist risk assessment: A directory. Actors and Narratives. Full report. 2019 [Электронный ресурс] // Centre for Research and Evidence on Security Threats (CREST). URL: <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/> (Дата обращения: 31.03.2025); Risk assessment in prison. European Commission. 2021 [Электронный ресурс] // Migration and Home Affairs. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/202104/ran_cons_overv_pap_risk_assessment_in_prison_20210210_en.pdf (Дата обращения: 31.03.2025); Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // American Psychologist. 2017. Vol. 72. P. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121

Итак, ряд моделей оценки риска радикализации, которые используются в различных странах мира, таковы: 1) VERA-2R (Оценка риска экстремизма, связанного с насилием); 2) ERG22+ (Руководство по риску экстремизма 22+); 3) RRAP (Оценка риска радикализации в тюрьмах); 4) IR46 (Модель исламистской радикализации); 5) RADAR-iTE (Оценка повышенного риска исламистского терроризма); 6) IVP (идентификация уязвимых людей); 7) MLG 2 (Многоуровневое руководство 2); 8) TRAP — 18 (Инструмент для оценки радикализации, связанной с терроризмом)³⁶³.

Таблица 3.1

Модели оценки риска радикализации*

Название модели	Предназначение модели	Целевая группа (тип экстремизма)
Оценка риска экстремизма, связанного с насилием — 2R (VERA-2R)*	Оценка вероятности экстремистского поведения, связанного с насилием, для установления последующего контроля.	Осужденные за терроризм и экстремистски настроенные лица (модель применима для молодежи и взрослых). Любой тип экстремизма (политический, религиозный или социальный).
Руководство по риску экстремизма 22+ (ERG22+)	Оценка вероятности экстремистского поведения, связанного с насилием, для установления последующего контроля.	Осужденные за терроризм. Любой тип экстремизма (политический, религиозный или социальный).
Оценка риска радикализации в тюрьмах (RRAP)	Оценка степени уязвимости и риска экстремизма, с последующими мерами воздействия.	Осужденные, склонные к экстремизму, связанному с насилием. Любой тип экстремизма (политический, религиозный или социальный).

³⁶³ Lloyd M. Extremist risk assessment: A directory. Actors and Narratives. Full report. 2019 [Электронный ресурс] // Centre for Research and Evidence on Security Threats (CREST). URL: <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/> (Дата обращения: 31.03.2025); Risk assessment in prison. European Commission. 2021 [Электронный ресурс] // Migration and Home Affairs. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/202104/ran_cons_overv_pap_risk_assessment_in_prison_20210210_en.pdf (Дата обращения: 31.03.2025).

Модель исламистской радикализации 46 (IR46)	Выявление признаков исламистского экстремизма и готовности к применению насилия.	Индивиды из общей популяции, демонстрирующие признаки экстремизма (в том числе — индивиды в возрасте от 12 лет). Только исламистский экстремизм.
Оценка повышенного риска исламистского терроризма (RADAR-iTE)	Выявление исламистов, готовых к совершению насильственных действий.	Индивиды с высоким уровнем риска (известные террористы и заключенные салафиты), срок заключения которых подходит к концу. Только исламистский экстремизм.
Идентификация уязвимых людей (IVP)	Выявление индивидов, уязвимых к рекрутированию для совершения экстремистских действий.	Индивиды, в отношении которых существуют опасения, касающиеся радикализации.
Многоуровневое руководство 2 (MLG2)	Выявление индивидов, готовых к совершению насильственных действий в составе группы, включая терроризм.	Индивиды из общей популяции (от 14 лет), члены каких-либо групп. Любой тип экстремизма.
Инструмент для оценки радикализации, связанной с терроризмом (TRAP-18)	Выявление индивидов, готовых к совершению идеологически мотивированного и намеренного акта насилия в отношении человека или группы лиц.	Индивиды, готовые к участию в идеологически мотивированном насилии (выявленные сотрудниками правоохранительных органов). Преимущественно ориентирован на террористов-одиночек, однако, применим и для террористической деятельности, совершаемой в группе.

* В скобках приводится сокращенное название модели на английском.

**Таблица основывается на анализе отчета «Оценка риска в тюрьме»³⁶⁴.

³⁶⁴ Lloyd M. Extremist risk assessment: A directory. Actors and Narratives. Full report. 2019 [Электронный ресурс] // Centre for Research and Evidence on Security Threats (CREST). URL: <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/> (Дата обращения: 31.03.2025); Risk assessment in prison. European Commission. 2021 // Migration and Home Affairs. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/202104/ran_cons_overv_pap_risk_assessment_in_prison_20210210_en.pdf (Дата обращения: 31.03.2025).

Представляется возможным говорить о том, что модели, представленные в Табл. 3.1, апеллируют к разным объяснительным конструктам: так, например, модель оценки риска экстремизма опирается на идеологию, в руководстве по риску экстремизма — таким конструктом оказывается идентичность, в модели оценки повышенного риска исламистского терроризма акцент делается на социальном окружении индивида³⁶⁵. Модель исламистской радикализации изначально опиралась на идеи модели Ф. Мохаддама³⁶⁶, однако рассогласование эмпирических фактов и теоретической рамки привели к отказу от логики шести этапов (ступеней), ведущих к совершению террористического акта. Модель оценки риска радикализации (оценка риска экстремизма, связанного с насилием) заимствует идеи М. Сейджмана, наряду с идеями А. Бандуры и А. Круглянски³⁶⁷. В случае руководства по риску экстремизма теоретическая база объединяет идеи, принадлежащие к различным концептуальным схемам, в частности: теория причинного действия А. Айзена и М. Фишбейна и теория авторитарной личности Т. Адорно³⁶⁸, теория социальной идентичности Г. Тэшфела³⁶⁹.

Модели разнятся в количестве факторов риска, на основе которых выносится суждение о риске радикализации. В случае двух моделей (руководство по риску экстремизма, модель исламистской радикализации) допускается, что профессионал, принимающий решение о риске радикализации индивида, опирается на дополнительные факторы риска³⁷⁰. Факторы защиты варьируют в этих

³⁶⁵ *Risk assessment in prison*. European Commission. 2021 // Migration and Home Affairs. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/202104/ran_cons_overv_pap_risk_assessment_in_prison_20210210_en.pdf (Дата обращения: 31.03.2025)

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ *Lloyd M. Extremist risk assessment: A directory. Actors and Narratives. Full report*. 2019 [Электронный ресурс] // Centre for Research and Evidence on Security Threats (CREST). URL: <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/> (Дата обращения: 31.03.2025); *Risk assessment in prison*. European Commission. 2021 // Migration and Home Affairs. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/202104/ran_cons_overv_pap_risk_assessment_in_prison_20210210_en.pdf (Дата обращения: 31.03.2025).

³⁶⁸ *Lloyd M. Extremist risk assessment: A directory. Actors and Narratives. Full report*. 2019 [Электронный ресурс] // Centre for Research and Evidence on Security Threats (CREST). URL: <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/> (Дата обращения: 31.03.2025).

³⁶⁹ *Tajfel H. La catégorisation sociale*. In S. Moscovici (ed.). *Introduction à la psychologie sociale*. Paris: Larousse. 1972. P. 272–302; *Tajfel H. Social psychology of intergroup relations* // *Annual Review of Psychology*. 1982. Vol. 33. P. 1–39. DOI:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245

³⁷⁰ *Risk assessment in prison*. European Commission. 2021 [Электронный ресурс] // Migration and Home Affairs. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/202104/ran_cons_overv_pap_risk_assessment_in_prison_20210210_en.pdf (Дата обращения: 31.03.2025).

моделях — от небольшого количества фиксированных переменных (например, в случае модели оценки риска экстремизма) до неограниченного количества (например, в случае модели фундаменталистской радикализации). Все эти инструменты оценки риска радикализации предназначены для профессионального использования и требуют специального обучения для принятия решений о риске радикализации³⁷¹.

Некоторые модели, например, модель исламистской радикализации; модель идентификации уязвимых людей; многоуровневое руководство 2, — справедливы для оценки риска в общей популяции.

Дискуссионность использования этих моделей оценки риска обусловлена рядом особенностей: даже если оставить в стороне вопросы этического толка (хотя в моделях и упоминается соответствие этическим кодексам психологических ассоциаций тех или иных стран³⁷²), открытыми остаются вопросы, относительно того, на какие механизмы радикализации опираются эти модели. Исходят ли они из концепций, получивших проверку в экспериментальных исследованиях? В лучшем случае эти модели оценки опираются на комбинацию идеи, принадлежащих ряду теоретических моделей³⁷³. В худшем — исходят из наблюдений. Как было отмечено выше, некоторые модели комбинируют идеи различных теорий. Проблема, которую мы усматриваем в такой стратегии, заключается в том, что в отдельности эти теории имеют эмпирическую и даже экспериментальную проверку, но их фрагментарное использование требует соответствующего осмыслиения и артикуляции на теоретико-методологическом уровне, поскольку сами теории принадлежат к различным уровням психологического объяснения³⁷⁴, не говоря о последующей экспериментальной проверке, поскольку логика оценки риска, как было отмечено выше, связана с попыткой предсказать вероятность того или иного события в будущем, с опорой на знание о факторах, которые, связаны с вероятностью наступления этого события³⁷⁵.

Кроме всего прочего, открытым остается вопрос о том, какова точность принимаемого решения, не возникают ли эффекты и феномены социальной

---

³⁷¹ Там же.

³⁷² Там же.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Doise W., Valentim J.P. Levels of analysis in social psychology. In J.D. Wright (ed.). International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Oxford: Elsevier. 2015. P. 899–903.

³⁷⁵ Herrington V., Roberts K. Risk assessment in counterterrorism. In U. Kumar, M.K. Mandal (eds.). Counteracting terrorism: Psychosocial strategies. London: Sage. 2012. P. 282–305.

перцепции, исказжающие восприятие на межличностном уровне, затрудняющие точность оценок, не допускается ли фундаментальная ошибка атрибуции.

Наряду с рассмотренными выше моделями оценки риска, представляется возможным говорить о том, что в ряде Европейских стран в образовательных учреждениях и в организациях, работающих с молодежью, на практике нашли свое применение системы индикаторов для оценки уязвимости индивидов к радикализации³⁷⁶. К примеру, в рамках проекта SAFIRE (научный подход к обнаружению индикаторов и ответов на радикализацию³⁷⁷), на основе консультаций со специалистами по борьбе с радикализацией (N=28), была разработана система наблюдаемых показателей (21 признак), которые были сгруппированы следующим образом: 1) идентичность и поиск идентичности; 2) ингрупповая и аугрупповая дифференциация; 3) социальное взаимодействие, способствующее насилию, сочетающиеся с дистанцированием от привычного окружения (друзья и семья); 4) трансформация имиджа; 5) ассоциирование с экстремистскими группами³⁷⁸.

В Великобритании в образовательных учреждениях и организациях, работающих с молодежью, используется практическое руководство, направленное на диагностику уровней уязвимости к радикализации. Первый уровень включает когнитивно-эмоциональные особенности, которые делают человека уязвимым к воздействию со стороны террористической организации. Второй уровень объединяет ряд признаков, которые указывают на готовность индивида к применению насилия, в сочетании с дегуманизацией тех или иных категорий, на которых направлены действия террористических организаций. Наконец, третий уровень — касается способности причинить вред (включает знания, умения и навыки, а также доступ к соответствующему оборудованию)³⁷⁹.

Ни в коей мере не пытаясь снизить значимость и важность имеющихся инструментов оценки риска, позволим себе, тем не менее, сделать ряд критических замечаний: с одной стороны, в обоих случаях открытым оказывается

³⁷⁶ Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // American Psychologist. 2017. Vol. 72. P. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121

³⁷⁷ Marret J.L., Feddes A.R., Mann L., Doosje B., Griffioen-Young H. An overview of the SAFIRE project: a scientific approach to finding indicators of and responses to radicalisation.// Journal EXIT-Deutschland: Zeitschrift für Deradikalisierung und demokratische Kultur. 2013. Vol.1. P.123-148. <http://journals.sfu.ca/jed/index.php/jex/article/view/26> (Дата обращения: 31.03.2025)

³⁷⁸ Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // American Psychologist. 2017. Vol. 72. P. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121

³⁷⁹ Там же.

вопрос о психологических механизмах, по которым происходит радикализация, о теоретической модели, которая бы объясняла действие этих механизмов. С другой — в обоих случаях — имеют место определенные аллюзии с подходом социальной идентичности, в рамках которого рассматриваются психологические процессы (социальная категоризация, социальное сравнение и социальная идентификация), которые, как отмечалось выше (Глава 2), позволяют понять, чем социальная идентичность людей отличается от персональной идентичности, как формируется социальная идентичность, а также, как человек действует в логике социальной идентичности, соответствующей тому или иному контексту.

В первой системе можно заметить, что индивид радикализируется как член группы, которая конструирует ему определенную социальную реальность, задает социальную идентичность. Как следствие — происходит дистанцирование от привычного окружения (семья и друзья). Индивид смотрит на мир и действует через призму новой социальной идентичности.

Если вернуться ко второй системе, позволяющей оценивать риск радикализации, где с помощью набора индикаторов предлагается фиксировать путем наблюдения за особенностями поведения радикализирующихся субъектов, то опять же параметры одного из уровней станут понятными в логике подхода социальной идентичности: так, группы с экстремистскими и радикальными взглядами задают своим членам социальную реальность, определяют, что является правильным, а что — нет. Как следствие, члены группы получают однозначную основу для оценки представителей аутгруппы, дегуманизируя их, что, в результате — оправдывает любые действия в отношении этих людей.

Несмотря на определенные аллюзии с подходом социальной идентичности — в частности, это касается поиска идентичности (по сути — социальной идентичности), межгруппового восприятия (ин- и аутгрупповая дифференциация), дистанцирования от близкого окружения (семья и друзья) и ассоциирование с экстремистскими группами — по сути — может быть проинтерпретировано как смена идентичности; тем не менее, обе системы оценки риска не сформулированы в рамках этого подхода, и не используют в полной мере ее потенциал, не опираются на логику и механизмы подхода, что позволило бы повысить ценность этих моделей.

Позволим заметить, что распознание признаков, связанных с радикализацией, в обоих системах свидетельствует в пользу того, что индивид под

вопросом прошел значительную часть пути под названием радикализация (в соответствии с определением, использованным выше, это путь, ведущий к легитимизации терроризма³⁸⁰). В этой связи технология оценки риска должна опираться на такой диагностический инструментарий, который позволили бы распознать признаки радикализации на более ранней стадии. Можно предполагать, что *скорость* процесса радикализации различается в самом начале и в конце этого пути. Как показывает анализ постадийных моделей радикализации, рассмотренных выше, если изначально «события по радикализации» происходят преимущественно в когнитивном плане, то на стадиях, приближенных к завершению процесса радикализации — этот процесс выходит преимущественно в поведенческий план, в план социальных практик и отношений. Эта особенность отражена и в обсуждаемых здесь моделях оценки риска. Именно поэтому в обеих моделях то, что можно пронаблюдать — соответствует такой точке на пути радикализации, когда значительная часть пути уже пройдена (смена имиджа, в частности).

Эти примеры в очередной раз указывают на то, что модель оценки риска радикализации должна иметь под собой адекватную теоретическую схему: объясняющая сила которой соответствует специфике процесса радикализации, в которой отношения между переменными были бы концептуализированы и опирались бы на экспериментальные факты.

Примечательно, что В. Херрингтон и К. Робертс в главе, посвященной оценке риска радикализации и контртерроризму, приходят к сходному заключению: «При отсутствии инструментов оценки риска <...> вместо того, чтобы полагаться на субъективное мнение с сопутствующим риском предвзятости, оценке риска может помочь использование эмпирически подтвержденной теории из социальных наук»³⁸¹. В качестве примера такой теории авторы отдают предпочтение теории развития малой группы Такмена³⁸².

---

³⁸⁰ Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B., Penzkofer M., Scheuermeyer A., Sust L., Schmidt H. Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a Comprehensive Model of Terrorist Radicalization // Terrorism and Political Violence. 2019. P. 1–23. DOI:10.1080/09546553.2019.1663828

³⁸¹ Herrington V., Roberts K. Risk assessment in counterterrorism. In U. Kumar, M.K. Mandal (eds.). Countering terrorism: Psychosocial strategies. London: Sage. 2012. P.303.

³⁸² Подробнее об этой модели развития малой группы: Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы. М.: Аспект пресс. 2001.318 с.

С нашей точки зрения, на роль таких теорий могли бы претендовать, как минимум, теория радикализации, предложенная А. Круглянски³⁸³ (где ключевыми оказываются потребности, идеология, социальные связи индивида), теория слияния идентичности В. Сванна с коллегами³⁸⁴ (теория разрабатывалась как объяснение того, почему человек вовлекается в радикальную прогрупповую деятельность), а также теория неопределенности-идентичности М. Хогга³⁸⁵ (где присоединение к группам с радикальными и экстремистскими взглядами рассматривается как способ снижения чувства неопределенности), основные положения этих моделей были рассмотрены выше (Глава 2).

3.2. Модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде

Разработанная авторами этого учебного пособия модель оценки риска радикализации основывается на основных постуатах подхода социальной идентичности, опирается на идеи теории неопределенности — идентичности М. Хогга³⁸⁶. Исходным конструктом модели оценки риска является социальная идентичность, та самая интернализованная принадлежность человека к группе, которая позволяет ему ответить на вопрос: «Кто я такой в данном контексте?». Чувство неопределенности сопряжено с особенностями социальной идентичности, поскольку человек, испытывая это чувство, задается вопросами: «Что делать?», «Кем быть?», «Что думать?». Чувство неопределенности интерпретируется как производная от социального контекста, а не особенность, присущая личности радикализирующегося субъекта, что соответствует логике М. Хогга.

---

³⁸³ Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R. Significance quest theory of radicalization. In Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R. The three pillars of radicalization: Needs, narratives, and networks. Oxford: Oxford University Press. 2019. P.35–64.

³⁸⁴ Swann W.B., Jr., Jetten J., Gomez Á., Whitehouse H., Bastian B. When group membership gets personal: A theory of identity fusion. // Psychological Review. 2012. Vol.119.P. 441–456. DOI:10.1037/a0028589

³⁸⁵ Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69–126.

³⁸⁶ Hogg M.A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership // European Review of Social Psychology. 2021. Vol. 32. P. 235–268. DOI:10.1080/10463283.2020.1827628;

Тематическая вставка 4: множественные социальные идентичности

В своей теории социальной идентичности Г. Тэшфел отмечает, что в сложном обществе индивид принадлежит к различным социальным группам, принадлежность к одним является для него очень важной, принадлежность к другим — не является таковой³⁸⁷. В конкретном контексте важной становится определенная социальная идентичность (механизмы были описаны выше в Главе 2), которая в наибольшей степени соответствует этому контексту. Другими словами, большинство исследований выполнены в логике только одного измерения для категоризации (в фокусе внимания находится анализ межгрупповых отношений, где учитывается одна ингруппа и одна аутгруппа), хотя в реальной жизни люди принадлежат одновременно к ряду социальных групп и категоризируют других в терминах принадлежности к разным группам.

Хотя в различных моделях, которые так или иначе используют идею идентичности (теория идентичности Ш. Страйкера³⁸⁸), в исследованиях социальной категоризации (концепции кросс-категоризации³⁸⁹); в теориях, которые апеллируют к логике подхода социальной идентичности (к примеру, модель аккультурации Д. Берри), или являются собой дальнейшее развитие самого подхода социальной идентичности (среди прочих — подход социальной идентичности к психологии здоровья А. Хаслама) и принимается идея о множественности социальных идентичностей, которыми человек одновременно обладает. Тем не менее, исследований, которые бы принимали во внимание эту идею множественности групп, к которым принадлежит индивид, а также могли бы ответить на вопрос о последствиях множественных социальных идентичностей индивида на межгрупповые отношения, явно недостаточно, на что указывается в литературе³⁹⁰.

³⁸⁷ Tajfel H. La catégorisation sociale. In S. Moscovici (ed.). *Introduction à la psychologie sociale*. Paris: Larousse. 1972. P. 272–302.

³⁸⁸ Stryker S., Burke P.J. The past, present, and future of an identity theory. //Social Psychology Quarterly. 2000. Vol. 63. P. 284–297. DOI:10.2307/2695840

³⁸⁹ Vescio T.K., Hewstone M., Crisp R.J., Rubin J.M. Perceiving and responding to multiply categorizable individuals: Cognitive processes and affective intergroup bias. In D. Abrams Dominic, M.A. Hogg, (eds.) *Social Identity and Social Cognition*. Oxford: Blackwell Publishers. 1999. P. 111–140

³⁹⁰ Brown R. The social identity approach: appraising the Tajfelli legacy //The British journal of social psychology. 2020. Vol.59. P.5–25. DOI:10.1111/bjso.12349; Rocca S., Brewer M.B. Social identity complexity// *Personality and Social Psychology Review*. 2002. Vol 6. P. 88–106

Под **множественными идентичностями** предлагается понимать набор идентичностей, доступных как для идентификации, так и для категоризации другими (пол, возраст, этническая принадлежность, профессиональная группа и пр.)³⁹¹.

С опорой на гипотезу о множественных социальных идентичностях³⁹², сформулированную А. Хасламом с коллегами в рамках подхода социальной идентичности, применительно к здоровью, представляется возможным говорить о том, что чем больше значимых, позитивных, совместимых друг с другом социальных идентичностей имеет человек, тем в большей степени он имеет доступ к психологическим ресурсам, ассоциированным с этими идентичностями. Другими словами, множественность позитивных, значимых и совместимых друг с другом социальных идентичностей обладает важным потенциалом для здоровья и благополучия индивида.

Дж. Джонс и Ж. Жеттен³⁹³ задались вопросом о том, требуется ли физическое присутствие членов группы для того, чтобы человек получил весь потенциал, защищающий его от негативного воздействия. Может ли размышление о важных группах высвободить этот важный потенциал группой принадлежности? Очевидно, что такого рода рефлексии актуализируют соответствующую социальную идентичность. В пользу такой линии аргументации могут говорить воспоминания людей, переживших чрезвычайные жизненные ситуации, что актуализация идентификации с близким семейным окружением помогала противостоять этим трудностям.

Исследователи продолжают эту линию дальше, говоря о том, что тот же самый механизм действует и в отношении множественных социальных идентичностей. Отсюда — чем больше социальных идентичностей имеет человек, тем в большей степени он будет себя чувствовать защищенным в стрессовой ситуации³⁹⁴. Апеллируя к идеям Э. Дюркгейма и К. Левина, исследователи предлагают говорить о том, что переживание связи с другими

³⁹¹ Kang S.K., Bodenhausen G.V. Multiple identities in social perception and interaction: Challenges and opportunities. //Annual review of psychology. 2015. Vol.66. P.547-574. DOI:10.1146/annurev-psych-010814-015025

³⁹² Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Там же..

оказывается той важной точкой опоры, позволяющей противостоять трудностям³⁹⁵.

В области психологии здоровья это предположение получило неоднократную эмпирическую поддержку на примере различных проблем (например, депрессия, реабилитация после хирургического вмешательства, адаптация к жизненным изменениям — будь то переходный период от среднего образования к высшему, старение, прохождение терапии, направленной на отказ от психоактивных веществ) ³⁹⁶.

В случае потребителей нелегальных психоактивных веществ, однако, стоит подчеркнуть, что множественные социальные идентичности оказываются ресурсом для здоровья и благополучия только в том случае, если потребитель, например, вовлечен в программы, помогающие отказаться от употребления психоактивных веществ, в группах (дающих ему позитивные, значимые, совместимые друг с другом социальные идентичности) разделяются нормы, препятствующие употреблению этих веществ. В противном случае — множественные социальные идентичности, происходящие от принадлежности к группам, в которых нормативным является употребление психоактивных веществ, только укрепляют опасную социальную практику. Это замечание чрезвычайно важно в контексте разработки модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде, поскольку необходимо уяснить, с какими именно группами индивид идентифицируется, поскольку радикализация происходит в реальном мире, эмпирические факты свидетельствуют о радикализации в среде ближайшего окружения³⁹⁷.

В литературе о множественных социальных идентичностях предлагается говорить не только о количестве социальных идентичностей (этот аспект получает развитие и экспериментальную проверку в работах А. Хаслама с коллегами³⁹⁸), но и о том, как эти идентичности организованы, другими словами — о структуре (простой или сложной).

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ Там же.

³⁹⁷ Hamid N., Ariza C. Offline versus online radicalization: Which is the bigger threat? Tracing outcomes of 439 jihadist terrorists between 2014–2021 in 8 Western countries. Global Network on Extremism and Technology. 2022. <https://gnet-research.org/2022/02/21/offline-versus-onlineradicalisation-which-is-the-bigger-threat/> (Дата обращения: 31.03.2025).

³⁹⁸ Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

Понятие сложности социальной идентичности было предложено С. Роккас и М. Бреуэр³⁹⁹, речь идет о том, как индивид представляет пересечения между теми социальными идентичностями, которыми он обладает. В случае сложной структуры социальные идентичности в незначительной степени пересекаются, индивид обладает отличающимися друг от друга идентичностями⁴⁰⁰. В случае простой структуры социальные идентичности индивиды принадлежат к небольшому количеству групп, которые дают им несколько идентичностей, или эти индивиды считают, что идентичности, получаемые от групп, к которым они принадлежат, в значительной степени пересекаются. Сложная социальная идентичность предполагает, что индивиды осознают множественность непересекающихся групповых принадлежностей, а также считают, что групповая принадлежность других людей отличается от их собственной идентичности⁴⁰¹.

Вопрос об измерении множественной социальной идентичности обсуждается в Приложении 1.

Принимая во внимание тезис Г. Тэшфела о том, что человек обладает рядом социальных идентичностей, некоторые из которых важны для него, другие — нет⁴⁰², в модели оценки риска радикализации учитываются особенности социальной идентичности индивида. А. Хаслам⁴⁰³ в рамках новой психологии здоровья развивает тезис о том, что множественность позитивных социальных идентичностей (см. Тематическую вставку 4), значимых и совместимых друг с другом, оказывается серьезным потенциалом для соматического благополучия индивида, что объясняется приумножением тех преимуществ психологического толка, которые индивид извлекает из группового членства⁴⁰⁴.

³⁹⁹ Rocca S., Brewer M.B. Social identity complexity // *Personality and Social Psychology Review*. 2002. Vol.6. P. 88–106

⁴⁰⁰ Grant F., Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity prominence and group identification // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. Vol. 48. P. 538–542. DOI:10.1016/j.jesp.2011.11.006

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² Tajfel H. La catégorisation sociale. In S. Moscovici (ed.). *Introduction à la psychologie sociale*. Paris: Larousse. 1972. P. 272–302.

⁴⁰³ Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The new psychology of health*. London: Routledge. 2018. 490 p.

⁴⁰⁴ Там же.

Рис. 3.1: Схема оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде

Идентификация с различными группами является своего рода ресурсом, «удерживающим» от радикализации фактором, отсутствие множественных позитивных социальных идентичностей, значимых и совместимых друг с другом, является фактором, «подталкивающим» в сторону радикализации. Если индивид не обладает преимуществами, обозначенными выше, то под угрозой оказывается удовлетворение базовых потребностей, что побуждает его к изменению ситуации.

В модели оценки риска радикализации уделяется внимание специфике групп, с которыми идентифицируется индивид, учитывается, являются ли они малыми (семья, друзья, школьный класс) или большими группами (этнос, возрастная, гендерная группа и пр.). Насколько позволяют судить результаты, полученные Б. Ликелем с коллегами⁴⁰⁵, семья и друзья — это примеры высоко энтигативных групп. Коль скоро радикализация — это процесс поиска социальной идентичности (или поиска определенного группового прототипа), то факт отстранения от семьи и друзей является собой указание на потерю социальной идентичности или отсутствие идентификации с группами из близкого окружения⁴⁰⁶. Это еще один индикатор уязвимости индивида, «подталкива-

⁴⁰⁵ Lickel B., Hamilton D.L., Wieczorkowska G., Lewis A., Sherman S.J., Uhles A.N. Varieties of groups and the perception of group entitativity // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 78(2). P. 223–246. DOI:10.1037/0022-3514.78.2.223

⁴⁰⁶ Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // American Psychologist. 2017. Vol. 72. P. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121

ющий» фактор с точки зрения процесса радикализации. В модели SAFIRE отстранение от ближайшего окружения соответствует третьей стадии процесса радикализации⁴⁰⁷.

Анализ специфики социальных идентичностей индивида предполагает изучение особенностей групп, к которым принадлежит индивид, а также особенностей группы, к которой индивид хотел бы присоединиться (т.е. речь идет об анализе прототипа группы). В результате мы получаем ответ на вопрос об особенностях так называемого *психологического ресурса*, которым располагает индивид. Кроме того, группа, к которой стремится присоединиться индивид с чувством неопределенности, должна характеризоваться высокой степенью энтидентивности (или же восприниматься как высоко энтидентивная)⁴⁰⁸. Отсюда — индивиды с множественной социальной идентичностью и индивиды с недостаточной социальной идентичностью разнятся по тому, какие группы их привлекают, какие социальные идентичности они хотели бы иметь, т.е. прототип искомой группы у этих индивидов должен быть различным. Для индивидов с недостаточной социальной идентичностью привлекательной должна быть группа, предлагающая простой и ясный прототип.

В модели оценки риска радикализации в подростковой среде учитывается, что динамика радикализации может быть зафиксирована как качественные различия в самом начале и в конце пути прихода к легитимизации терроризма. Это согласуется с логикой, которая лежит в основе постадийных моделей радикализации⁴⁰⁹: изначально события, связанные с радикализацией, происходят преимущественно в когнитивном плане, на стадиях, приближенных к завершению радикализации, этот процесс реализуется преимущественно в поведенческом плане.

Первоначальные стадии радикализации, если рассматривать их в логике модели, охарактеризованной выше, сопряжены с переживанием неопределен-

---

⁴⁰⁷ Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107. DOI:10.17759/psylaw.2023130307

⁴⁰⁸ Campbell D. Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities // Behavioral Science. 1958. Vol. 3. P. 14–25; Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69–126.

⁴⁰⁹ King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. 2011. P. 602–622. DOI:10.1080/09546553.2011.587064

ности и поиском способов ее снижения⁴¹⁰. Индивид ищет не просто социальную идентичность, но специфическую социальную идентичность (прототип, соответствующий высоко энтигативной группе, поскольку он прост, ясен, он предписывает)⁴¹¹. Ситуация этого индивида характеризуется недостаточностью социальных идентичностей, отсутствием идентификации с группами, которые бы помогли ему снизить чувство неопределенности. Подчеркнем, что пока еще открытым остается вопрос о том, что именно происходит на когнитивном уровне индивида до того, как в поведенческом плане будут заметны признаки радикализации⁴¹².

В постадийных моделях радикализации уделяется внимание анализу динамики социально-перцептивных процессов⁴¹³. Подчеркнем, что эти трансформации становятся понятными в рамках подхода социальной идентичности. Более того, идея трансформации социально-перцептивных процессов особенно интересна в связи с тем, что на поздних стадиях процесса радикализации индивиды выстраивают определенную дистанцию с ближайшим окружением (семья, друзья)⁴¹⁴. Используя модель М. Хогга⁴¹⁵, можно говорить о том, что имеет место процесс де-идентификации с этими группами. Группы ближайшего окружения, вполне вероятно, не обладают искомым групповым прототипом.

Другой вопрос касается того, что группы ближайшего окружения могут оказываться источником радикализации человека, на что указывают результаты

---

⁴¹⁰ Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107. DOI:10.17759/psylaw.2023130307

⁴¹¹ Blanchard A.L., Caudill L.E., Walker L.S. Developing an entitativity measure and distinguishing it from antecedents and outcomes within online and face-to-face groups // Group Processes & Intergroup Relations. 2020. Vol. 23. P. 91–108. DOI:10.1177/1368430217743577

⁴¹² Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107. DOI:10.17759/psylaw.2023130307

⁴¹³ King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. 2011. P. 602–622. DOI:10.1080/09546553.2011.587064

⁴¹⁴ Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // American Psychologist. 2017. Vol. 72. P. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121

⁴¹⁵ Hogg M.A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership // European Review of Social Psychology. 2021. Vol. 32. P. 235–268. DOI:10.1080/10463283.2020.1827628; Hogg M.A. Walls between groups: Self-uncertainty, social identity, and intergroup leadership // Journal of Social Issues. 2023. Vol. 79. P. 825–840. DOI:10.1111/josi.12584

исследований⁴¹⁶. Операционализация предложенной модели предполагает многоуровневый замер идентичности, оценку прототипов важных групп, с которыми индивид идентифицируется, а также анализ прототипа группы, к которой человек хотел бы присоединиться, что позволяет оценить не только особенности социальной идентичности, но и искомой социальной идентичности.

Подчеркнем, что предложенная модель оценки риска получила ряд эмпирических проверок (общий объем выборки — 1500 представителей подростково-молодежной среды), направленных на верификацию предположения, согласно которому индивиды, не имеющие множественных социальных идентичностей (набора позитивных социальных идентичностей, значимых и совместимых друг с другом, особенно если среди этих идентичностей отсутствуют идентичности, получаемые в группах близкого окружения — семьи и друзей), испытывают чувство неопределенности, которое подталкивает их к поиску социальной идентичности (или группового прототипа) в высоко энтидативной группе для снижения этого чрезвычайно неприятного чувства путем обретения однозначного четкого прототипа⁴¹⁷. Полученные результаты позволили выявить следующие ключевые особенности респондентов, испытывающих чувство неопределенности:

1. Прототипы, привлекательные для индивидов с недостаточной социальной идентичностью и множественными социальными идентичностями, различаются, а именно: если для первых притягательно объединение с группой, то для вторых — понимание, принятие, осмысленность принадлежности к той или иной группе.
2. Образы привлекательной и непривлекательной групп обнаруживают большее сходство у респондентов с недостаточной социальной идентичностью, по сравнению со респондентами с множественными социальными идентичностями. В пользу этого говорят как результаты сравнения образов

⁴¹⁶ Hamid N., Ariza C. Offline versus online radicalization: Which is the bigger threat? Tracing outcomes of 439 jihadist terrorists between 2014–2021 in 8 Western countries. Global Network on Extremism and Technology. 2022. <https://gnet-research.org/2022/02/21/offline-versus-onlineradicalisation-which-is-the-bigger-threat/> (Дата обращения: 31.03.2025).

⁴¹⁷ Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107. DOI:10.17759/psylaw.2023130307; Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Риск радикализации в подростковой среде: теория, факты и комментарии // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 23–37. DOI: 10.17759/sps.2023140402

- (18 характеристик из 30 не обнаруживают разницы в случае респондентов с недостаточной социальной идентичностью при сравнении образов, в то время, как в случае респондентов с множественной идентичностью — разница не обнаруживается только по пяти характеристикам), так и оценка дистанции между этими образами.
3. Факт аморфности границ между привлекательной и непривлекательной группами может быть проинтерпретирован как еще один показатель переживания неопределенности, поиска социальной идентичности. По модели SAFIRE, это вполне соответствует первой стадии процесса радикализации⁴¹⁸. Особенно, если принимать во внимание то, что эти подростки не рассматривают группы из ближайшего окружения (семья и друзья) как своего рода ресурс для идентификации для получения позитивной социальной идентичности.
  4. Представляется возможным говорить о том, что эти подростки — в логике модели Хогга — с большой вероятностью будут уязвимы в поиске простого и ясного группового прототипа⁴¹⁹.
  5. Предположение о том, что недостаточная социальная идентичность является собой предиктор уязвимости индивидов, поскольку именно она подталкивает в сторону поиску социальной идентичности, другими словами, поиска четкого, однозначного и ясного группового прототипа, получило эмпирическую поддержку.

Другими словами, разработанная модель оценки риска позволила дифференцировать представителей подростково-молодежной среды, уязвимых к риску радикализации. Безусловно, что с индивидами, которые выявлены в результате проведенной диагностики, предполагается проведение дополнительных диагностических процедур, в частности, картографирование социальной идентичности (этот метод подробно описан в Приложении 1) в сочетании с глубинным интервью.

С теоретической точки зрения, было предпринято исследование в рамках теории неопределенности — идентичности М. Хогга с учетом множественности социальной идентичности. На настоящий момент таких исследований по-преж-

⁴¹⁸ Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // American Psychologist. 2017. Vol. 72. P. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121

⁴¹⁹ Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). Extremism and psychology of uncertainty. Oxford: Wiley-Blackwell. 2012. P.19-35.

нему существует лишь незначительное количество⁴²⁰. Модель оценки риска радикализации (схематично представлена на Рис. 3.1) представляет собой серьезную стартовую точку для разработки системы мониторинга процессов радикализации в подростково-молодежной среде.

В то же самое время последующие исследования в рамках модели оценки риска радикализации обладают определенной теоретической ценностью. Развитие модели можно сформулировать следующим образом: во внимание принимается не только модель неопределенности-идентичности и тезис А. Хаслама о психологических преимуществах, получаемых индивидом от обладания множественной социальной идентичностью (другими словами, обладание многими позитивными значимыми социальными идентичностями, совместимыми друг с другом), но и концепция сложности социальной идентичности, предложенная С. Роккас и М. Брейэр⁴²¹. Такое направление исследований открывает возможность более детального анализа множественности социальной идентичности индивида как психологического ресурса в ответ на неопределенность.

В литературе на настоящий момент имеются единичные работы, в которых бы рассматривались отношения между структурой социальной идентичности и ответом на неопределенность Я. Так, результаты недавнего диссертационного исследования⁴²², в котором исследовалось отношение структуры социальных идентичностей (простая и сложная идентичности) и уровней неопределенности (низкий и высокий). Необходимо отметить, что в рамках теории неопределенности — идентичности М. Хогга идея организации множественной социальной идентичности получила некоторое развитие. Так, вводится понятие *важной социальной идентичности*⁴²³. Социальная идентичность становится важной для индивида, если она очень отличается от других идентичностей, если человек обладает незначительным количеством социальных идентично-

---

⁴²⁰ Grant F., Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity prominence and group identification // Journal of Experimental Social Psychology. 2012. Vol. 48. P. 538–542. DOI:10.1016/j.jesp.2011.11.006

⁴²¹ Roccas S., Brewer M.B. Social Identity Complexity // Personality and Social Psychology Review. 2002. Vol.6. P. 88–106. DOI:10.1207/S15327957PSPR0602_01

⁴²² Blaya Burgo M. Identity complexity, uncertainty, and belongingness: Understanding the appeal of extremist groups. CGU Theses & Dissertations. 2024. 859. https://scholarship.claremont.edu/cgu_etd/859 (Дата обращения: 31.03.2025).

⁴²³ Grant F., Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity prominence and group identification // Journal of Experimental Social Psychology. 2012. Vol. 48. P. 538–542. DOI:10.1016/j.jesp.2011.11.006

стей, есть его идентичности характеризуются гомогенностью (пересекаемостью друг с другом)⁴²⁴.

В противоположность тому, что можно было бы ожидать, основываясь на анализе литературы (в частности: индивиды в ситуации, характеризующейся высокой неопределенностью, будут уязвимы по отношению к радикализации по сравнению с индивидами, которые находятся в ситуации, характеризующейся низкой неопределенностью; кроме того, индивиды, имеющие одну важную социальную идентичность будут более уязвимы по отношению к радикализации, чем индивиды со сложной организацией социальных идентичностей), было продемонстрировано, что индивиды с простой организацией социальных идентичностей будут более уязвимы по отношению к радикализации в ситуации высокой неопределенности, в то время как индивиды с простой организацией социальной идентичности будут более уязвимы в ситуации, которая характеризуется невысокой неопределенностью. Этим неожиданным фактам дается следующее объяснение: в случае простой идентичности актуализированная идентичность оказывается защитным фактором, индивид не стремится к дополнительным групповым связям, наличной идентичности достаточно для того, чтобы противостоять неопределенности. В случае низкой неопределенности — вступление в новую группу считается *недорогой социальной инвестицией*, к тому же, если нарратив групп совпадает, т.е. концептуально простая структура идентичности сохраняется.

В отношении индивидов со сложной организацией социальных идентичностей предлагается говорить о том, в целом — они предрасположены к членству в различных группах, знакомы с различными вариантами групповой динамики, имеют опыт общения с различными социальными кругами. В ситуации высокой неопределенности группа, воспринимающаяся как высоко энтидентивная, будет привлекательной в силу потенциальной отличимости от других групп, в которых индивид состоит⁴²⁵.

Полученные результаты достаточно любопытны, они порождают новые вопросы в рамках теории социальной идентичности в целом и теории неопределенности-идентичности, в частности, а также требуют дальнейшего анализа с последующим воспроизведением в экспериментальных условиях. Два коммен-

---

⁴²⁴ Blaya Burgo M. Identity complexity, uncertainty, and belongingness: Understanding the appeal of extremist groups. CGU Theses & Dissertations.2024. 859. https://scholarship.claremont.edu/cgu_etd/859. (Дата обращения: 31.03.2025).

⁴²⁵ Там же.

тария, которые делает автор относительно полученных результатов, видятся заслуживающими внимания: 1) результаты, полученные для людей с простой идентичностью (в особенности это касается тех, кто склонен к радикализму), проливают свет на то, как индивиды стремятся вступить в экстремистские группы даже в ситуации невысокой неопределенности; 2) результаты, полученные для людей со сложной идентичностью, представляются возможным трактовать как свидетельство тому, как в периоды социальных потрясений более широкие слои населения могут быть уязвимы по отношению к радикальным идеям⁴²⁶. С нашей точки зрения, все это указывает на необходимость последующих экспериментальных исследований, которые не только бы позволили воспроизвести полученные факты, но пролили бы свет на то, какова роль различных особенностей социальной идентичности (количественный аспект множественности социальной идентичности или сложность устройства социальной идентичности) в процессе радикализации в подростково-молодежной среде.

3.3. Проблема распознавания источников распространения радикальных идей в местах лишения свободы

У проблемы оценки радикализации в местах лишения свободы имеется и еще один аспект, который в меньшей степени изучен по сравнению с выявлением осужденных, уязвимых к радикализации, однако этот аспект имеет чрезвычайную практическую значимость. Речь идет о выявлении осужденных, склонных к распространению идеологии экстремизма в местах лишения свободы. Как отмечалось выше (Глава 1), радикализация в местах лишения свободы оказалась достаточно серьезной проблемой после событий 11.9.2001⁴²⁷. Кроме того, дискуссионным остается вопрос о способах содержания осужденных за участие в террористической и экстремистской деятельности⁴²⁸, о чем говорилось выше.

---

⁴²⁶ Там же.

⁴²⁷ Jones C.R. Are prisons really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization // Punishment and society. 2014. DOI:10.1177/1462474513506482; Millana L. Terrorism and violence is Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections. In J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintanal (eds.). Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy. Verlag: Springer International Publishing. 2018. P. 138—153.

⁴²⁸ Millana L. Terrorism and violence is Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections. In J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintanal (eds.). Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy. Verlag: Springer International Publishing. 2018. P. 138—153.

Хотя идея так называемой «школы криминализации» в местах лишения свободы — не является новой, при этом едва ли можно говорить о существовании какого-то инструмента, позволяющего определять, кто именно из осужденных за участие в террористической и экстремистской деятельности может оказывать влияние на других осужденных, способствуя их радикализации. Как уже отмечалось выше, осужденные, не имеющие криминального прошлого, попав в места лишения свободы в первый раз, испытывают так называемый *пенитенциарный стресс*⁴²⁹, и оказываются уязвимыми к воздействию, способствующему радикализации.

Если обратиться к исследованию, реализованному на 700 мужчинах, осужденных за участие в террористической и экстремистской деятельности⁴³⁰, то очевидно, что не все эти осужденные автоматически превратились в источники распространения определенных идей, способствующих воздействию на других, их радикализации и рекрутированию в ряды террористических группировок. Этот аспект становится ключевым для ответа на вопрос о распознавании в местах лишения свободы тех осужденных, которые могут распространять радикальные или экстремистские идеи. Важность определения таких осужденных очевидна: с теоретической точки зрения, она делает вклад в понимание процесса радикализации, смещающая фокус внимания с уязвимых к воздействию на сам источник воздействия. С практической точки зрения — это способ выявления и изоляции осужденных, представляющих угрозу распространения идей, способствующих радикализации.

Концептуальная схема разработки инструмента для распознавания источника радикализации в местах лишения свободы (Рис. 3.2) предполагает использование экспертной оценки поведенческих характеристик осужденных и методику индекса жизненного стиля (подробнее о соответствующей концепции — тематическая вставка 1 Глава 2), позволяющие по механизмам защиты определить поведенческие и эмоциональные особенности индивида. Сравнение

⁴²⁹ Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б. Радикализация в местах заключения: подход социальной идентичности // Пенитенциарная наука. 2020. №3. С.415-424. DOI: 10.46741/2686-9764-2020-14-3-415-424;

Мельникова Д.В., Дебольский М.Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 2. С. 105–116. DOI: 10.17759/psylaw.2015100208

⁴³⁰ Казберов П.Н., Бовин Б.Г. Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 36–53.

поведенческих характеристик лиц, способных, по оценке сотрудников, к распространению идеологии насилия, в значительной степени соответствовали поведенческим характеристикам при функционировании таких защитных механизмов, как проекция, компенсация и реактивное образование. В то же время поведенческие характеристики лиц с низкой вероятностью пропаганды идеологии экстремизма-терроризма, соответствовали функционированию защитных механизмов: подавления, регрессии и интеллектуализации.

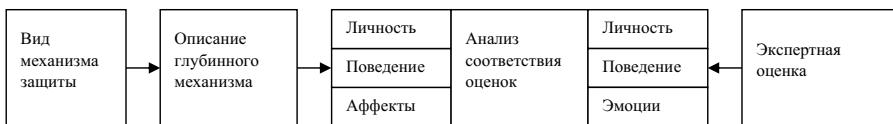

Рис. 3.2 Логика распознавания источника радикальных идей

Использование методики LSI оказалось возможным сравнивать соответствие тестовых и экспертных оценок для выявления осужденных, способных радикализировать других и пропагандировать идеологию экстремизма и терроризма в местах лишения свободы. Определяя механизм защиты, можно описать вытесненный механизм и три характеристики (тип личности, аффективную сферу, характеристику поведения). В рамках нашего исследования нас интересует только поведение. С другой стороны, мы имеем экспертную оценку поведения данного индивида, которая при сравнении совпадает с характеристикой, полученной с опубликованными результатами исследования репрезентативной выборки, проведенного одним из авторов нашей работы. Результаты обследования 469 человек в различных территориальных органах, осужденных за экстремизм-терроризм, с использованием методики LSI показали, что доминирующими защитными механизмами являются: проекция — 35%; компенсация — 34%; реактивное образование — 22%.

Сравнение *поведенческих характеристик* на 28 человек, способных к распространению идеологии насилия, даваемых экспертами, в значительной степени соответствовало *поведенческим характеристикам*, соответствующим функционированию таких защитных механизмов, как *проекция, компенсация и реактивное образование*. В то же время в характеристиках группы (N=51 человек) с низкой вероятностью быть пропагандистами идеологии экстремизма-терроризма чаще встречались механизмы: *подавления, регрессии и интеллектуализации*.

Некоторые защитные механизмы в местах лишения свободы — это не всегда защиты, функционирующие у террористов и экстремистов на свободе. Например, не характерный для осужденных механизм *замещения*, заключающийся в том, что аффект, подавленный в отношении одного объекта, выплескивается на другой объект и происходит типичная разрядка. Девиантное проявление *замещающего* защитного поведения связано с агрессивностью, жестокостью, аморальностью и насилиственными действиями, которые сопровождают экстремистско-террористическую деятельность на свободе, но являются неадекватным поведением и пресекаются в условиях ее лишения. Происходит определенная трансформации системы механизмов в условиях изменения реальности. Блокирование этих защит может быть связано с режимными требованиями, существующими в условиях лишения свободы, поскольку психологическая защита рассматривается и как адаптивная функция Эго.

Однако есть невротические защиты, которые «прилипли» к индивиду еще в значительно более ранний период. В первую очередь это относится к защитному механизму *проекции*, связанному с паранойяльным поведением. Это наиболее архаичный, неосознаваемый и одновременно самый распространенный среди осужденных механизм защиты, относительно которого сомнительно говорить о его адаптивности.

Хотя на настоящий момент существуют всего лишь единичные исследования в логике данной концептуальной схемы⁴³¹, потенциал данного инструмента для распознавания источников террористических и экстремистских идей представляется чрезвычайно важным для специалистов, взаимодействующих в местах лишения свободы с осужденными за террористические и экстремистские действия.

3.4. Контрольные задания

1. Проблемы оценки риска радикализации

Проанализируйте основные трудности, связанные с оценкой риска радикализации. Какие этические и методологические проблемы возникают при прогнозировании вовлечения в террористическую деятельность? Почему традиционные подходы к оценке риска (например, клинические методы) могут быть недостаточно эффективны в случае радикализации?

---

⁴³¹ Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Дикопольцев Д.Е. Распознавание лиц, склонных к распространению экстремистской идеологии в местах лишения свободы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 2. С. 17–32. DOI: 10.17759/psylaw.2024140202

2. Сравнение моделей оценки риска

Сравните VERA-2R, ERG22+ и TRAP-18 (см. Табл. 3.1). Какие целевые группы и типы экстремизма охватывают эти модели? В чем их сходства и различия? Какие теоретические подходы лежат в их основе? Предложите сценарий применения одной из моделей оценки риска (например, MLG 2, VERA-2R, IR 46) в образовательной среде. Какие индикаторы радикализации можно использовать? Какие этические ограничения следует учитывать?

3. Критика существующих инструментов оценки

Какие ограничения имеют современные модели оценки риска радикализации? Почему фрагментарное использование теорий может снижать их эффективность? Как ошибки социальной перцепции влияют на точность прогноза?

4. Практические системы индикаторов радикализации

Рассмотрите систему индикаторов SAFIRE. Какие признаки они выделяют? Почему эти системы могут обнаруживать радикализацию только на поздних стадиях? Как можно улучшить раннюю диагностику?

5. Теоретические основы для новой модели оценки риска радикализации

Почему теория неопределенности-идентичности М. Хогга может стать основой для более точной оценки риска радикализации? Какие механизмы она предполагает? Как учет социальной идентичности помогает прогнозировать вовлечение в экстремистскую деятельность?

6. Распознавание источников распространения радикальных идей в местах лишения свободы

Охарактеризуйте суть проблемы распознавания радикальных идей в местах лишения свободы. В чем суть концепции распознавания источников радикальных и экстремистских идей в местах лишения свободы.

Глава 4

РАДИКАЛИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ И СТРАТЕГИИ ВЛИЯНИЯ

Итак, радикализация — это процесс, финальной точкой которой является вовлеченность в террористическую деятельность⁴³². Выше отмечалось, что существует значительное разнообразие в определении радикализации в литературе, однако приведенное выше определение, в целом отражает основную суть этого явления. Стоит подчеркнуть особо, что радикализация может быть рассмотрена и как своего рода форма коллективного ответа на ситуацию межгруппового конфликта, будь то реального или воображаемого. Так или иначе, все это лишь в очередной раз подчеркивает то, что люди радикализируются не в одиночестве, но только как часть группы, которая конструирует для них новую социальную реальность, задает определенную социальную идентичность⁴³³. И важное место в этом взаимодействии отводится коммуникации и воздействию.

В моделях радикализации, о которых шла речь выше (Глава 2) настоящего издания, хотя и отмечается важность коммуникативных процессов в связи с радикализацией, тем не менее, едва ли уделяется внимание самим этим процессам (непосредственным или опосредсованным современными технологиями), которые являются составной частью процесса радикализации. Несомненно, индивид не радикализируется в одиночестве. Очевидно, что продвижение от стадии к следующей не является результатом размышлений, которые индивид осуществляет самостоятельно, неотъемлемой составляющей является взаимодействие с другими, вовлечение в той или иной степени в коммуникативный процесс. В фокусе нашего анализа в настоящей главе будут коммуникативные процессы и рассмотрение их роли в процессе радикализации. Кроме того, особое

⁴³² Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B., Penzkofer M., Scheuermeyer A., Sust L., Schmidt H. Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a comprehensive Model of Terrorist Radicalization // Terrorism and Political Violence. 2019. P. 1–23. DOI:10.1080/09546553.2019.1663828

⁴³³ van Stekelenburg, Klandermans P.G. Radicalization. In A. Azzi, X. Chryssochou, B. Klandermans, B. Simon (eds.). Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective. Oxford: Blackwell Wiley. 2010. P. 181–195.

внимание будет уделено особенностям общения в сети Интернет, поскольку это средство активно используется представителями террористических организаций.

4.1. Специфика общения в сети Интернет

Очевидно, что возникновение и широкое распространение технологий, включая Интернет, является собой характерную особенность современного мира. На протяжении тысячелетий личная форма общения была доминирующей, всего лишь несколько десятилетий люди погрузились в коммуникацию онлайн (более 5 млрд. людей (60,6% жителей планеты) используют те или иные социальные сети), но за это непродолжительное время произошли самые серьезные трансформации процесса общения, а также субъекта общения. Едва ли можно представить, что эти трансформации не имели никаких последствий для реального социального мира⁴³⁴, который зачастую обозначают как онлайн⁴³⁵.

Количество пользователей сети Интернета, новых социальных медиа постоянно возрастает, эта динамика аппроксимируется экспонентой. Ключевой группой потребителей новых информационных технологий оказываются представители подростково-молодежной среды⁴³⁶. Напомним, что в подростковом возрасте интимно-личностное общение со сверстниками является собой ведущую деятельность этого периода. Именно отношения со сверстниками, ценности этой группы играют важную роль в развитии подростка⁴³⁷. Подросток стремится к тому, чтобы занять центральное положение в этой группе, отсюда — приверженность ценностям, взглядам этой группы. Насколько общение в сети Интернет удовлетворяет потребность в общении — это серьезный вопрос для исследования и анализа.

С точки зрения А.Ш. Тхостова и К.Г. Сурнова⁴³⁸, результатом широкого развития технологий оказывается трансформация, которая самым серьезным обра-

---

⁴³⁴ Lieberman A, Schroeder J. Two social lives: How differences between online and offline interaction influence social outcomes. *Curr Opin Psychol*. 2020. P. 16-21. DOI: 10.1016/j.copsyc.2019.06.022.

⁴³⁵ Само использование этого термина для указания на реальный мир наглядно демонстрирует то, какую роль теперь играет вся та активность, которая происходит в сети Интернет.

⁴³⁶ Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S., Hasebrink U. EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. EU Kids Online. 2020. DOI:10.21953/lse.47fdeqj01ofo

⁴³⁷ Прихожан А.М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М.: АНО, ПЭБ. 2007. 56 с.

⁴³⁸ Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 16—24.

зом отражается на всем процессе культурно-исторического развития человека: «...постоянное совершенствование технологий социокультурной манипуляции развитием человеческого индивидуума, стремительное увеличение числа гуманитарных инноваций и технических средств удовлетворения и формирования потребностей, культурно-исторический процесс в целом — закономерно порождают, кроме известных достижений, также и новые формы патологии, не существовавшие ранее. Это своего рода обратная, «темная», сторона культуры»⁴³⁹.

В своей работе «Трансформация ВПФ в эпоху информационного общества»⁴⁴⁰ А.Ш. Тхостов объясняет особенности последствий злоупотребления технологиями: неспецифические и специфические. В первом случае базовый дефект является собой дефицит усилия, дефицит произвольной регуляции. Вторичные нарушения связываются с трудностями инициации и планирования деятельности, с нарушением контроля, с инфантилизацией. Во втором случае базовым дефектом является изоляция ВПФ и нарушение их иерархического строения. В этом случае вторичные нарушения связываются с так называемым «клиповым мышлением», растворением границ, трудностями принятия обязательств, ответственности и субординации, а также с диффузией идентичности⁴⁴¹.

Говоря об изменениях, происходящих с субъектом общения, примечательна идея Э. Леви, которая предлагает говорить о переходе от *человека* (которого описывала и изучала современная психология) к «цифровому человеку». Очевидно, что перед психологической дисциплиной открываются перспективы, с точки зрения изучения этого нового человека.

«Цифрового человека» Э. Леви характеризует, опираясь на идею Ш. Баха⁴⁴² о противопоставлении «цифрового состояния» — «аналоговому сознанию». Ш. Бах обратил внимание на состояния некоторых своих пациентов еще до широкого распространения смартфонов. Итак, человек, находящийся в нормальном, так называемом — аналоговом состоянии, переживает непрерывность своей жизни. Это состояние восходит к рефлексивному самосознанию, характе-

⁴³⁹ Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 16.

⁴⁴⁰ Тхостов А.Ш. Трансформация высших психических функций в эпоху информационного общества [Электронный ресурс]. URL: https://300.ya.ru/v_6MsGjZcC (дата обращения: 31.05.2025).

⁴⁴¹ Там же

⁴⁴² Bach S. On Digital Consciousness and Psychic Death// Psychoanalytic Dialogues. 2008. Vol.18. P. 784–794. DOI:10.1080/10481880802473290

ризуется многомерностью и сложными переплетениями прошлого и будущего. Время человека в таком состоянии — «плотное»⁴⁴³. В «цифровом состоянии» психического пространство сужается до одномерной области настоящего, нет ни прошлого, ни будущего, исчезает эта важная непрерывность жизненного потока, а время становится «тонким». Ментальные процессы здесь значительно упрощаются, суждения становятся линейными, в значительной степени конкретными, человек размышляет по принципу «либо-либо». Между такими цифровыми состояниями возникают пустоты, в которых нет ничего, что можно было бы помыслить или вербализовать. Как следствие таких состояний, человек испытывает тревогу и неопределенность⁴⁴⁴. Несложно заметить, что состояния такого рода еще только в большей степени фасилитируют некритичность к восприятию информации, с которой он сталкивается в сети Интернет, делают человека еще в большей степени уязвимым к разного рода влияниям и воздействиям.

Аллюзии с состояниями пациентов психоаналитика вовсе не являются указанием на патологическую природу состояний, но служат иллюстрацией серьезности трансформаций, происходящих с человеком в информационную эру.

Другими словами, представляется возможным говорить о трансформации субъекта общения, модификации функционирования его когнитивной системы.

Интернет, благодаря сопутствующим, постоянно модернизирующимся техническим устройствам, индивидуализировался и стал мобильным⁴⁴⁵. Как отмечает в своей работе А.И. Ракитов, пятая информационная революция трансформировала современный мир, внеся самые серьезные изменения как в профессиональную, так и в повседневную жизнь каждого индивида⁴⁴⁶. Эта трансформация касается в значительной степени самого процесс коммуникации, в частности, он стал более простым, модифицировались нормы, регулирующие коммуникацию, изменились властные отношения участников коммуникации, трансформировалась классическая схема диалога, в которой смена ролей коммуникатора и реципиента позволяет за счет обратной связи удостовериться в правильности понимания смысла сообщения⁴⁴⁷, редуцировалась. Наконец,

---

⁴⁴³ Там же.

⁴⁴⁴ Там же.

⁴⁴⁵ Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ölfsson K. With members of the EU kids online network. EU kids online. London. Final report. September. 2011. 54 p

⁴⁴⁶ Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 14—34.

⁴⁴⁷ Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект пресс.2002. 364 с.

преобразовалось понимание того, где находится граница между публичной и частной сферами⁴⁴⁸. Стороны общения в Интернет — пространстве имеют самые разнообразные возможности для того, чтобы сконструировать свою идентичность, управлять ею иным образом, чем это происходит в реальной жизни. Общение в сети Интернет стало доступнее и безопаснее, чем общение в реальности: оно не требует усилий, его можно прекратить в любой момент. Таким образом, вслед за А.Ш. Тхостовым с коллегами, представляется возможным говорить о том, что модель общения с использованием новых технологий является скорее иллюзией общения, чем общением как таковым⁴⁴⁹.

Отдельный вопрос, который требует самого серьезного изучения, касается соотношения общения в сети Интернет с общением и поведением, реализуемым в реальном (невиртуальном) мире⁴⁵⁰. Среди разнообразных феноменов, характеризующий общение в сети Интернет, обратим внимание на явление эффекта растормаживания онлайн. А. Джоинсон предложил обозначать явление растормаживания так: «... если подавление (ингибиция) — это когда поведение ограничивается или сдерживается с помощью самосознания, беспокойства о социальных ситуациях, беспокойства об общественной оценке и т. д., то растормаживание может характеризоваться отсутствием или обращением вспять этих же факторов ... растормаживание в Интернете ... рассматривается как любое поведение, которое характеризуется очевидным снижением беспокойства о самопрезентации и суждении других»⁴⁵¹. Другими словами, суть эффекта сводится к тому, что человек ведет себя в онлайн-коммуникации иначе, нежели в реальном общении: говорит и делает то, чего бы он не позволил себе, если бы та же самая ситуация происходила вне сети Интернет, в реальном

---

⁴⁴⁸ Marzouki Y. La conscience collective virtuelle : un nouveau paradigme des comportements collectifs en ligne. G. Lo Monaco, S. Delouvée, P. Rateau (eds.). *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications*. Bruxelles: De Boeck Supérieur. 2016. P. 413-415.

⁴⁴⁹ Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Технология и идентичность: трансформация процессов идентификации под влиянием технического прогресса // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9. С.33

⁴⁵⁰ Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и оффлайн: к вопросу о возможности прогноза // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 98–108. DOI: 10.17759/chp.2020160410; Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и оффлайн: две реальности или одна? // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 3. С. 101–115. DOI: 10.17759/pse.2020250309

⁴⁵¹ Joinson A.N. Causes and implications of disinhibited behavior on the Internet // *Psychology and the Internet* / J. Gackenbach (ed.). Boston, MA: Academic Press. 2007. P. 43.

мире. Раствормаживание реализуется в двух формах, не связанных друг с другом: 1) **доброчастенное (позитивное) раствормаживание**: характеризуется тем, что человек делится очень личной информацией, раскрывает свои тайны и страхи, не скрывает ни своего эмоционального состояния, ни своих переживаний, он старается помочь другому, проявляя при этом крайнюю щедрость и заботу; 2) **токсичное (негативное) раствормаживание**: характеризуется тем, что человек проявляет грубость в отношении другого, резко критикует его или даже угрожает ему; посещает сайты, содержание которых связано с насилием и агрессией⁴⁵².

Возникновение эффекта раствормаживания онлайн связывается с таким процессами, как кибербуллинг, троллинг, флейминг в сети Интернет⁴⁵³. Заметим, что данное явление возникает не только в ситуации повседневного общения в социальных сетях с незнакомыми людьми, но даже в контексте профессионального общения онлайн в рамках организаций⁴⁵⁴. А. Джоинсон апеллирует к целому ряду конструктов или схем для объяснения возникновения явления раствормаживания, среди которых: деиндивидуализация, сниженные социальные сигналы, самосознание⁴⁵⁵.

Среди возможных объяснений раствормаживания в сети, пожалуй, особого внимания заслуживает шестифакторная модель Дж. Сулера⁴⁵⁶. Стартовой точкой здесь является констатация отсутствия патологической природы в явлении раствормаживания онлайн. Все происходящее с индивидом объясняется местом, а именно — киберпространством, которое способствует раствормаживанию, иначе говоря — снижению барьеров, которые обычно регулируют поведение субъекта в жизни вне сети Интернет, вне киберпространства.

Дж. Сулер использует ряд известных объяснительных конструктов и вводит новые, восходящие к психоаналитической теории: диссоциативная аноним-

---

⁴⁵² Suler J. The Online Disinhibition Effect// CyberPsychology & Behavior. 2004. Vol. 7.P. 321–326. DOI:10.1089/1094931041291295

⁴⁵³ Cheung C.M.K., Wong R.Y.M., Chan T.K.H. Online disinhibition: conceptualization, measurement, and relation to aggressive // Thirty Seventh International Conference on Information Systems, Dublin. 2016.

⁴⁵⁴ Piper S. Workplace toxic online disinhibition. Presented to the interdisciplinary studies program : University of Oregon applied information management.2015. 48 p.

⁴⁵⁵ Joinson A.N. Causes and implications of disinhibited behavior on the Internet // Psychology and the Internet / J. Gackenbach (ed.). Boston, MA: Academic Press. 2007. P. 43-60.

⁴⁵⁶ Suler J. The Online Disinhibition Effect// CyberPsychology & Behavior. 2004. Vol. 7.P. 321–326. DOI:10.1089/1094931041291295

ность, невидимость, асинхроничность, солипсистская интроверсия, диссоциативное воображение, минимизация статуса и власти⁴⁵⁷.

Анонимность (более точным было бы, вслед за А. Джоинсоном⁴⁵⁸, говорить про воспринимаемую анонимность): ключевой фактор возникновения расторможенности. Люди, встречая друг друга в Интернете, не знают ни реальных имен, ни историй жизни друг друга; скорее всего они располагают той информацией, которую каждый о себе сообщает (вполне возможно — речь идет о сконструированной идентичности). Путем отделения опыта общения онлайн от реальной жизни и реальной идентичности, индивидам гораздо проще преодолевать барьеры, действовать так, как они никогда бы не позволили себе вести себя в реальной жизни.

Зная, что поведение не может быть подвергнуто наказанию, человек ведет себя в киберпространстве так, как если бы все процессы, контролирующие поведение, поступки, были бы приостановлены на время. Действуя в Интернет-пространстве, человек как бы убеждает себя, что это «не он».

Анонимность не позволяет категоризировать партнеров по общению с точки зрения таких важных параметров быстрой социальной категоризации (пол, возраст и этническое происхождение), а также ряда других категорий, будь то род занятий, место жительства и пр. Этот факт, несомненно, придает определенную специфику общению в сети Интернет.

Невидимость — еще один фактор возникновения растормаживания, он связан с тем, что люди, перемещаясь в пространстве Интернета, невидимы друг для друга. Они могут посещать сайты, читать сообщения форумов, комментарии, наблюдать за дискуссией; в отличие от технического персонала, отслеживающего работу сайтов и трафик, рядовые пользователи Интернета могут только догадываться о том, что в настоящий момент еще кто-то читает новости, однако оценить размер и особенности аудитории для них не представляется возможным. Хотя невидимость отчасти и совпадает с анонимностью, у этой составляющей есть одна важная чрезвычайно важная отличительная особенность: в процессе Интернет-общения, реализующегося путем обмена сообщениями, отсутствует визуальный контакт, позволяющий человеку понять реакции другого в ответ на собственное сообщение, что, несомненно, модифицирует привычный процесс общения в реальном (невиртуальном) мире.

---

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Joinson A.N. Causes and implications of disinhibited behavior on the Internet. In J. Gackenbach (ed.). *Psychology and the Internet*. Boston, MA: Academic Press. 2007. P. 43-60.

Фактор **асинхроничности** подразумевает, что участники общения не находятся в ситуации реального времени, каждый может воспользоваться паузой, отвечая на сообщение. Дж. Сулер связывает возникновение обеих форм растормаживания с отсроченным ответом, когда индивид может обдумать ответ, подыскивая соответствующие слова. Легко представить, сколько раз можно отредактировать сообщение, меняя содержание и стилистику как смягчая, так и усиливая тон.

Солипсическая интроверсия. В силу того, что коммуникация в сети Интернет происходит посредством обмена текстовыми сообщениями и в отсутствии какой-либо дополнительной информации о собеседнике, с точки зрения Дж. Сулера, реципиент коммуникативного акта наделяет своего собеседника определенными характеристиками, воображая его тем или иным образом, приписывая ему определенную внешность, тембр голоса и пр., воображает диалоги с ним. И все это определяется потребностями коммуникатора. Словом, Интернет-общение все в большей степени приближается к воображаемому действию, чем к реальности.

Диссоциативное воображение подразумевает разделение двух миров: с одной стороны — реального, со всеми его правилами и нормами; с другой — виртуального мира, своего рода понарошечного, игрушечного. Участник Интернет-коммуникации полагает, что правила и нормы этого виртуального мира не имеют ничего общего с нормами и правилами повседневной жизни. Возникает иллюзия, что, выключив компьютер, пользователь Интернета, как будто оставляет позади все то, что касается онлайн-активности. Будто бы эти миры не имеют никакой связи друг с другом, будто бы люди, которых он категоризирует как «друзей» в социальных сетях, не являются реальными персонажами.

Наконец, последний фактор, который Дж. Сулер обозначает в связи с возникновением растормаживания, — это **минимизация власти и статуса**. В реальном мире у человека имеются средства для распознания статуса собеседника, в мире виртуальном параметры власти и статуса оказываются скрытыми. Более того, как подчеркивает Дж. Сулер, традиционная философия Интернета такова: Интернет является тем самым публичным пространством, где все равны: у всех есть право голоса, все делятся своими идеями с другими на правах равенства. Об изменении властных отношений, расширение прав и возможностей участников Интернет-коммуникации уже говорилось выше (Глава 1).

Последующие исследования, в которых предпринимались попытки конкретизировать описанное явление (определяя растормаживание, происходящее онлайн,

как поведение или как психологическое состояние), а также операционализировать его и проанализировать то, какие факторы из шести, сформулированных Дж. Сулером, являются предикторами возникновения феномена растормаживания. В частности, в исследовании С. Ву, Т.-Г. Лин и Дж.-Ф. Шин⁴⁵⁹, реализованном на обширной выборке молодежи (N = 530 человек), было показано, что только три фактора из шести касаются возникновения растормаживания: анонимность, асинхроничность и диссоциированное воображение. Остальные составляющие модели Дж. Сулер: невидимость, солипсическая интроекция и минимизация статуса и власти — не оказывают влияния на возникновение эффекта растормаживания.

В теоретико-аналитическом исследовании А. Либерман и Дж. Шредер⁴⁶⁰ предлагаются говорить о том, что существует группа признаков, образующих серьезный водораздел между общением, опосредственным технологиями (онлайн), и непосредственным личным общением (примечательно, что этот вариант, в котором человечество провело большую часть своей истории — тысячи лет, обозначается теперь через ссылку к Интернету, технологии, которая насчитывает десятки лет существования — офлайн). Общению в сети Интернет — по сравнению с непосредственным личным общением присущи следующие особенности:

- 1) *меньшее количество невербальных признаков* (хотя авторы делают акцент только на паралингвистических признаках, с нашей точки зрения, практически все системы невербальной коммуникации, выделяемые В.А. Лабунской⁴⁶¹ (оптико-кинетическая система; пара- и экстралингвистическая системы; организация пространства и времени; визуальный контакт), при общении в сети Интернет оказываются незадействованными. Некоторое исключение, пожалуй, составляет организация пространства и времени, но очевидно, что и эта система претерпевает определенные трансформации. Редуцированность невербальных признаков, с точки зрения А. Либерман и Дж. Шредер⁴⁶², способствует дегуманизации партнеров по общению).

---

⁴⁵⁹ Wu S., Lin T.-G., Shih J.F. Examining the antecedents of online disinhibition // Information Technology and People. 2017. Vol. 30.P. 189—209. DOI:10.1108/ITP-07-2015-0167

⁴⁶⁰ Lieberman A, Schroeder J. Two social lives: How differences between online and offline interaction influence social outcomes. // Current Opinion in Psychology. 2020. Vol.3. P.16-21. DOI: 10.1016/j.copsyc.2019.06.022.

⁴⁶¹ Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект пресс. 2002. 364 с.

⁴⁶² Lieberman A, Schroeder J. Two social lives: How differences between online and offline interaction influence social outcomes. // Current Opinion in Psychology. 2020. Vol.3. P.16-21. DOI: 10.1016/j.copsyc.2019.06.022.

- Конечно, отсутствие речевого аспекта общения тоже связывается с процессом дегуманизации;
- 2) *большая анонимность* (анонимность, как было показано выше, ассоциируется с растормаживанием и агрессивным поведением);
  - 3) *большие возможности новых форм социальных связей и поддержания уже имеющихся*: с одной стороны, у пользователей социальных сетей существует значительное количество друзей в сети Интернет. Со ссылкой на эмпирические данные, А. Либерман и Дж. Шредер⁴⁶³ подчеркивают, что 57% подростков нашли хотя бы одного друга в социальных сетях для общения вне сети Интернет или смешанным образом; 29% — декларировали до пяти друзей и более. С другой — чем больше это количество, тем меньше человек тратит времени на этих друзей, поскольку в реальности, значительная часть из этой сети — составляют знакомые⁴⁶⁴, а скорее всего — малознакомые люди. Отсюда, представляется возможным констатировать двухстороннее воздействие цифровых технологий — как в сторону укрепления, так и разрушения социальных связей, все зависит от того, как эти технологии используются;
  - 4) *более широкое распространение информации* — если при личном непосредственном общении размер аудитории ограничивается размером комнаты, то технологии предлагают самые колоссальные возможности для быстрой передачи информации значительному количеству адресатов (учитывая, что более 5 млрд. людей (что составляет около 60,6% жителей планеты) используют те или иные социальные сети, потенциально доступны для коммуникации). Со ссылкой на исследования, А. Либерман и Дж. Шредер указывают на то, что в социальных сетях быстрее распространяются ложные новости, чем истинные⁴⁶⁵. Последний аспект, касающийся возможности обращаться к значительной аудитории особенно любопытен в связи с такой формой коммуникации, как слухи.

Очевидно, что появление и использование технологий, опосредствующих общение, трансформировало и такую форму неформальной коммуникации любого общества, как слухи⁴⁶⁶. В Тематической вставке 5 приводится определение слухов, объясняются их функции, на примере классической работы Г. Олпорта и Дж. Пост-

---

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ Там же.

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Латынов В.В. Слухи: социальные функции и условия появления// Социологические исследования. 1995. №1. С.12-17.

мена, излагаются современные воззрения на функции слухов, описываются процессы, лежащие в основе циркулирования слухов. То, как циркулируют слухи, когда информация передается устно от одного человека к другому, получило свое самое серьезное изучение и рассмотрение. То, как циркулируют слухи в сети Интернет, с одной стороны, а также соотносятся с действиями людей в повседневной жизни вне сети Интернет, скорее образует так называемую зону *ближайшего развития* для исследователей. Потенциально можно усмотреть два тезиса для последующего анализа: Интернет ускоряет распространение слухов, к тому же одновременно делает доступной информацию для значительной (по своим размерам) аудитории. Однако верным может быть и обратное: возможность проверки информации, благодаря наличию значительного количества справочников и других источников, позволяющих проверить факты в Интернете, слухи должны затормаживаться.

Тематическая вставка 5: слухи

Слухи — это «непроверенный рассказ или объяснение события, которое передается от человека к человеку»⁴⁶⁷.

В слухах, как отмечают Г. Олпорт и Л. Постмен, почти всегда есть остаточная часть новости, так называемое «зерно истины», однако в процессе передачи эта информация трансформируется таким образом, что достаточно сложно отличить факты от домыслов⁴⁶⁸.

Два необходимых условия для порождения слухов, как отмечают Г. Олпорт и Дж.Л. Постмен⁴⁶⁹: 1) значимость события; 2) двусмысленность информации об этом событии (другими словами — неопределенность ситуации). Отсюда, слухи выполняют ключевые функции: объяснение и снятие эмоционального напряжения, переживаемого индивидами.⁴⁷⁰ Современные воззрения на функции слухов находим в работе К. Дуглас, которая предлагает выделять некоторые группы социальных функций⁴⁷¹.

⁴⁶⁷ Douglas K. Rumor. In Hogg, Michael A. and Levine, John M., eds. Encyclopedia of Group Processes and Intergroup Relations. Thousand Oaks: Sage. 2010. DOI:10.1145/1858996.1859068, p.719.

⁴⁶⁸ Allport G.W., Postman L.J. The basic psychology of rumor. // Transactions of the New York Academy of Sciences.1945. Vol.8. P.61–81. DOI:10.1111/j.2164-0947.1945.tb00216.x

⁴⁶⁹ Там же.

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ Douglas K. Rumor. In M. Hogg, J. Levine, (eds.) Encyclopedia of Group Processes and Intergroup Relations. Thousand Oaks: Sage. 2010. P.719-722. DOI:10.1145/1858996.1859068

- 1) **слухи и мотивы:** связывая распространение слухов и мотивы, стоящие за ними, предлагается говорить, что это способ испортить репутацию человека или группы. Так, в результате распространения слухов об аут-группе, репутация этой группы будет испорчена, в то же самое время, позиции группы, распространяющей слухи, могут быть усилены;
- 2) **слухи и разделение информации:** сбор и разделение информации о себе и других являются важными для человека. Понимания себя и других необходимое условие успешного функционирования в социальном мире. Таким образом, слухи, будучи инструментом сбора и разделения информации, способствуют формированию сплоченности и эмоциональных связей в группе.

По оценке Р. Данбара, 60% времени люди тратят на обсуждение жизни собственной и других людей⁴⁷². И эта функция сходна с тем, что среди приматов называется социальным грумингом, что способствует снижению стресса. В ситуации неопределенности слухи могут обладать определенной пользой, поскольку предоставляют какое-то объяснение происходящему, когда официальная информация отсутствует. Объяснение происходящего необходимо для принятия решения и построения стратегии действий.

- 3) **слухи и трансляция стереотипов:** экспериментальные факты говорят в пользу того, что транслируется та информация о членах группы, которая соответствует стереотипам, нежели та, которая не соответствует стереотипам. Как следствие, циркуляции слухов имеет негативные последствия для группы, поскольку, как отмечает К. Дуглас⁴⁷³, так увековечиваются стереотипы.

Первые исследования слухов принадлежат Г. Олпорту и Дж.Л. Постмену⁴⁷⁴, вслед за наблюдениями за циркулированием слухов в реальных социальных условиях, связанных с отсутствием информации о последствиях бомбардировки военно-морской базы Перл Харбор (7 декабря 1941 года), исследователи разработали экспериментальную схему для изучения механиз

⁴⁷² Там же.

⁴⁷³ Там же.

⁴⁷⁴ Allport G.W., Postman L.J. The basic psychology of rumor. // Transactions of the New York Academy of Sciences. 1945. Vol.8. P.61–81. DOI:10.1111/j.2164-0947.1945.tb00216.x

мов слухов. Суть этой схемы такова: 1) некоторое полудраматическое изображение, содержащие многочисленные детали, проецируется на экран в зале, где проводится эксперимент; 2) 7-8 участников исследования, которые не видели этого изображения, ожидают в коридоре; 3) первый участник заходит в зал, он не видит изображения, кто-то из присутствующих в зале (в случае экспериментального условия) или сам экспериментатор (в случае контрольного условия) описывает изображения, давая 20 деталей; 4) второй участник исследования заходит в зал, он также не видит изображения, встает рядом с первым участником, который рассказывает ему все, что может, об изначальном изображении. И так процедура продолжается до последнего участника эксперимента (сходная схема была использована Ф. Бартлеттом в экспериментах по памяти⁴⁷⁵). Каждый участник остается в зале и может наблюдать за трансформациями истории. История, рассказанная каждым участником, фиксировалась.

Олпорт и Постмен предприняли экспериментальное исследование на 40 группах (студентах, школьниках, курсантах, полицейских и пр.). Участники экспериментальных серий варьировали по этническому признаку (например, темнокожие или белые участники, поскольку ключевой персонаж на том самом полудраматическом изображении — темнокожий), а также по полу и возрасту (например, школьники 4-9 классов). В экспериментальной ситуации размер аудитории варьировал от 20 до 300 человек, что создавало эффект социального влияния. В контрольной ситуации аудитория отсутствовала, 7-8 участников эксперимента воспроизводили историю.

Г. Олпорт и Дж. Постмен объяснили функционирование слухов, обращаясь к трем процессам: *выравнивание*; *заострение*; *ассимиляция*. Все эти процессы независимы друг от друга, функционируют одновременно. Обсуждение этих процессов позволит понять результаты исследования. Итак, первые два процесса являются селективными по своей природе.

Выравнивание — по мере распространения, содержание слухов становится короче и лаконичнее, чтобы его было проще ухватить и передать. По мере передачи от одного человека к другому, история содержит все меньше и меньше слов, все меньше деталей. По мере воспроизведения истории до 70% деталей утрачивается к 5-6 участнику. Форма кривой, отражающей

⁴⁷⁵ Bartlett F.C. Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge: Cambridge University Press. 1932. <https://archive.org/details/Bartlett1932Remembering/page/n201/mode/2up>. (Дата обращения: 31.03.2025)

остаток изначальной истории при переходе от одного участника к другому, напоминает кривую, которая демонстрировала процесс забывания в экспериментах Эббингауза. Как отмечают Оллпорт и Постмен, социальная память выравнивает историю в течении нескольких минут, в то время, как в случае индивидуальной памяти это занимает несколько недель⁴⁷⁶. Как и в случае кривой Эббингауза, история полностью не забывается, сохраняется порядка 30% информации. Эти результаты получили многократное воспроизведение, как отмечает К. Дуглас⁴⁷⁷. Сглаживание не является случайным процессом, как подчеркивают исследователи⁴⁷⁸.

Заострение — процесс находится в определенной реципрокности с процессом выравнивания, он подразумевает селективное восприятие, удержание и воспроизведение ограниченного количества деталей, при этом детали могут преувеличиваться⁴⁷⁹. Там, Оллпорт и Постмен обозначили несколько специфических особенностей процесса заострения: так, история излагается в настоящем времени; в фокус внимания попадает движение (даже неподвижные предметы приходят в движение), а также размер и количество объектов (размер и количество преувеличиваются). Индивиды используются ярлыки, а также знакомые символы (сохранение знакомых символов связано с процессом конвенциализации). Добавление объяснений позволяет придать истории завершенность, что особенно важно в ситуации, когда оригинальная история претерпела такую трансформацию, что напоминает скорее некоторый набор несовместимых друг с другом деталей. Включение в историю объяснений в полной мере соответствует одной из функций слухов⁴⁸⁰.

Ассимиляция — процесс, который объясняет, почему одни детали забываются, другие — преувеличиваются, сама же история трансформируется

⁴⁷⁶ Allport G.W., Postman L.J. The basic psychology of rumor. // Transactions of the New York Academy of Sciences. 1945. Vol.8. P61–81. DOI:10.1111/j.2164-0947.1945.tb00216.x

⁴⁷⁷ Douglas K. Rumor. In M. Hogg, J. Levine, (eds.) Encyclopedia of Group Processes and Intergroup Relations. Thousand Oaks: Sage. 2010. P.719-722. DOI:10.1145/1858996.1859068

⁴⁷⁸ Allport G.W., Postman L.J. The basic psychology of rumor. // Transactions of the New York Academy of Sciences. 1945. Vol.8. P61–81. DOI:10.1111/j.2164-0947.1945.tb00216.x

⁴⁷⁹ Там же.

⁴⁸⁰ Там же.

и искажается. Другими словами, это искажение информации под воздействием подсознательных мотивов, установок и предубеждений⁴⁸¹.

Олпорт и Постмен объясняют, что процесс ассилияции направляется мотивацией, привычками, интересами и переживаниями участников эксперимента (ровно так и происходит с историей, передаваемой посредством слухов в реальном социальном контексте).

Среди описанных Олпортом и Постменом вариантов: ассилияция с ведущим мотивом, логичное завершение истории; ассилияция путем конденсации; ассилияция с ожиданиями; ассилияция с лингвистическими привычками (что отражает использование стереотипов и предубеждений).

Примером широко разделенных слухов являются так называемые теории заговора⁴⁸².

Суть теорий заговора — это попытки людей объяснить некоторое событие (политического или социального толка), апеллируя к идеи секретного заговора влиятельных лиц или организаций, а не к естественным причинам, которые могли бы спровоцировать то или иное явление.

Функции теорий заговора сходны с теми, на которые указали Г. Олпорт и Дж. Постмен, это объяснение в ситуации неопределенности и снижение стресса.

Другая особенность современного мира, которую необходимо принимать во внимание в контексте изучения процесса радикализации, касается трансформации традиционных институтов социализации в целом, в наибольшей степени это затрагивает семью и школу. Снижение их влияния на индивида восполняется ростом воздействия СМК⁴⁸³, но ключевая роль, несомненно, принадлежит Интернету. Из трех социальных функций СМК — информационной, образовательной и развлекательной⁴⁸⁴ — именно последняя является ведущей, особенно в подростково-молодежной среде.

⁴⁸¹ Douglas K. Rumor. In M. Hogg, J. Levine (eds.). Encyclopedia of Group Processes and Intergroup Relations. Thousand Oaks: Sage. 2010. P.719-722. DOI:10.1145/1858996.1859068

⁴⁸² Там же.

⁴⁸³ Юревич А.В. Три источника и три составные части поддержания нравственности в обществе // Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2013. С.13-35.

⁴⁸⁴ Богоилова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации. М.: Аспект пресс. 2008. 191 с.

Очевидно, что Интернет открывает перед индивидом обширные возможности⁴⁸⁵, которых не было до возникновения и широкого распространения этой технологии. В современную эпоху Интернет-технологии настолько встраиваются в картину мира человека, что у него возникает ощущение, будто бы он является важным участником глобальных процессов.

Интернет сам по себе является средством поляризации и радикализации, в том смысле, что каждый его пользователь имеет возможность высказывать свою позицию достаточно свободно. Для маргинализированных групп, оказавшихся исключенными из пространства официальных медиа, эта арена становится очень важной площадкой, единственным местом для публичного высказывания своей позиции для широкой аудитории⁴⁸⁶.

Для Ф. Хосрохавара, Интернет является пространством, которое отличается от реальной ситуации общения, одна из важных особенностей заключается в том, что он не является «ни частным, ни публичным в традиционном смысле этих слов»⁴⁸⁷. Будучи поляризованным пространством, Интернет, по точному замечанию Ф. Хосрохавара, объединяет людей, разделяющих некоторые взгляды, и стремящихся повлиять на других, чтобы они присоединились к ним, разделили то же видение. Едва ли это сектантское пространство, но оно не обладает открытостью в той мере, в которой это происходит в реальном общественном пространстве. По словам Ф. Хосрохавара, здесь, в квазигосударственном и полу-приватном пространстве сети Интернет возникает атмосфера, которая дает пользователям ощущение участия в так называемом «теплом сообществе»⁴⁸⁸, пусть даже и виртуального толка. Эта логика вполне совпадает с той, к которой обращается М. Хогг в своей объяснительной схеме радикализации — модели неопределенности — идентичности⁴⁸⁹. В ситуации так называемого *парадокса*

---

⁴⁸⁵ Тхостов А.Ш. Трансформация высших психических функций в эпоху информационного общества [Электронный ресурс]. URL: https://300.ya.ru/v_6MsGjZcC. (Дата обращения: 31.03.2025)

⁴⁸⁶ van Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans P.G. No radicalization without identification: How ethnic Dutch and Dutch Muslim web forums radicalize over time. In A. Azzi, X. Chryssochoou, B. Klandermans, B. Simon (eds.). Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective. Oxford: Blackwell Wiley. 2010. P. 256-274.

⁴⁸⁷ Khosrokhavar F. Radicalization: Why Some People Choose the Path of Violence. N.Y.: The New Press. 2017, p.58.

⁴⁸⁸ Там же, p.58.

⁴⁸⁹ Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.

постмодернизма, когда современный человек получает разнообразные степени свободы, однако при этом страдает от неопределенности, незнания что делать с этой свободой (Кем быть? Что чувствовать? Что делать? Что думать?). Отсюда — поиск определенности (словами М. Хогга, скорее — снижения неопределенности, поскольку определенность в собственном смысле слова едва ли достижима), как результат — предпочтение отдается идеологическим системам убеждений. Материалы транслируемые террористическими организациями в сети Интернет, соответствует этому запросу радикализирующегося индивида.

Так, несколько тысяч новых бойцов из стран Западной Европы были рекрутированы через социальные медиа, которые умело использовали представители ИГИЛ* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ)⁴⁹⁰. Специфика общения, опосредованного современными технологиями, позволяет выстраивать привлекательный образ террористической группы, собирать информацию о потенциальных кандидатов для рекрутования, вступать с ними в контакт, воздействовать и убеждать, на более продвинутой стадии радикализации — призывать к совершению террористических актов.

Как отмечалось выше, Интернет является способом повышения дискомфорта от неопределенности. Остановимся на этом тезисе подробнее: едва ли могут быть сомнения в том, что новые технологии открывают перед индивидом богатые возможности общения. Сам процесс виртуального общения выглядит как более простой, чем в реальной ситуации; у сторон имеется возможность сохранять анонимность (со всеми вытекающими психологическими последствиями и особенностями взаимодействия, обусловленными этой анонимностью), модифицировать или сконструировать идентичность, прервать или прекратить общение в любой момент⁴⁹¹. Однако такая форма отношений не сможет заменить ту единственную роскошь, которой располагает человек — общение (которое происходит в реальном, а не в виртуальном мире), не сможет удовлетворить те потребности, которые удовлетворяются в непосредственном межличностном общении.

---

⁴⁹⁰ Neo L.S. An Internet-Mediated Pathway for Online Radicalisation: RECRO. In M. Khader, L.S. Neo, G. Ong, E.T. Mingyi, J. Chin (eds). Combating violent extremism and radicalization in the digital era. Hershey, PA: IGI Global. P. 197–224. DOI:10.4018/978-1-5225-0156-5.ch011

⁴⁹¹ Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Технология и идентичность: трансформация процессов идентификации под влиянием технического прогресса// Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9. С. 33.; Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 15—24; Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Соблазны и ловушки темпоральной идентичности// Вопросы философии. 2016. № 8. С. 115—125.

В этой связи Интернет в целом, а также социальные медиа оказываются средством распространения информации, убеждения, воздействия на радикализирующихся индивидов, мобилизации к террористическим действиям. Вовлечение в группировки радикального, экстремистского толка сопровождается взаимодействием с членами этих групп, с соответствующим коммуникативным процессом, с обращением к информации, распространяемой этой группой.

С точки зрения С. Этрана⁴⁹², в современной ситуации социальные сети, благодаря психологическим и структурным особенностям Интернет-платформ, скорее способствуют, чем препятствуют радикализации. И вопрос будущих исследований заключается в том, чтобы определить то, как можно изменить эту направленность и воспользоваться техническими средствами для преодоления радикализации.

С точки зрения Х. Волберс с коллегами, Интернет вносит вклад в процесс радикализации, ускоряя и усиливая некоторые его элементы⁴⁹³. В частности, Интернет-пространство является серьезным инструментом радикализации террористов-одиночек. В то же самое время, имеющиеся эмпирические факты говорят о сложной картине того, какова роль Интернета в радикализации. С одной стороны, анализ базы данных, включающей 439 террористов, которые совершили 245 атак в промежуток с 1.01.2014 до 1.01.2021, позволяет говорить о том, что Интернет не является единственным пространством радикализации индивидов, и что индивиды радикализируются вне сети Интернет или смешанным способом⁴⁹⁴. Существуют другие пространства радикализации, среди которых указывается ближайшее окружение (включая семью), тюрьма и др⁴⁹⁵.

---

⁴⁹² Atran S. Psychology of Transnational Terrorism and Extreme Political Conflict // Annual review of psychology. 2020. Vol.72. P. 471–501. DOI:10.1146/annurev-psych-010419-050800

⁴⁹³ Wolbers H., Dowling C., Cubitt T., Kuhn C. Understanding and preventing internet-facilitated radicalisation. Trends and Issues in Crime and Criminal Justice. 2023. №673. P.1-17.

⁴⁹⁴ Hamid N., Ariza C. Offline versus online radicalization: Which is the bigger threat? Tracing outcomes of 439 jihadist terrorists between 2014–2021 in 8 Western countries. Global Network on Extremism and Technology. 2022. <https://gnet-research.org/2022/02/21/offline-versus-onlineradicalisation-which-is-the-bigger-threat/> (Дата обращения: 31.03.2025); Wolbers H., Dowling C., Cubitt T., Kuhn C. Understanding and preventing internet-facilitated radicalisation. Trends and Issues in Crime and Criminal Justice. 2023. №673. P.1-17.

⁴⁹⁵ Hamid N., Ariza C. Offline versus online radicalization: Which is the bigger threat? Tracing outcomes of 439 jihadist terrorists between 2014–2021 in 8 Western countries.// Global Network on Extremism and Technology. 2022. <https://gnet-research.org/2022/02/21/offline-versus-onlineradicalisation-which-is-the-bigger-threat/> (Дата обращения: 31.03.2025).

В то же самое время, Н. Хамид обращает внимание на некоторую возрастную флюктуацию: между теми, кто радикализировался преимущественно вне сети Интернет, и теми, кто радикализировался преимущественно в сети Интернет: те, кто радикализировался преимущественно онлайн рождены с середины 90-х годов, те, кто радикализировался преимущественно вне сети (рождены с середины 80-х гг. до середины 90-х. гг.).

Кроме того, есть основания говорить о том, что женщины с большей вероятностью радикализируются онлайн по сравнению с мужчинами.

И хотя эмпирические результаты исследования Н. Хамида⁴⁹⁶ и говорят в пользу того, что тех, кто радикализировался вне сети Интернет — численно больше, что реализованные ими атаки представляются более опасными, так как обираются большей численностью жертв; тем не менее, роль сети Интернет не может быть проигнорирована и требует самого тщательного изучения в связи с анализом процесса легитимизации терроризма и учета особенностей групп, принадлежащих к различным поколениям.

На настоящий момент едва ли существует целостная модель, объясняющая место общения в сети Интернет в процессе радикализации, но то, что Интернет оказался крайне выгодным инструментом для рекрутования новых членов в руках террористических организаций, не представляет никаких сомнений, что и обсуждалось выше (Глава 1). В частности, как отмечается в отчете ООН⁴⁹⁷, широкий доступ террористических группировок к самой широкой аудитории посредством сети Интернет, позволяет не только оказывать влияние на эту аудиторию, рекрутовать новых бойцов, но и распространять дезинформацию, способствовать политической нестабильности.

4.2. Коммуникативные системы

Очевидно, что человек стал предпринимать первые попытки изменить мнение другого человека очень давно; это событие настолько удалено от современности, как отмечает И. Маркова, насколько и возникновение человеческого языка⁴⁹⁸. И с того времени изобретались и использовались самые разнообразные способы

---

⁴⁹⁶ Там же.

⁴⁹⁷ United Nations. A new era of violence and conflict (UN75 Issue Briefs series). United Nations Digital Library.2020. <https://digitallibrary.un.org/record/3898923?ln=en> (Дата обращения: 31.03.2025).

⁴⁹⁸ Marková I. Persuasion et Psychologie Sociale. Diogène.2007. Vol. 217. P. 3-6. DOI:10.3917/dio.217.0003.

убеждения, воздействия, риторики для того, чтобы изменить мнение другого человека (как следствие — воздействовать на его действие или бездействие). Социальная психология обратилась к изучению проблем, связанных с убеждением значительно позже (во времена Второй мировой войны); однако с тех пор этой проблеме посвящено значительное количество работ теоретического и экспериментального толка в различных областях социально-психологического знания, среди которых: социальное влияние, изменение установок, принятие социальных норм, коммуникация, пропаганда и пр.⁴⁹⁹ В настоящей главе мы ограничимся обсуждением только некоторых форм коммуникации. Особое внимание будет уделено рассмотрению пропаганды, поскольку именно она является инструментом воздействия, способом рекрутирования в террористическую организацию, а также оправдания соответствующих действий в пользу этой террористической группировки.

В литературе можно обнаружить разнообразные определения и схемы анализа пропаганды, само явление находится в фокусе интереса целого ряда социогуманитарных дисциплин, которые так или иначе говорят о воздействии или влиянии, а также о последствиях, которые происходят с человеком в итоге. С точки зрения И. Марковой⁵⁰⁰, пропаганда, убеждение, риторика — это понятия, которые в повседневной жизни и в социальных науках используются как взаимозаменяемые. В каждом случае — имеет место одна и та же цель: оказать влияние на человека и изменить его мнение, относительно интересующего вопроса. В каждом случае — коммуникативная система опирается на значительное количество разнообразных средств, например, лингвистические приемы в речевой коммуникации, невербальные системы, изображения. В стратегическом плане присутствует логика, совпадающая с двумя процессами убеждения, описанными Р. Петти и Дж. Качиоппо⁵⁰¹: центральным и периферийным. В первом случае индивид последовательно перерабатывает информацию, взвешивает все «за» и «против» и приходит к выводу о том, что стоит (или, наоборот, не стоит) изменять свою позицию в предлагаемом направлении. Здесь индивиду дается явная и ясная информация. Во втором же случае речь идет о трансляции скрытых смыслов, индивид не выполняет такой работы по переработке информации,

---

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ Marková I. Persuasion and Propaganda // Diogenes. 2008. Vol. 55. P. 37-51.
DOI:10.1177/0392192107087916

⁵⁰¹ Petty R.E., Cacioppo J.T. The effects of involvement on responses to argument quantity and quality: central and peripheral routes to persuasion // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. Vol. 46. P. 69–81.

изменение позиции связано с тем, что он принимает во внимание некоторые стимулы, находящиеся на периферии сообщения, к примеру, экспертность или привлекательность самого источника, привлекательность обстановки, в которой излагается информация. Полагаясь на такую информацию, индивид меняет свое решение в предлагаемом направлении, если валентность ключевых стимулов позитивная. Если же валентность этих стимулов негативная, то индивид, соответственно, оставляет свое мнение без изменений.

Для обсуждения классических форм массовой коммуникации (до возникновения Интернета) плодотворной видится идея С. Московиси, который, изучая образ психоанализа в 50-х годах XX века во Франции в логике теории социальных представлений, избрал печатные медиа для этого анализа. Предпринятый анализ позволил различать три типа таких форм с учетом их особенностей⁵⁰²: *распространение, воспроизведение и пропаганда* (см. Табл. 4.1).

Распространение нацелено на то, чтобы транслировать интересующую информацию максимально широкой аудитории, не являющейся высоко структурированной. Эта система коммуникации не предусматривает опоры на особенности аудитории, стиль повествования характеризуется нейтральностью (чтобы не возникало ощущения, что сообщение направлено на какую-то особенную группу, категоризованную по социально-демографическому, культурному и идеологическому принципу). Источник коммуникации нацелен на побуждение интереса к сообщаемой теме, используя простые конструкции, доступные обширной и гетерогенной аудитории. Цель этой коммуникативной системы заключается в том, чтобы каждый мог сформировать свое мнение о новом объекте или явлении, о котором повествует источник информации. Как отмечает С. Московиси, коммуникация предполагает воздействие на определенное поведение, не настаивая, при этом, на связи между коммуникацией и поведением, эти отношения видятся случайными⁵⁰³. Позитивные аргументы, касающиеся нового объекта, соседствуют с негативными. Сообщения одного того же источника выглядят автономными. Источник информации дистанцируется от объекта коммуникации, а такая кажущаяся невовлеченность источника коммуникации предполагает определенную свободу между источником и аудиторией. Не позиционируя в открытом виде адаптацию какого-то конкретного поведения, эта форма коммуникации может быть эффективна, на что обращает внимание

⁵⁰² Moscovici S. La psychanalyse, son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France. 1976. 506 p.

⁵⁰³ Там же.

С. Московиси⁵⁰⁴. В большей степени эта форма коллективной коммуникации соответствует популяризации научного знания⁵⁰⁵.

Две другие формы коллективной коммуникации — воспроизведение и пропаганда — являются специфическими формами коллективной коммуникации в том смысле, что они учитывают определенную аудиторию, к которой обращаются, а также принимают во внимание ценности, принципы, образ мира этой определенной аудитории. Очевидно, что в обоих случаях коммуникатор нацелен на аудиторию меньшего объема, более гомогенную, стиль коммуникации приобретает здесь определенную специфику. В противоположность этим формам коллективной коммуникации, распространение ориентировано скорее на индивида, чем на группу.

Таблица 4.1

Формы коллективной коммуникации (Moliner, 2016)*

		Апелляция к принципам, ценностям и идеологии	
		Не используется	Используется
Направленность коммуникации на специфическую аудиторию	Не используется	распространение,** реклама, беллетристика	институциональная коммуникация, (политическая) реклама, беллетристика
	Используется	информация, реклама	воспроизведение**, пропаганда,** реклама

* За основу авторами была взята классификации, предложенная П. Молине⁵⁰⁶, однако в нее были добавлены формы коммуникации, по результатам анализа работы Ф. Бушини и Ф. Лоренци-Сиольди⁵⁰⁷. В частности, реклама может быть сходна с распространением, когда речь идет о новом продукте, с воспроизведением, когда речь идет о поддержании той или иной марки, наконец — с пропагандой, когда транслируемая источником идея направлена на очернение конкурента⁵⁰⁸.

** классические формы коллективной коммуникации, сформулированные С. Московиси⁵⁰⁹.

⁵⁰⁴ Там же.

⁵⁰⁵ Buschini F., Lorenzi-Cioldi F. Représentations sociales. In L. Bègue, O. Desrichard (eds.). *Traité de psychologie sociale. La science des interactions humaines*. Bruxelles: De Boeck Supérieur. 2013. P.393-415.

⁵⁰⁶ Moliner P. *Psychologie sociale de l'image*. Presses Universitaires de Grenoble. 2016. 166 p.

⁵⁰⁷ Buschini F., Lorenzi-Cioldi F. Représentations sociales. In L. Bègue, O. Desrichard (eds.). *Traité de psychologie sociale. La science des interactions humaines*. Bruxelles: De Boeck Supérieur. 2013. P.393-415.

⁵⁰⁸ Там же.

⁵⁰⁹ Moscovici S. *La psychanalyse, son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France. 1976. 506 p.

Так, в случае **воспроизведения** нацеленность на определенные группы, имеющие сходные взгляды относительно некоторого явления, источник коммуникации опирается на нормы и ценности группы, позиция источника коммуникации, таким образом, не является нейтральной, аудитория, к которой он обращается, знает об этом⁵¹⁰. Таким образом, трансляция новой информации происходит через призму знакомых категорий и идей, разделяемых группой взорений. Источник информации стремится к тому, чтобы вписать новую информацию в понятную для аудитории систему категорий. Как отмечает С. Московиси, цель коммуникатора здесь не в том, чтобы спровоцировать новое поведение или усилить существующее, но в том, чтобы «придать текущему или вероятному поведению смысл, которого у них не было ранее»⁵¹¹. С точки зрения формы самого сообщения, источник коммуникации периодически апеллирует к принципам и ценностям, разделяемым с аудиторией, к которой он обращается⁵¹².

В случае **пропаганды** источник использует опору на идеологическую ориентацию, которую он разделяет с аудиторией. Основная задача этой формы коллективной коммуникации заключается в усилении идентичности членов группы и побуждении к действию. Наилучшим способом сплочения группы оказывается указание на врага⁵¹³.

Если воспроизведение — скорее нацелено на укрепление норм группы, то пропаганда — акцентирует внимание на конфликте с аутгруппой.⁵¹⁴ Пропаганда нацелена на получение автоматического, реактивного поведения. Если в случае воспроизведения речь идет о формировании аттитюдов, относительного объекта коммуникации, то в случае пропаганды — речь идет о стереотипах.

Таким образом, С. Московиси, разрабатывая теорию социальных представлений в середине 50-х гг., предпринял анализ массовой коммуникации о психоанализе, что позволило ему сформулировать эти три формы коллективной коммуникации, которые по-прежнему используются в современных медиа. Возникновение и интервенция в повседневную жизнь Интернета, несомненно,

---

⁵¹⁰ Moliner P. Psychologie sociale de l'image. Presses Universitaires de Grenoble. 2016. 166 p.

⁵¹¹ Moscovici S. La psychanalyse, son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France. 1976. p.374.

⁵¹² Moliner P. Psychologie sociale de l'image. Presses Universitaires de Grenoble. 2016. 166 c.

⁵¹³ Moscovici S. La psychanalyse, son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France. 1976, p.374.

⁵¹⁴ Buschini F., Guillou E. Diffusion, Propagation, Propaganda: And Then Came Effusion/A New Mode of Communication for Social Representations// Papers on Social Representations. 2022. Vol.31.

породили новые формы коллективной коммуникации. В рамках современного развития теории социальных представлений предлагается говорить о новой системе коммуникации, сформулированной Ф. Бушини, эффузии⁵¹⁵. Стороны коммуникации обладают равными статусами, их позиция власти в процессе коммуникации взаимозаменяемы, асимметрия статуса, характерная для обозначенных выше систем, — отсутствует. Эта система вполне соответствует изменениям процесса коммуникации, о которых речь шла выше⁵¹⁶. Цели коммуникатора и аудитории в случае эффузии, отличаются от тех, которые были описаны С. Московиси⁵¹⁷. Здесь предполагается как обмен информацией, так и впечатлениями, оценками, чувствами и эмоциями. Ф. Бушини проводит аналогии между этой системой коммуникации и слухами, поскольку в обоих случаях информация передается от коммуникатора к реципиенту, каждый из них — взаимозаменяется и обладает равным статусом⁵¹⁸. Эта система коммуникации подразумевает не только ориентацию на других, но и активное вовлечение в коммуникацию ее участников, что объясняет трансформации общения в сети Интернет.

Предлагая последующее развитие изначальных идей С. Московиси о трех классических формах коллективной коммуникации (распространение, воспроизведение, пропаганда), Дж. Дювин⁵¹⁹, обращает внимание на тот факт, что анализ прессы, предпринятый С. Московиси, по сути, позволяет говорить о том, что существуют различные формы социально-психологической организации, которые основаны на различных формах коммуникации. Каждую форму коммуникации характеризует определенная форма аффилиацию, соответственно, распространению соответствует симпатия, воспроизведению — таинство, пропаганде — солидарность.

---

⁵¹⁵ Buschini F. Diffusion, propagation, propagande : et après ? L'effusion, un nouveau mode de communication médiatique pour l'étude des représentations sociales // Paper presented at the EASP Small group meeting in honor of Serge Moscovici. 2016.17—18 Novembre.

⁵¹⁶ Marzouki Y. La conscience collective virtuelle : un nouveau paradigme des comportements collectifs en ligne. In G. Lo Monaco, S. Delouvée, P. Rateau (eds.). Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications. Bruxelles: De Boeck Supérieur. 2016. P. 413-415.

⁵¹⁷ Moscovici S. La psychanalyse, son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France. 1976. 506 p.

⁵¹⁸ Buschini F. Diffusion, propagation, propagande : et après ? L'effusion, un nouveau mode de communication médiatique pour l'étude des représentations sociales // Paper presented at the EASP Small group meeting in honor of Serge Moscovici. 2016.17—18 Novembre.

⁵¹⁹ Duveen G. Social actors and social groups: A return to heterogeneity in social psychology// Journal for the theory of social behaviour. 2008. Vol. 38. P. 369-374.

Таблица 4.2

Общая характеристика форм коллективной коммуникации*

Критерии сравнения	Формы коллективной коммуникации			
	Распространение	Эффузия	Воспроизведение	Пропаганда
Нацеленность на определенную аудиторию	отсутствует	отсутствует	присутствует	присутствует
Использование принципов ценностей, идеологии	отсутствует	отсутствует	присутствует	присутствует
Отношения между источником и аудиторией	источник скрывает позицию власти	симметричные отношения между источником и аудиторией	асимметричные отношения между источником и аудиторией	асимметричные отношения между источником и аудиторией
Тип социальной модели	автономия	совместное использование	руководящая и направляющая линия в соответствии с нормативными требованиями	повторяющаяся и направляющая линия в соответствии с нормативными требованиями
Формы аффилиации**	интерес	симпатия/антисимпатия	таинство	сплоченность
Структура сообщения	отсутствие порядка	отсутствие порядка	наличие системы	наличие бинарной системы
Целенаправленное воздействие на поведение	создание возможностей на уровне поведения	быстрое реактивное поведение	контроль за поведением	создание реактивного поведения
Когнитивная модальность	мнение	суждение	аттитюд	стереотип

* Таблица основана на анализе форм коллективной коммуникации, предложенной С. Московиси⁵²⁰, а также с учетом системы, предложенной Ф. Бушини и Э. Гиллу.

** Изначально формы аффилиации, предложенные Дж. Дювином, были в некоторой степени модифицированы Ф. Бушини⁵²¹.

⁵²⁰ Buschini F, Guillou E. Diffusion, Propagation, Propaganda: And Then Came Effusion/A New Mode of Communication for Social Representations// Papers on Social Representations. 2022. Vol. 31; Moscovici S. La psychanalyse, son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France. 1976. 506 p.

⁵²¹ Buschini F, Guillou E. Diffusion, Propagation, Propaganda: And Then Came Effusion/A New Mode of Communication for Social Representations// Papers on Social Representations. 2022. Vol.31.

Общая характеристика классических и новой форм коллективной коммуникации представлена в Табл. 4.2.

Формы коллективной коммуникации (воспроизведение и пропаганда) используются террористическими организациями для воздействия и рекрутования новых членов, о чем свидетельствуют исследования изданий массмедиа, распространяемых террористическими организациями⁵²².

Потенциал новой коммуникативной системы — эфузии — несомненно, велик, если учитывать возможности конструирования реальности в сети Интернет и специфику процесса общения онлайн, о которой говорилось выше. Теперь каждый реципиент становится коммуникатором, что облегчает задачу распространения идей от имени террористической организации. Проиллюстрировать это можно на примере радикализации женщин и их роли в террористических организациях. Так, как уже отмечалось выше (Глава 1), женщины, среди прочих ролей, выступают коммуникаторами в сети Интернет, рассказывая о своем стиле жизни, анализируя его⁵²³. Кроме того, как отмечает Ф. Хосрохавар⁵²⁴, после неудач ИГИЛ* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ), Интернет стал основным пространством распространения информации этой террористической организацией. С этой точки зрения, едва ли возможно проигнорировать роль коммуникации в сети Интернет в связи с воздействием, оказываемым террористическими группировками.

4.3. Стратегии влияния террористических организаций

В современном мире террористические организации активно используют все эти достижения цивилизации, как отмечалось в Главе 1, они, по сути, встраиваются в глобализированную систему, сливаются с ней⁵²⁵, используют самые

⁵²² Conesa P., Huyghe F.B., Chouraqui M. La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux. FMSH. Observatoire des radicalisations. Paris. 2016. 230 p.; Moliner P., Bovina I., Tikhonova A. Images propagatrices et textes propagandistes dans la communication islamiste // 12ème édition du Congrès International de Psychologie Sociale en Langue Française, Louvain-la-Neuve, 4–6 juillet 2018. Louvain-la-Neuve. 2018.

⁵²³ Spencer A.N. The Hidden Face of Terrorism: An Analysis of the Women in Islamic State // Journal of Strategic Security. 2016. Vol. 9. P. 74—98. DOI:10.5038/1944-0472.9.3.1549

⁵²⁴ Чайников Ю.В. Хосрохавар Ф. Кибер-Халифат ИГИЛ* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ). Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // Carnet du CAPS. Paris. 2018. № 26. P. 89—100 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и Африканистика. Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 96—99.

⁵²⁵ Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик. 2017. 226 с.

последние достижения и преимущества цивилизации для того, чтобы бороться с этой самой цивилизацией. Используя возможности сети Интернет террористическим организациям удается теперь сделать то, что практически невозможно было бы даже вообразить до появления этого технического средства: для установления и развития контактов открываются колоссальные аудитории по своим размерам и географическому охвату. С помощью сети Интернет и социальных медиа становится доступным рекрутирование в свои ряды все новых и новых бойцов, контроль их действия, управление их деятельностью на расстоянии⁵²⁶.

Примечательна трансформация стратегии воздействия, используемой террористическими организациями, как с точки зрения содержания, так и формы. Как отмечает Ф. Хосрохавар, Аль-Каида* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ) не предпринимала попыток упрощения и донесения до широких слоев теологических идей джихадистского ислама⁵²⁷. В случае ИГИЛ* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ) информационная политика приняла другие очертания, расширив аудиторию, используя не только арабоязычное пространство⁵²⁸. Если в центре коммуникативной стратегии Аль-Каиды* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ) находился лидер организации, на что и указывает анализ, предпринятый С. Коэном с коллегами⁵²⁹, то в случае ИГИЛ* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ) — ключевой фигурой повествования становится рядовой боец⁵³⁰.

В работе С. Коэна с коллегами⁵³¹ излагаются результаты психолингвистического анализа речей лидеров Аль-Каиды* (*признана террористической

⁵²⁶ Conesa P., Huyghe F.B., Chouraqui M. La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux. FMSH. Observatoire des radicalisations. Paris. 2016. 230 p.

⁵²⁷ Чайников Ю.В. Хосрохавар Ф. Кибер-Халифат ИГИЛ* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ) Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // Carnet du CAPS. Paris. 2018. № 26. Р. 89—100 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и Африканистика. Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 96—99.

⁵²⁸ Там же.

⁵²⁹ Cohen S.J., Kruglanski A., Gelfand M.J., Webber D., Gunaratna R. Al-Qaeda's propaganda decoded: A psycholinguistic system for detecting variations in terrorism ideology // Terrorism and Political Violence. 2016. P. 1—30. DOI: 10.1080/09546553.2016.1165214

⁵³⁰ Hamid N., Atran S., Gomez A., Ginger J., Sheikh H., López-Rodríguez L., Vázquez A. Terror networks: their ecologies and evolution // 18th General Meeting of the European Association of Social Psychology. Granada. 2017, July 5–8.

⁵³¹ Cohen S.J., Kruglanski A., Gelfand M.J., Webber D., Gunaratna R. Al-Qaeda's propaganda decoded: A psycholinguistic system for detecting variations in terrorism ideology // Terrorism and Political Violence. 2016. P. 1—30. DOI: 10.1080/09546553.2016.1165214

организацией, запрещена в РФ). На основе комбинированного (компьютерный и ручной) анализа текстов авторы выделяют 19 основных идеологических составляющих речей. Часть этих категорий касается экстремизации врага (например, «враг — крайне гомогенен», «враг — крайне мощный/многочисленный», «враг — крайне негативный» (примитивный, кровожадный, мстительный и пр.), «враг должен быть побежден»). Другая часть описывает экстремизацию ингруппы (или жертвы этого врага): «мы — совершенно едины», «мы должны придерживаться доктрины», «мы совершенно невинны/добры/добродетельны», «невероятное количество наших страдает от врага», «насилие — единственный способ разгромить врага/улучшить нашу ситуацию» и пр.). Авторы выявили идеологические различия по этим ключевым составляющим в зависимости от региона и лидера. Очевидна важность и значимость полученных результатов с точки зрения анализа сообщений, распространяемых террористическими организациями. Эта иллюстрация анализа речей лидеров террористических организаций позволяет сделать важные заключения.

Во-первых, возвращаясь к моделям радикализации, очевидно, что дискурс такого толка усиливает оппозицию «Мы»-»Они», направлен на поддержание сплоченности ингруппы, а также указывает на врага и действия с ним. Анализ коммуникативных стратегий является солидным дополнением к изучению процесса радикализации.

Во-вторых, результаты предпринятого исследования дополняют идеи, сформулированные специалистами по безопасности в их сравнительном анализе коммуникативных стратегий террористических организаций⁵³².

В-третьих, хотя у исследователей, несомненно, имеются современные технологии, позволяющие быстро реализовывать контент-анализ значительного массива данных, по сравнению с эпохой Б. Берельсона и Г. Лассуэлла⁵³³, и не требуют специальных процедур по разработке категориальной сетки, инструкции для кодировщиков, а также анализу надежности категориальной сетки и согласованности кодировщиков, тем не менее, суть метода контент-анализ по-прежнему остается актуальной и востребованной для анализа массовой коммуникации (см. Приложение 2).

---

⁵³² Conesa P., Huuyghe F.B., Chouraqui M. La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux. FMSH. Observatoire des radicalisations. Paris. 2016. 230 p.

⁵³³ Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации. М.: Аспект пресс. 2008. 191 с.

Более того, самым главным заключением является тезис о необходимости определенной теоретической модели, которая объясняла бы функционирование коммуникативной стратегии. Причем, как отмечают М. Вергани и А.-М. Блиюк, едва ли есть исследования, которые могли бы говорить о соотношении психологических параметров стратегии воздействия и особенностях аудитории, которой адресована коммуникация⁵³⁴. Логика форм коллективной коммуникации, предложенная С. Московиси⁵³⁵, позволяет приблизиться к ответу на этот вопрос.

На преобразование форм воздействия обращает особенное внимание Ф. Хосрохавар⁵³⁶. Сравнение специфики воздействия, которую использовала террористическая организация Аль-Каида* (*признана террористической организацией, запрещена в РФ) со спецификой воздействия ИГИЛ*(*признана террористической организацией, запрещена в РФ), дает основания говорить о серьезных модификациях в стратегии. В частности, в стратегии воздействия, разработанной ИГИЛ*(*признана террористической организацией, запрещена в РФ), стали использоваться популярные темы из западных сериалов, видеоигр, рекламы, музыкальных произведений.

Итак, знакомый контекст (будь то аудио- или видео-) приобретает новый смысл за счет того, что в легко всплывающие в памяти образы встраиваются новые идеи — терроризма. Например, как указывает Ф. Хосрохавар, звучит крайне известный лозунг из рекламы «Потому что вы этого достойны!» или возникают аллюзии со сценами из знакомых сериалов, но все это сочетается с новыми смыслами.

В очередной раз можно подчеркнуть, что такая стратегия воздействия является наглядной иллюстрацией идеи, высказанной Ж. Бодрийяром, относительно встроенности террористической организации в глобализированную систему и использования этой системы для борьбы с ней же самой⁵³⁷. Как следствие,

⁵³⁴ Vergani M., Bliuc A.-M. The Language of New Terrorism: Differences in Psychological Dimensions of Communication in Dabiq and Inspire. //Journal of Language and Social Psychology. 2018. Vol. 37. P.523–540. DOI:10.1177/0261927X17751011

⁵³⁵ Moscovici S. La psychanalyse, son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France. 1976. 506 р.

⁵³⁶ Чайников Ю.В. Хосрохавар Ф. Кибер-Халифат ИГИЛ*(*признана террористической организацией, запрещена в РФ). Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // Carnet du CAPS. Paris. 2018. № 26. Р. 89—100 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и Африканистика. Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 96—99.

⁵³⁷ Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик. 2017. 226 с.

слияние террористической организации с глобализированной системой несет в себе серьезную опасность для современной цивилизации и требует постоянной разработки все новых и новых систем противодействия терроризму.

С точки зрения Ф. Хосрохавара, трансформация стратегии коммуникации с использованием новых технологий с появлением ИГИЛ*(*признана террористической организацией, запрещена в РФ) обусловлена двумя ключевыми факторами: во-первых, у этой террористической организации имелись значительные финансовые ресурсы для развития и совершенствования информационной политики. Во-вторых, были привлечены специалисты, получившие образование в Западных странах⁵³⁸. Кроме того, если в случае Аль-Каиды *(признана террористической организацией, запрещена в РФ) не ставилось задачи упростить теологические аспекты, используемые для привлечения новых членов, а также в выходе за пределы арабоязычного пространства⁵³⁹; то информационная политика ИГИЛ*(*признана террористической организацией, запрещена в РФ) в первую очередь акцентирует внимание, как отмечает Ф. Хосрохавар, на «пропаганде радикального ислама»⁵⁴⁰, а также на расширении пространства, которому были адресованы идеи террористической организации. Таким образом, террористическая организация выпускала издание на ряде европейских языков, стремясь привлечь на свою сторону новые силы, обращаясь в первую очередь к мусульманам, проживающим в странах Западной Европы, а также в Австралии с США. Ключевые особенности так называемой *кампании стратегических коммуникаций* ИГИЛ*(*признана террористической организацией, запрещена в РФ) состоят в следующем: многомерность коммуникации; обращение на себя внимания мировых СМИ, использование социальных сетей⁵⁴¹.

Модернизация содержательных аспектов стратегии воздействия, а также новаторство способов передачи информации обрело самые различные форматы. Как отмечалось выше, женщины получили возможность иметь свое публичное пространство в сети Интернет, где они могут высказывать свою позицию, уча-

⁵³⁸ Чайников Ю.В. Хосрохавар Ф. Кибер-Халифат ИГИЛ*(*признана террористической организацией, запрещена в РФ). Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // Carnet du CAPS. Paris. 2018. № 26. Р. 89—100 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и Африканистика. Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 96—99.

⁵³⁹ Там же.

⁵⁴⁰ Там же, с.97.

⁵⁴¹ Ingram H.J. An analysis of Islamic State's *Dabiq* magazine. // Australian Journal of Political Science.2016. Vol.51. P. 458—477. DOI:10.1080/10361146.2016.1174188

ствовать в обсуждениях, сохраняя при этом свою анонимность⁵⁴². Такая модернизация информационной кампании имело свои результаты, дало возможность террористической организации привлечь на свою сторону новые силы.

Исследования издания, выпускаемого ИГИЛ*(*признана террористической организацией, запрещена в РФ), позволяют говорить о следующей специфике используемых коммуникативных стратегий. Так, основная стратегическая линия коммуникации издания направлена на конструирование внутригрупповой идентичности, создание образа Другого (по сути — врага), кризис, о котором повествуется в материалах издания, связывается с аутгруппой, решение — ассоциируется с ингруппой. Читателям транслируется «альтернативная система смыслов», которая используется как призма взгляда на мир и способствует радикализации⁵⁴³. Если вернуться к моделям, объясняющим радикализацию (Глава 2), то можно заметить, что система коммуникации, транслирующая «альтернативную систему смыслов», является необходимым компонентом процесса легализации терроризма.

Выше уже отмечался тот факт, что в современном информационном мире доминирует визуальная риторика⁵⁴⁴, что можно говорить о целом ряде связанных с этим изменений⁵⁴⁵: если для поколения родителей современных подростков и молодежи тексты обладали «легитимной властью», то для самих подростков и молодежи именно изображения, визуальная риторика, приобрели легитимную власть. И террористические организации умело выстраивает стратегию коммуникации в полном соответствии с этими изменениями, принимая во внимание риторику «визуальной культуры» современности, говоря на языке, привычном для представителей подростково-молодежной среды. С одной стороны, на доминирование изображений в экстремистских изданиях уже неоднократно

---

⁵⁴² Чайников Ю.В. Хосрохавар Ф. Кибер-Халифат ИГИЛ*(*признана террористической организацией, запрещена в РФ). Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // Carnet du CAPS. Paris. 2018. № 26. Р. 89—100 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и Африканистика. Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 96—99.

⁵⁴³ Ingram H.J. An analysis of Islamic State's *Dabiq* magazine // Australian Journal of Political Science. 2016. Vol.51. P. 458—477. DOI:10.1080/10361146.2016.1174188

⁵⁴⁴ Rose G. On the relation between 'visual research methods' and contemporary visual culture // Sociological Review. 2014. Vol. 62. P. 24 — 46. DOI:10.1111/1467-954X.12109

⁵⁴⁵ Kalmus V. Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In D. Macedo, S.R. Steinberg (eds.). Media Literacy: A Reader. New York: Peter Lang. 2007. P. 157—165.

указывалось в литературе, в частности, специалистами в области безопасности⁵⁴⁶. С социально-психологической точки зрения, факт преобладания изображений над текстами несложно объяснить: это способ преодоления языковых барьеров, поскольку открывается возможность беспрепятственно обращаться к еще более многочисленной аудитории в различных географических точках планеты. Отсюда можно ожидать, что визуальные аспекты экстремистского воздействия более не зависят от контекста, специфичного для каждой культуры. Этим достижением достаточно успешно пользуются современные террористические организации. С другой стороны, изображения, благодаря своей аффективной составляющей, нацелены на усиление того сообщения, которое транслируется в тексте. Отсюда, если сами изображения задуманы для воздействия на аудиторию, на призыв к определенным действиям, тогда эти изображения будут только способствовать актуализации идеи, соответствующей тому, о чем говорится в соответствующем тексте. Своего рода иллюстрацию такого сочетания обнаруживаем на примере результатов сравнительного исследования стратегии коммуникации в текстах и изображениях, используемых изданиями Аль-Каиды^{*}(*признана террористической организацией, запрещена в РФ) и ИГИЛ^{*}(*признана террористической организацией, запрещена в РФ)⁵⁴⁷. Заметим, что в исследованиях, в которых авторы стремятся «расшифровать» суть коммуникативных стратегий террористических организаций, внимание сфокусировано на анализе текстов⁵⁴⁸, публикуемых в соответствующих изданиях, при

⁵⁴⁶ Чайников Ю.В. Хосрохавар Ф. Кибер-Халифат ИГИЛ^{*}(*признана террористической организацией, запрещена в РФ). Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // Carnet du CAPS. Paris. 2018. № 26. Р. 89—100 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и Африканистика. Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 96—99.; Conesa P., Huyghe F.B., Chouraqui M. La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux. FMSH. Observatoire des radicalisations. Paris. 2016. 230 p.

⁵⁴⁷ Moliner P., Bovina I., Tikhonova A. Images propagatrices et textes propagandistes dans la communication islamiste. 12ème édition du Congrès International de Psychologie Sociale en Langue Française (Louvain-la-Neuve, 4–6 juillet 2018). Louvain-la-Neuve.

⁵⁴⁸ Cohen S.J., Kruglanski A., Gelfand M.J., Webber D., Gunaratna R. Al-Qaeda's propaganda decoded: A psycholinguistic system for detecting variations in terrorism ideology // Terrorism and Political Violence. 2016. P. 1—30. DOI: 10.1080/09546553.2016.1165214; Hamid N., Atran S., Gomez A., Ginger J., Sheikh H., López-Rodríguez L., Vázquez A. Terror networks: their ecologies and evolution // 18th General Meeting of the European Association of Social Psychology. Granada. 2017, July 5–8; Ingram H.J. An analysis of Islamic State's *Dabiq* magazine. // Australian Journal of Political Science. 2016. Vol.51. P. 458–477. DOI:10.1080/10361146.2016.1174188; Vergani M., Bliuc A.-M. The Language of New Terrorism: Differences in Psychological Dimensions of Communication

этом игнорируется визуальная составляющая, несущая очень важную смысловую нагрузку. С одной стороны, очень банальное объяснение игнорирования изображений в изданиях, выпускаемых террористическими организациями, заключается в том, что современные технологии позволяют анализировать значительные по объему базы текстовых данных, по сути, используя компьютерный контент-анализа (анализ этого метода излагается в Приложении 2). Однако возможности автоматического анализа изображений не достигли необходимого уровня, что объясняет редкость исследований, в которых бы анализировались изображения. С другой — можно усмотреть более содержательное объяснение, которое касается необходимости соответствующей теоретической рамки, которая позволила бы проинтерпретировать результаты контент-анализа текстовой и иконической составляющей сообщения.

В этой связи, обсуждаемое здесь исследование, является едва ли не единственным, в котором исследователи, проанализировали одновременно и тексты, и изображения, представленные в изданиях.

Изображения транслируют позитивный образ бойца, привлекая таким образом новых членов террористической организации, предлагая новую групповую идентичность. Сами же тексты — направлены на укрепление чувства принадлежности, они обозначают врага и призывают к определенным действиям против него. Если обратиться к обозначенным выше формам коллективной коммуникации⁵⁴⁹, то можно говорить о том, что изображения выстроены в логике коммуникативной системы воспроизведения (коммуникатор адресует свое сообщение группе, чьи ценности и принципы ему известны, встраивая в эту картину мира новую информацию). Тексты выстроены в логике коммуникативной системы пропаганды (когда коммуникатор адресует свое сообщение группе, чьи ценности ему известны, а его задача в сплочении группы, путем обозначения врага и направления коллективных действий в отношении этого врага). Эти результаты вполне соотносятся с теми, что были получены Х. Ингра-мом⁵⁵⁰, в результате анализа изданий ИГИЛ*(*признана террористической организацией, запрещена в РФ).

---

in Dabiq and Inspire. //Journal of Language and Social Psychology. 2018. 37(5), 523-540. DOI:10.1177/0261927X17751011

⁵⁴⁹ Moscovici S. La psychanalyse, son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France. 1976. 506 p

⁵⁵⁰ Ingram H.J. An analysis of Islamic State's *Dabiq* magazine. // Australian Journal of Political Science.2016. Vol.51. P. 458–477. DOI:10.1080/10361146.2016.1174188

В настоящей главе нами был предпринят социально-психологический анализ особенностей воздействия, сопряженного с тем, что процесс радикализации в современном мире разворачивается в цифровую эпоху, когда террористические организации используют все достижения цивилизации для реализации своих целей. Как уже обсуждалось выше (Глава 1), террористические организации встраиваются в глобализированную систему, сливаются с ней⁵⁵¹, используют преимущества цивилизации (в частности, достижения научно-технического прогресса) для того, чтобы бороться с ней самой.

Важно отметить, что система противодействия радикализации и терроризму в современном цифровом мире предполагает разработку системы действий на опережение, своего рода предвосхищение шагов представителей террористических организаций.

4.4. Контрольные задания

1. Общение в цифровую эпоху

Дайте общую характеристику процесса общения в Интернет-пространстве. На основе текста выделите ключевые изменения, произошедшие в процессе общения с развитием Интернет-технологий. Как, по Вашему мнению, эти изменения влияют на реальные социальные взаимодействия? Сформулируйте общую характеристику классических форм коллективной коммуникации, описанных С. Московиси. В чем их отличие от новой формы коммуникации, предложенной Ф. Бушини?

2. Эффект растормаживания онлайн

Дайте определение эффекту растормаживания в Интернете. Опишите две его формы (добропачественную и токсичную), приведите примеры. Объясните, как модель Дж. Сулера помогает понять причины этого феномена. Предложите способы минимизации негативного растормаживания в соцсетях.

3. Критический анализ: «Цифровой человек» vs «аналоговое сознание»

Охарактеризуйте «аналоговое сознание» и «цифровое состояние» (по Ш. Баху и Э. Леви).

Напишите эссе (1–2 страницы) на тему: «Как цифровая среда меняет нашу идентичность?» (используйте примеры из текста и личный опыт).

---

⁵⁵¹ Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик. 2017. 226 с.

4. Слухи в цифровую эпоху

Используя текст, дайте определение слухам и назовите их ключевые функции. Опишите три процесса, которые происходят при передаче слухов (по Г. Олпорту и Дж. Постмену). Сравните распространение слухов в непосредственном общении и при общении в Интернет-пространстве. Какие факторы ускоряют или замедляют их циркуляцию в Интернете?

5. Интернет и радикализация

Дайте общую характеристику специфики стратегий воздействия, используемых террористическими группировками. Объясните роль коммуникации в процессе радикализации. Как Интернет способствует процессу радикализации (по мнению Ф. Хосрохавара и С. Этрана)? Какие группы людей более подвержены онлайн-радикализации и почему? Опишите противоречивые факты о роли Интернета в радикализации. Можно ли считать Интернет главным инструментом радикализации, или он лишь усиливает уже существующие тенденции? Аргументируйте.

Сформулируйте практические рекомендации по разработке профилактических мер, основываясь на материале настоящей главы.

Глава 5

ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Радикализм и экстремизм имеют самые серьезные последствия для жизни человека, представляют угрозу существованию человечества. В заключительной, пятой, части нашего учебного пособия в фокусе внимания будет находиться проблема дерадикализации.

Стоит сразу оговориться, что по проблеме радикализации имеется значительное количество самых различных текстов (теоретического или эмпирического толка, принадлежащих перу не только представителей отраслей психологии, но целому ряду различных дисциплин — будь то правовые и политические науки, социология, культурная антропология и пр.). Серьезная часть текстов относится к категории так называемой «серой литературы», которая едва ли рассматривается в систематических обзорах по проблеме. Аналогичным образом обстоит дело и с проблемой дерадикализации, кроме того, этот процесс попал в фокус внимания исследователей несколько позже⁵⁵². Чрезвычайная важность социального запроса на мероприятия по дерадикализации, отчасти, оправдывает существования многообразных программ, вопрос действенности которых остается открытым.

5.1. Основные принципы разработки превентивных мероприятий по дерадикализации

Дискуссия о том, что такое дерадикализация масштабна, как и в случае понятий *терроризм* и *радикализация*. Исследователи соотносят категорию *дерадикализации* с рядом других понятий, например, деиндоктринация, прекращение терро-

⁵⁵² Карпачева О.В., Нефляшева Н.А. Опыт дерадикализации исламского движения в Египте и России// Журнал исторических исследований. 2018.№4. С.18-32; Grip L., Kotajoki J. Deradicalisation, disengagement, rehabilitation and reintegration of violent extremists in conflict-affected contexts: a systematic literature review// Conflict, Security and Development. 2019. Vol.19. P.371-402. DOI:10.1080/14678802.2019.1626577; Horgan J. Deradicalization or Disengagement? A Process in Need of Clarity and a Counterterrorism Initiative in Need of Evaluation// Perspective on terrorism. 2008.Vol.2. P.3-8; Syafiq M. Deradicalisation and Disengagement from Terrorism and Threat to Identity: An Analysis of Former Jihadist Prisoners' Accounts// Psychology and Developing Societies. 2019.Vol. 31. P. 227–251. DOI:10.1177/0971333619863169

ристической деятельности (авторы не нашли более точного способа определить *disengagement*). Кроме того, предпринимается попытка поставить в один ряд с дерадикализацией такие процессы, как реабилитация, диалог, перевоспитание, реинтеграция и ресоциализация⁵⁵³, что, соответственно, определяет основополагающий механизм, по которому происходит прекращение участия в террористической деятельности, а также структуры, на которые необходимо оказывать воздействие, которое, в конечном счете, приведет к дерадикализации индивида.

Выше отмечалось, что проблемы терроризма и его легитимизации находятся в фокусе внимания ряда дисциплин. То же самое касается и проблемы дерадикализации.

В целом, апеллируя к идее М. Элшими, проблема дерадикализации является территорией, не обозначенной на карте⁵⁵⁴, поскольку требуется теоретический анализ проблемы, а также проверка концептуальных построений в экспериментальных исследованиях. Очевидно, что существует своего рода зазор между имеющимся теоретическим знанием и запросами практики, ибо со времен 11.09.2001 проблема дерадикализации стала чрезвычайно актуальной. При всем при этом в различных странах действуют превентивные программы по дерадикализации⁵⁵⁵.

В самом общем виде обозначим три подхода, на которых базируются программы по дерадикализации, направленные на тех, кто принял участие в террористической деятельности: 1) нацеленный на изменение поведения (не затрагивая при этом причин поведения — убеждения, которые приводят к террористической деятельности, ибо этот пласт является *частной сферой*, воздействие направлено — на симптом). Такая стратегия, с опорой на анализ

---

⁵⁵³ Grip L., Kotajoki J. Deradicalisation, disengagement, rehabilitation and reintegration of violent extremists in conflict-affected contexts: a systematic literature review// Conflict, Security and Development. 2019. Vol.19. P.371-402. DOI:10.1080/14678802.2019.1626577; Horgan J. Deradicalization or Disengagement? A Process in Need of Clarity and a Counterterrorism Initiative in Need of Evaluation// Perspective on terrorism. 2008.Vol.2. P.3-8; Syafiq M. Deradicalisation and Disengagement from Terrorism and Threat to Identity: An Analysis of Former Jihadist Prisoners' Accounts// Psychology and Developing Societies. 2019.Vol. 31. P. 227–251. DOI:10.1177/0971333619863169

⁵⁵⁴ Elshimi M.S. Introduction. In M.S. Elshimi (ed.). De-Radicalisation in the UK Prevent Strategy: Security, Identity and Religion. Abingdon: Routledge. 2017.P.1-19; Guidère M. Atlas du terrorisme islamiste: d'Al-Qaida à Daech. Paris: Editions Autrement. 2017. 95 p.

⁵⁵⁵ Elshimi M.S. Introduction. In M.S. Elshimi (ed.). De-Radicalisation in the UK Prevent Strategy: Security, Identity and Religion. Abingdon: Routledge. 2017.P.1-19.

М. Гидера⁵⁵⁶, практикуется, в частности, в США, Великобритании, Австралии); 2) нацеленный на изменение убеждений (по сути, радикализация здесь рассматривается как индоктринация, тогда задача дерадикализации — в изменении убеждений, которые ему были навязаны. М. Гидер отмечает, что такой подход практикуется, например, в России, Турции и Саудовской Аравии); 3) смешанный (объединяющий и воздействие на поведение, и воздействие на убеждения — практикуется, в частности, в Италии, Испании, Финляндии). Очевидно, что эффективность мероприятий по дерадикализации зависит от прогресса в связи с объяснением механизмов радикализации, а также продвижением в связи с разработкой инструментов оценки риска радикализации. Однако запросы времени на мероприятия по дерадикализации, к сожалению, опережают достижения психологических теорий.

С одной стороны, разнообразные модели, используемые в области общественного здоровья, применимы и используются для профилактики насилия, на что указывает К. Миттон⁵⁵⁷. Аналогичный тезис находим, по сути, и у С. Этрана: «Полевые исследования показывают, что радикализация зачастую предполагает слияние через «повторное рождение» идентичности, изменяющейся внутри плотно сгруппированных социальных пространств: семейной жизни, спортивной команды, соседского окружения, рабочего пространства, школы, тюрьмы, сообществ беженцев и диаспор, закрытых групп в социальных медиа <...>. Это означает, что подход к проблеме радикализации с точки зрения общественного здоровья может оказаться более приемлемым, чем строго криминологический подход»⁵⁵⁸.

Если переформулировать и продолжить эту логику, то представляется возможным говорить о том, что модели, существующие в рамках психологии здоровья, и используемые для разрешения двух главных задач (продвижение здоровья и профилактика болезней⁵⁵⁹), обладают чрезвычайным потенциалом для

---

⁵⁵⁶ Guidère M. Atlas du terrorisme islamiste: d'Al-Qaida à Daech. Paris: Editions Autrement. 2017. 95 p.

⁵⁵⁷ Mitton K. Public health and violence// Critical Public Health.2019.Vol.29. P.135-137. DOI: 10.1080/09581596.2019.1564223

⁵⁵⁸ Этран С. Психология международного терроризма и радикальных политических конфликтов// Теории и практики радикализма и экстремизма: сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН. 2023, с.118.

⁵⁵⁹ Matarazzo J.D. Behavioral health and behavioral medicine: frontiers for a new health psychology. //American psychologist.1980. Vol. 35. P.807.

ответа на вопрос о стратегиях дерадикализации, они являются теоретически обоснованными и экспериментально проверенными.

С другой стороны, предпринимаются попытки рассмотреть процесс дерадикализации через призму имеющихся объяснительных моделей, в рамках которых исследуются проблемы банд, социального движения, процесса выхода из ролей (алкоголиков, курильщиков, наркоманов и пр.)⁵⁶⁰. И если использование идеи с выходом из группы — будь то банда или социальное движение — обладает серьезным потенциалом для объяснения того, как человек перестает выполнять террористическую деятельность, то логика выхода из роли — иная, ибо из фокуса внимания упускается то, что террористическая деятельность осуществляется группой. Другое дело, если рассматривать смену социальной идентичности в случае алкоголиков или наркоманов, но к этому вопросу мы вернемся позже.

Наконец, некоторые теоретические модели, о которых шла речь в Главе 2, предлагают объяснение не только процессу радикализации, но и также процессу дерадикализации. Речь, в частности, идет о моделях: АВС модель Дж. Халила с коллегами, Б. Доосжа с коллегами, А. Круглянски с коллегами, теории слияния идентичности В. Сванна и А. Гомеса⁵⁶¹.

В рамках теории неопределенности-идентичности М. Хогга можно обнаружить некоторые идеи, приложимые, в той или иной степени, к проблеме дерадикализации⁵⁶², об этом пойдет речь в следующем параграфе.

⁵⁶⁰ Elshimi M.S. Introduction. In M.S. Elshimi (ed.). *De-Radicalisation in the UK Prevent Strategy: Security, Identity and Religion*. Abingdon: Routledge. 2017. P.1-19; Harris K.J. Leaving ideological social groups behind: A Grounded theory of psychological disengagement. 2015. <https://ro.ecu.edu.au/theses/1587> (Дата обращения: 31.03.2025).

⁵⁶¹ Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., de Wolf A., Mann L., Feddes A.R. Terrorism, radicalization, and de-radicalization // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol.11. P. 79-84; Kruglanski A.W., Gelfand M., Bélanger J.J., Shaveland A., Hettiarachchi M., Gunaratna R. The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism// *Political Psychology*. 2014. Vol.35. P. 69 –93. DOI: 10.1111/pops.12163; Khalil J.l, Horgan J. Zeuthen M. The Attitudes-Behaviors Corrective (ABC) Model of Violent Extremism// *Terrorism and Political Violence*.2019. DOI:10.1080/09546553.2019.1699793; Swann W., Klein J.W.,Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2024. Vol. 70. P. 275-332; Woo D.J., Giles H., Hogg M.A., Goldman L.A. social psychology of gangs: An intergroup communication perspective. In S.H. Decker, D.C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs*. New York: Wiley-Blackwell. 2015. P.136-156.

⁵⁶² Hogg M.A., Goldman L. A social psychology of gangs: An intergroup communication perspective. In S.H. Decker, D.C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs*. New York: Wiley-Blackwell. 2015. P.136-156.

В АВС модели дерадикализация происходит под воздействием факторов, принадлежащих к тем же трем группам: структурные, индивидуальные, благоприятствующие, только сами факторы теперь иные: структурные (например, разочарование в идеологии); индивидуальные (выгоды экономического и психологического толка, только в этот раз, соответствующие дерадикализации), благоприятствующие (в частности, поддержка семьи)⁵⁶³.

Дерадикализация, в логике модели, предложенной Б. Доосже с коллегами, является процессом отказа от идеологии, которую индивиды приняли, вступив в террористическую группировку. Напомним, что радикализация в модели Б. Доосже с коллегами предполагает три стадии (*стадия сензитивности, стадия группы и стадия действия*), на каждой стадии на предлагается учитывать факторы различных уровней (микро-, мезо- и макроуровней). В отношении дерадикализации также предлагается учитывать воздействие ряда факторов на указанных выше уровнях.

В логике этой модели — это более серьезные изменения, чем отказ от применения насилия и выход из радикальной группировки, поскольку эти поведенческие изменения с не сопровождаются отказом от радикальных идей. На микроуровне — предлагается различать два важных фактора: 1) радикальные убеждения утрачивают свою привлекательность; 2) сомнения относительно стиля жизни, связанного с участием в террористической деятельности. Фактор мезоуровня — источником сомнений о дальнейшем пребывании в радикальной группе может выступать сама радикальная группа (например, это может быть связано с конфликтом в группе).

Наконец, факторы макроуровня — пребывание в местах лишения свободы, как считают Б. Доосже с коллегами, может побудить индивида к новой жизни. Кроме того, сама группа может перестать существовать.

Очевидно, что понимание процесса дерадикализации невозможно без учета группового и межгруппового контекстов. Хотя авторы этой модели и обращаются к логике социальной идентичности, но их схема не выстроена на основе подхода социальной идентичности, что не позволяет опираться на все преимущества и следствия подхода социальной идентичности.

В модели А. Круглянски с коллегами процесс дерадикализации зеркален процессу радикализации: необходимо воздействовать на один из трех компонентов

---

⁵⁶³ Chinchilla J., Gómez A. The potential role of psychological time in the study of violent radicalisation, deradicalisation, and disengagement// European Review of Social Psychology. 2024. DOI: 10.1080/10463283.2024.2429329

модели (потребности, идеология и социальные связи индивида⁵⁶⁴). Дерадикализация может происходить в открытой и скрытой формах. Явная дерадикализация — это отход от нарратива террористической группировки, обусловленный разочарованием в ее идеологии. В скрытой форме дерадикализация означает, что индивид смог реализовать неудовлетворенную потребность, не вступая в конфликт, или когда когда связи с альтернативной группой (с позитивной направленностью деятельности) оказываются сильнее, чем с террористической группировкой.

В теории слияния идентичности В. Сванна и А. Гомеса в оригинальном или уточненном вариантах, как отмечают сами авторы, ответ на вопрос о том, как происходит процесс, противоположный слиянию с группой, ценностями, идеологией, лидером группы (авторы предлагают обозначать этот процесс как *defusion*)⁵⁶⁵, как в концептуальном плане, так и в экспериментальном находится в зачаточном состоянии. Теоретически предлагаются три возможных стратегии, которые авторы формулируют с определенной осторожностью (поскольку требуется дальнейшее теоретическое осмысление и экспериментальная проверка): *уменьшение связей с объектом слияния; удаление и замена*. В изначальной версии теории слияния предлагалась только одна стратегия — *удаление из группы*⁵⁶⁶.

Уменьшение связей с объектом слияния подразумевает своего рода разочарование в группе, с которой индивид переживает единение, как следствие, отдаление и выход из этой группы. Если принимать во внимание экспериментальные исследования, в которых индивидам, находящимся в состоянии слияния идентичности с группой, предлагалось вспомнить свой опыт группового членства, который заставлял их поставить под сомнение взаимодействие с группой⁵⁶⁷. Другими словами, у испытуемых провоцируется социокогнитивный конфликт, ставящий под сомнение их групповое членство. Однако В. Сванн с коллегами предостерегают, что в рамках этой стратегии возможен «обратный эффект», если критика группы исходит извне, то это только вызывает еще большую поддержку ингруппы.

Удаление: В. Сванн с коллегами указывают на возможность удаления из группы в связи с пребыванием в местах лишения свободы. Эмпирические

---

⁵⁶⁴ Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R. Significance quest theory of radicalization. In Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R. The three pillars of radicalization: Needs, narratives, and networks. Oxford: Oxford University Press. 2019. P.35–64.

⁵⁶⁵ Swann W., Klein J.W., Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // Advances in Experimental Social Psychology. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

⁵⁶⁶ Там же.

⁵⁶⁷ Там же.

факты, полученные на выборках осужденных за участие в террористической и экстремистской деятельности, говорят в пользу того, что у женщин-террористок наблюдается дистанцирование от террористической группировки и ее идеологии, но такого не происходит в случае мужчин⁵⁶⁸. Опять же эту стратегию стоит принимать во внимание с определенной долей осторожности. Эмпирические факты достаточно немногочисленны и противоречивы. Кроме того, нужно учитывать способ содержания осужденных в различных странах, в которых получены эмпирические результаты (совместное с другими осужденными по одноименным статьям уголовного кодекса, совместно с другими осужденными по другим статьям уголовного кодекса и пр. (этот вопрос обсуждался в Главе 1)). Данная стратегия может оправдать свою эффективность, если террористическая группировка перестанет существовать, авторы приводят пример террористической группировки — Тигры освобождения Тамил-Илама, переставшей существовать в 2009 году. Часть боевиков были подвергнуты процедуре дерадикализации (в логике теории слияния — это и есть разрыв связей с группой слияния). Их убеждения после прохождения программы по дерадикализации отличались от убеждений тех бывших участников группировки, которые не подвергались воздействию⁵⁶⁹. С нашей точки зрения, эта стратегия нуждается в концептуализации того, что именно происходит с персональной и социальной идентичностями, в ситуации исчезновения группы, с которой индивид объединяется. С точки зрения подхода социальной идентичности, представляется дать объяснения тому, что происходит с индивидом в случае потери социальной идентичности⁵⁷⁰. С точки зрения теории слияния идентичности, еще должно быть осмыслено такое событие, при котором исчезает группа, с которой индивид объединился. Равным счетом, в рамках этой теории еще предстоит осмыслить тот факт, что множественность социальной идентичности в большей степени соответствует жизни в современном мире, чем принадлежность только к одной группе.

Замена: эта наиболее привлекательная стратегия, как отмечают В. Сванн с коллегами⁵⁷¹, поскольку позволяет заметить объект слияния с опасного

---

⁵⁶⁸ Там же.

⁵⁶⁹ Там же.

⁵⁷⁰ Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

⁵⁷¹ Swann W., Klein J.W., Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // Advances in Experimental Social Psychology. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

(террористическая группировка, идеология, сакральные ценности, отдельные личности — лидеры террористической организации) на безопасные объекты. Примечательно, что предпочтение в пользу этой стратегии косвенным образом указывает на устойчивость слияния идентичности, на сложность разрыва этого единства. Очевидно, что и эта стратегия преодоления объединения с группой требует теоретического осмыслиения и экспериментальной проверки.

В то же самое время, в рамках теории неопределенности-идентичности М. Хогг предлагает в качестве профилактической меры присоединение к высоко энтигативной группе, но занятой просоциальной деятельностью⁵⁷². Как и в случае с теорией слияния, эта стратегия косвенным образом говорит о действенности механизма идентификации с высоко энтигативными группами для индивидов, переживающих неопределенность.

Представляется возможным говорить о различных целевых группах, на которые направлено воздействие профилактических программ: с одной стороны — это осужденные за участие в террористической и экстремистской деятельности; с другой — уязвимые индивиды (чаще всего — представители подростково-молодежной среды, не совершившие террористических действий, но в отношении которых у правоохранительных органов имеется информация определенного рода, указывающая на процесс радикализации или на их уязвимость к радикализации)⁵⁷³. Очевидно, что стратегии воздействия в каждом случае — разнятся: в первом случае, как отмечает М. Элшиими, стратегия преследует цель «мы собираемся сделать тебя хорошим», а во втором случае — логика воздействия такова: «мы здесь, чтобы ты не стал плохим»⁵⁷⁴.

В каждом случае эффективность воздействия мероприятий по дерадикализации определяется тем, что индивид реинтегрируется в общество и действует в соответствии с его нормами и законами⁵⁷⁵.

---

⁵⁷² Woo D.J., Giles H., Hogg M.A., Goldman L. A social psychology of groups: An intergroup analysis. In S.H. Decker, D.C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs and gang responses*. New York: Wiley-Blackwell.2015. P.186-212.

⁵⁷³ Elshimi M.S. Introduction. In M.S. Elshimi (ed.). *De-Radicalisation in the UK Prevent Strategy: Security, Identity and Religion*. Abingdon: Routledge. 2017.P.1-19

⁵⁷⁴ Там же, п.2.

⁵⁷⁵ Muluk H., Umam A.N., Milla M.N. Insights from a deradicalization program in Indonesian prisons: The potential benefits of psychological intervention prior to ideological discussion.// *Asian Journal of Social Psychology*.2020. Vol.23. P.42–53. DOI:10.1111/ajsp.12392

5.2. Проблема дерадикализации: в поисках новой социальной идентичности...

Воспользуемся одним из определений, согласно которому — дерадикализация — это процесс, противоположный по своему содержанию процессу радикализации⁵⁷⁶. Если радикализация связывается с трансформациями, происходящими с человеком, в результате которых человек вовлекается в террористическую деятельность, то дерадикализация — с тем, как индивид перестает исполнять эту деятельность и меняет свои убеждения (отказываясь от идеи насилия и экстремизма⁵⁷⁷). При этом, как отмечалось в первой части нашего учебного издания, мы исходим из того, что террористическая деятельность осуществляется группой, отсюда — прекращение террористической деятельности — по сути — означает смену социальной идентичности, ибо именно идентичность является тем самым механизмом, который подталкивает к действию⁵⁷⁸. И здесь, как отмечается в западной литературе, возникают проблемы этического толка, ибо встает вопрос о добровольности подобного изменения⁵⁷⁹. Хотя, как уже звучало на высоком политическом уровне, например, в Великобритании, что возвращающиеся из Ирака и Сирии британские боевики должны будут подвергнуты программам по дерадикализации, для того, «чтобы обратить вспять их извращенную промывку мозгов»⁵⁸⁰.

Если рассматривать вовлечение в террористическую деятельность как результат процесса радикализации, но, в соответствии с идеями теории неопределенности — идентичности, индивид не ищет группу с определенными убеждениями, оправдывающими насилие, но он ищет группу, идентификация с которой позволит снизить чувство неопределенности за счет четких прототипов,

---

⁵⁷⁶ Kruglanski A.W., Gelfand M., Bélanger J.J., Shaveland A., Hettiarachchi M., Gunaratna R. The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism// Political Psychology. 2014. Vol.35. P. 69 –93. DOI: 10.1111/pops.12163

⁵⁷⁷ Карпачева О.В., Нефляшева Н.А. Опыт дерадикализации исламского движения в Египте и России// Журнал исторических исследований. 2018.№4. С.18-32.

⁵⁷⁸ Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). Extremism and psychology of uncertainty. Oxford: Wiley-Blackwell. 2012. P.19-35.

⁵⁷⁹ Elshimi M.S. Introduction. In M.S. Elshimi (ed.). De-Radicalisation in the UK Prevent Strategy: Security, Identity and Religion. Abingdon: Routledge. 2017.P.1-19; Moliner P. Radicalisation, déradicalisation... Que savons-nous au juste? // The conversation. 2.06.2017 <https://theconversation.com/radicalisation-deradicalisation-que-savons-nous-au-juste-78495> (Дата обращения: 31.03.2025).

⁵⁸⁰ Elshimi M.S. Introduction. In M.S. Elshimi (ed.). De-Radicalisation in the UK Prevent Strategy: Security, Identity and Religion. Abingdon: Routledge. 2017.P.1.

предписывающих мысли, чувства и действия, что позволяет сделать мир более предсказуемым. Такие группы, как отмечает М. Хогг, позволяют разрешить так называемый «парадокс постмодернизма», когда, обретая свободу, человек страдает от неопределенности, мучаясь вопросами: *что делать? кем быть? что думать?* Как следствие, он стремится к определенности, что и делает привлекательными идеологические системы убеждений⁵⁸¹, которые дают простые ответы на вопросы, предписывают направление мыслей, чувств и действий⁵⁸².

В рамках теории неопределенности — идентичности М. Хогга⁵⁸³ не предлагаются объяснительной схемы, в соответствии с которой индивид перестает идентифицироваться с группами с радикальными и экстремистскими взглядами, однако в этой модели отмечается, что идентификация с группой, характеризующейся высокой энтидативностью⁵⁸⁴, и разделяющей радикальные и экстремальные идеи — не происходит автоматически. Существуют определенные условия, в которых индивид, даже испытывая чувство неопределенности, не будет стремиться стать членом группы с экстремистскими и радикальными взглядами. Другими словами, существуют своего рода барьеры на пути в группу с радикальными, экстремальными убеждениями и действиями, рассмотрим их здесь.

Групповая идентичность снижает чувство неопределенности за счет предписывания того, как думать, чувствовать и действовать — той информации, которая соответствует прототипу. Это положение теории неопределенности-идентичности было проанализировано выше (Глава 2). Однако, с точки зрения М. Хогга, одного только прототипа — еще мало, ибо «люди должны чувствовать свое воплощение прототипа»⁵⁸⁵, что валидизирует их принадлежность к группе, они должны чувствовать, что приняты группой как настоящие члены.

---

⁵⁸¹ Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.

⁵⁸² Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. London: Sage.2012. P.62-80. DOI:10.4135/9781446249222.n29

⁵⁸³ Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. London: Sage.2012. P.62-80. DOI:10.4135/9781446249222. n29; Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.

⁵⁸⁴ Campbell D. Common Fate, similarity, and other indices of the status of aggregates of persons as social entities // *Behavioral Science*. 1958. Vol. 3. P.14-25.

⁵⁸⁵ Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty // *Revista de Psicología Social*. 2015. Vol. 30. DOI:10.1080/02134748.2015.1065090. P.594.

Как результат, для тех, кто испытывает чувство неопределенности, но ценит разнообразие и индивидуальную автономность, едва ли группы с экстремистскими и радикальными взглядами будут привлекательными, несмотря на то что они обладают четкими границами, внутренней однородностью, иерархической структурой, общностью судьбы⁵⁸⁶, группы имеют специфический прототип: ясный, предписывающий, согласованный. Кроме того, директивное лидерство и идеологическая система убеждений, — другими словами, все то, что требуется для снижения неопределенности⁵⁸⁷. Однако факт подавления инакомыслия в группах такого рода (поскольку оно порождает сомнения и неопределенность⁵⁸⁸) — вступает в противоречие с ожиданиями индивидов, испытывающих чувство неопределенности. Хотя это противоядие не является решающим, ибо, как подчеркивает М. Хогг, если индивиды попадают в ситуацию острой, непрекращающейся, продолжительной неопределенности, то умеренно тоталитарные группы все же могут быть для них привлекательны, ибо способствуют снижению этого неприятного чувства, которого человек пытается избежать или хотя бы снизить⁵⁸⁹. Тоталитарные группы — кроме неприятия инакомыслия, разнообразия (ибо это ставит под сомнения групповые нормы, ясность и простоту группового прототипа), имеют достаточно жесткие правила, ритуалы инициации для вхождения в группу. Предназначение суровых правил в том, чтобы обеспечить сильную идентификацию с группой у тех, кто преодолевает правила инициации⁵⁹⁰. В силу того, что валидизация социальной идентичности является ключевым моментом для снижения неопределенности, то эта трудность попадания в группу и может быть своего рода барьером, который предотвратит

---

⁵⁸⁶ Campbell D. Common Fate, similarity, and other indices of the status of aggregates of persons as social entities // Behavioral Science. 1958. Vol. 3. P.14-25.

⁵⁸⁷ Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.

⁵⁸⁸ Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.). Advances in Group Processes. Bingley: Emerald Publishing Limited. 2019. P. 61—77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006

⁵⁸⁹ Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). Extremism and psychology of uncertainty. Oxford: Wiley-Blackwell. 2012. P.19-35; Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.

⁵⁹⁰ Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty // Revista de Psicología Social. 2015. Vol. 30. P. 586—613 DOI:10.1080/02134748.2015.1065090

попадание в группу с экстремистскими и радикальными взглядами. Индивид, испытывающий чувство неопределенности, будет искать другие группы — более доступные, а может быть, как отмечает М. Хогг, отдаст предпочтение группам, которые воспринимаются как высоко энтигативные, но не разделяют при этом экстремистских взглядов⁵⁹¹. Эмпирические факты, полученные на материале изучения братств, говорят в пользу идеи М. Хогга⁵⁹². Сходная линия наблюдается и в случае исследования по проблеме присоединения к бандам, М. Хогг⁵⁹³: человеку в ситуации неопределенности необходимо видеть другие варианты привлекательных групп, которые должны выглядеть как высоко энтигативные, обеспечивающие более высокий статус, дающие ощущение *братства*, власть и защиту⁵⁹⁴, но — при этом — группа не должна быть занята антисоциальной деятельностью, как в случае бандитских группировок. Развивая эту мысль, заметим, что те, кто имеет ряд социальных идентичностей, т.е. принадлежит к различным группам, в меньшей степени склонен к экстремизму, чем те, кто определяет себя в терминах одной единственной, монолитной идентичности, которая насыщает я-концепцию индивида⁵⁹⁵.

Чувство неопределенности может быть снижено не только путем идентификации с высоко энтигативными группами, а с помощью таких механизмов, как перекатегоризация и ингрупповая проекция. Если принять во внимание тот факт, что социальный мир организован с помощью различных иерархических категорий, где категории одного уровня принадлежат категориям более высокого уровня, соответственно, для снижения чувства неопределенности люди могут использовать категории различных уровней путем перекатегоризации

---

⁵⁹¹ Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.

⁵⁹² Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell. 2012. P.19-35.

⁵⁹³ Goldman L., Giles H., Hogg M.A. Going to extremes: Social identity and communication processes associated with gang membership// *Group Processes and Intergroup relations*.2014.Vol.17.P.813-832. DOI:10.1177/1368430214524289; Woo D.J., Giles H., Hogg M.A. Goldman L. A social psychology of gangs: An intergroup communication perspective. In S.H. Decker, D.C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs*. New York: Wiley-Blackwell. 2015. P.136-156.

⁵⁹⁴ Woo D.J., Giles H., Hogg M.A., Goldman L. A social psychology of gangs: An intergroup communication perspective. In S.H. Decker, D.C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs*. New York: Wiley-Blackwell. 2015. P.136-156.

⁵⁹⁵ Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell. 2012. P.19-35.

или проецирования атрибутов подгруппы на более высокий уровень, действенность этих процессов была показана в экспериментальных исследованиях⁵⁹⁶.

Чувство неопределенности может проистекать из маргинального положения, относительно группового прототипа, т.е. люди испытывают неопределенность, проистекающую из их группового положения. Тогда в группе возможен раскол. Редкий случай, что существующая группа не столкнулась на какой-то стадии своего развития раскола, большинство же групп, как отмечает Ф. Сани, были свидетелями раскола, появились из отделившейся части, или объединились с подгруппой, отделившейся от другой группы⁵⁹⁷. Последствия группового раскола могут быть самыми различными: с одной стороны, маргинальная подгруппа — по отношению к прототипу группы с экстремистскими или радикальными взглядами — может искать другую групповую принадлежность, которая позволит им снизить неопределенность. С другой стороны, возможно, что маргинальная подгруппа рассматривает свое положение, как не дающее ей права голоса, при этом члены этой подгруппы считают, что изменяются групповые нормы, а вместе с ней — и социальная идентичность⁵⁹⁸. Как следствие — маргинальная подгруппа может направить группу в более нормативное русло. Оба варианта дают шансы для более благоприятного исхода — если не для всей группы, то хотя бы для части ее членов. По сути, речь здесь идет о влиянии меньшинства⁵⁹⁹, которое инициирует дивергентное мышление, ведет к изменениям, к инновациям. Как отмечает М. Хогг, «влияние меньшинства проходит тонкую грань между изменением, отклонением, и провоцирует такие большие перемены, что группа раскалывается»⁶⁰⁰. Теория влияния меньшинства пред-

⁵⁹⁶ Jung J., Hogg M.A., Choi H.-S. Recategorization and ingroup projection: Two processes of identity uncertainty reduction// Journal of Theoretical Social Psychology. 2019. Vol.3. P. 97–114. DOI:10.1002/jts.5.37

⁵⁹⁷ Sani F. When Subgroups Secede: Extending and Refining the Social Psychological Model of Schism in Groups// Personality and Social Psychology Bulletin. 2005. Vol.31. P.1074–1086. DOI:10.1177/0146167204274092; Sani F., Todman J. Should we stay or should we go? A social psychological model of schisms in groups. //Personality and Social Psychology Bulletin. 2002. Vol. 28. P.1647–1655. DOI:10.1177/014616702237646

⁵⁹⁸ Gaffney A.M., Rast III D.E., Hogg M.A. Uncertainty and Influence: The Advantages (and Disadvantages) of Being Atypical//Journal of Social Issues. 2018.Vol.74. P.20-35. DOI: 10.1111/josi.12254

⁵⁹⁹ Moscovici S. Psychologie des minorités actives. 1979.Paris: Presses Universitaires de France. 275 p.

⁶⁰⁰ Gaffney A.M., Rast III D.E., Hogg M.A. Uncertainty and Influence: The Advantages (and Disadvantages) of Being Atypical//Journal of Social Issues. 2018.Vol.74. DOI: 10.1111/josi.12254, p.25.

ставляет собой серьезную традицию в социальной психологии, и это направление может быть продуктивным в контексте снижения чувства неопределенности. Отсюда — и маргинальное положение имеет и другие грани, чем то, опасное, о котором говорилось выше (Глава 2). Маргинальное — по отношению к прототипу группы — положение является не только триггером радикальных действий в пользу группы (так как это дает шанс на изменение положения и снижение неопределенности, вызванной маргинальным положением), что было показано в экспериментальных исследованиях⁶⁰¹, такое положение оказывается своего рода преимуществом, позволяющим выйти из группы с радикальными убеждениями и действиями.

Если использовать эту идею в контексте проблемы дерадикализации, то можно усмотреть определенный потенциал в случае тех, кто для преодоления чувства неопределенности ищет высоко энтигативные группы и вступает в эти группы, но пока еще не совершил никаких действий. Кроме того, это через призму этой логики становится понятным, как действовать в местах лишения свободы в отношении тех, кто отбывает наказание в первый раз, испытывая острое чувство неопределенности в отношении себя, своей положения в мире, своего будущего. Осужденные этой категории не имеют криминального окружения, от которого могут получить поддержку, защиту, «пенитенциарный стресс», с которым они сталкиваются, только усиливает стремление к снижению чувства неопределенности путем идентификации с высоко энтигативной группой. И группы отбывающих наказание за участие в террористической и экстремистской деятельности воспринимаются как высоко энтигативные группы, зачастую с директивным лидером.

В случае же дерадикализации тех, кто осужден за участие в экстремистской и террористической деятельности, обратимся к подходу социальной идентичности в целом.

В наши задачи в настоящем учебном пособии едва ли входит разработка профилактической программы по дерадикализации (хотя предлагаемый здесь анализ дает серьезные основания для формулирования рекомендаций профилактического толка), преимущественное внимание направлено на понимание того, по каким механизмам может происходить смена идентичности в случае процесса дерадикализации.

---

⁶⁰¹ Goldman L., Hogg M.A. Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance// Journal of Applied Social Psychology. 2016. Vol.46. P.544-553. DOI:10.1111/jasp.12382.

С нашей точки зрения, схема, которая через призму подхода социальной идентичности объясняет, как происходит смена идентичности в случае человека с наркотической зависимостью, заслуживает самого пристального внимания⁶⁰². Остановимся на этой схеме подробнее. С точки зрения А. Хаслама⁶⁰³, путь от возникновения зависимости до избавления от нее — это путь смены социальной идентичности.

В целом, путь до начала зависимости и до преодоления А. Хаслам предлагает рассматривать следующим образом: 1) на этапе, предшествующем возникновению зависимости, можно рассматривать два варианта событий: человек обладает позитивными социальными идентичностями или он пребывает в ситуации социальной изоляции; 2) период жизненных трансформаций, в который он попадает, ведет к тому, что в первом случае эти позитивные идентичности утрачиваются, а во втором — приобретается идентичность потребителя. Так или иначе — проблемой оказывается зависимость; 3) в период пребывания в терапевтическом сообществе в обоих случаях формируется идентичность, связанная с избавлением от зависимости; 4) после прекращения терапевтического воздействия в рамках сообщества индивид или имеет обновленные позитивные идентичности, или обретает некоторые желаемые идентичности⁶⁰⁴.

Смена идентичности опирается на метод терапевтического сообщества, механизм действия которого заключается в том, чтобы разрушить старые элементы идентичности, переструктурировать элементы новых социальной и персональной идентичностей в процессе лечения, а также дальнейшее развитие идентичности вне рамок лечения в реальном мире⁶⁰⁵. В процессе пребывания в терапевтическом сообществе формируется так называемая *переходная идентичность* по пути от *идентичности потребителя* к *новой идентичности* «не-потребителя».

Суть терапевтической интервенции заключается в том, чтобы индивид осуществил переход от идентичности «потребителя» к идентичности «преодо-

---

⁶⁰² Best D., Beckwith M., Haslam C., Haslam S.A., Jetten J., Mawson E., Lubman D. Overcoming alcohol and other drug addiction as a process of social identity transition: the social identity model of recovery (SIMOR) // Addiction Research and Theory. 2015. Vol. 24. P.111-123; Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

⁶⁰³ Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

⁶⁰⁴ Там же.

⁶⁰⁵ Там же.

левшего» зависимость. Ближайшее социальное окружение включено в процесс смены социальной идентичности.

Траектория изменения социальной идентичности в случае зависимости с необходимостью опирается на разнообразные формы социального влияния, необходимого для смены групповых норм. Опираясь на метод картографирования социальной идентичности, представляется возможным выявить групповые сети, в которые включен человек, и определить влияние нормы потребления психоактивных веществ на него⁶⁰⁶. Карта социальной идентичности является не только визуализацией тех групп, которые влияют в период жизненных изменений (время потребления психоактивных веществ и время пребывания в терапевтическом сообществе), но и способом обнаружения потенциала для развития новых социальных идентичностей, связанных с принадлежностью к новым категориям, которые не связаны с потреблением психоактивных веществ и являются, в то же самое время, значимыми для индивида. Ключевым здесь является потенциал принадлежности ко многим социальным категориям, обеспечивающим совместимые друг с другом позитивные социальные идентичности, как следствие — больший объем психологических ресурсов (поддержки, влияния и пр.), необходимых для жизнедеятельности⁶⁰⁷. Карта социальной идентичности дает возможность проследить совместимость или несовместимость социальных идентичностей (самый простой пример несовместимости между позитивной идентичностью, полученной от группы друзей, где групповой нормой является употребление психоактивных веществ, и позитивной идентичностью, связанной с семьей, где действуют иные групповые нормы). В случае, если позитивная социальная идентичность оказывается под угрозой и границы группы воспринимаются как проницаемые, то индивиду доступна стратегия индивидуальной мобильности⁶⁰⁸.

С точки зрения модели выздоровления, базирующейся на социальной идентичности, процесс изменения идентичности в случае потребления психоактивных веществ происходит путем изменения в балансе социальных идентичностей⁶⁰⁹. Если изначально центральной является социальная идентичность,

---

⁶⁰⁶ Там же.

⁶⁰⁷ Там же..

⁶⁰⁸ Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict. In W.G. Austin, S. Worchel (eds.). *The social psychology of intergroup relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole. 1979. P.33-47.

⁶⁰⁹ Best D., Beckwith M., Haslam C., Haslam S.A., Jetten J., Mawson E., Lubman D. Overcoming alcohol and other drug addiction as a process of social identity transition: the social identity model

происходящая от принадлежности к группе потребителей психоактивных веществ, то смена идентичности приводит к тому, что социальные идентичности, происходящие в результате членства в группах, где нормы не предусматривают употребление психоактивных веществ, становятся смыслообразующими для человека. Другими словами, смена идентичности сопровождается вовлеченностью в коммуникацию с членами различных групп, ибо идентификация с группой имеет более последствия для человека, чем только чувство принадлежности: человек действует в соответствии с ценностями и нормами этой группы; члены группы оказывают влияние друг на друга; чем больше человек идентифицирует себя с группой, тем в большей степени он воспринимает себя, как похожего на других членов группы (своего рода взаимозаменяемость членов группы), в большей степени он переживает свою связь с другими членами группы. В социальной идентичности человек черпает смысл, цель и ценность своего существования. То, насколько человек определяет себя в терминах социальной идентичности, будет для него связываться с чувством эффективности и власти⁶¹⁰. Влияние, которое оказывают другие — и есть тот процесс трансляции новых норм. Крайне важно, чтобы в процессе смены идентичности, как и предлагает модель выздоровления, основанная на социальной идентичности⁶¹¹, чтобы вместо чувства потери социальной идентичности (которое происходит в отношении группы потребителей) человек переживал обретение новой социальной идентичности (не-потребителя)⁶¹².

Представленная здесь логика смены идентичности на примере потребителя психоактивных веществ задает общие контуры процесса изменения социальной идентичности в случае дерадикализации, а именно: траектория процесса задается социальной идентификацией, групповыми нормами и социальным влиянием. Очевидно, что простой перенос стратегии действий едва ли возможен в случае дерадикализации, но траектория процесса смены идентичности — принципиально та же.

---

of recovery (SIMOR) // Addiction Research and Theory. 2015. Vol. 24. P.111-123; *Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

⁶¹⁰ *Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

⁶¹¹ *Best D., Beckwith M., Haslam C., Haslam S.A., Jetten J., Mawson E., Lubman D.* Overcoming alcohol and other drug addiction as a process of social identity transition: the social identity model of recovery (SIMOR) // Addiction Research and Theory. 2015. Vol. 24. P.111-123

⁶¹² *Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

5.3. Контрольные задания

1. Сравнительный анализ моделей дерадикализации

Сформулируйте суть проблемы дерадикализации. Сформулируйте основные принципы дерадикализации, предложенные в **ABC** модели Дж. Халила с коллегами, Б. Доосжа с коллегами, А. Круглянски с коллегами, теории слияния идентичности В. Сванна и А. Гомеса.

2. Роль неопределенности в процессах радикализации и дерадикализации

На основе теории неопределенности-идентичности М. Хогга предложите ключевую идею для разработки мероприятий по дерадикализации. Какие «барьеры» могут препятствовать вступлению в радикальные группы? Какие альтернативные пути снижения неопределенности предлагает теория?

3. Концепция дерадикализации в рамках подхода социальной идентичности

Проанализируйте, как подход социальной идентичности объясняет процесс дерадикализации. Какие ключевые механизмы смены идентичности выделяются в тексте? Как пример с наркотической зависимостью (модель А. Хаслама) может быть применен к процессу дерадикализации?

4. Практические аспекты дерадикализации в пенитенциарной системе

Проанализируйте предложенные в тексте подходы к дерадикализации в местах лишения свободы. Как «пенитенциарный стресс» способствует радикализации? Как можно использовать идеи о маргинальном положении и влиянии меньшинства для программ дерадикализации? В чем заключаются этические проблемы принудительной дерадикализации?

5. Разработка рекомендаций по профилактике радикализации

На основе анализа текста предложите рекомендации для:

- 1) Образовательных учреждений;
- 2) Пенитенциарной системы;
- 3) Работы с молодежью уязвимых к радикализации.

Заключение

Центральная проблема, обсуждаемая в настоящем учебном пособии, — радикализация в современном мире. Вниманию читателей предлагается социально-психологический анализ проблем терроризма, радикализации и дерадикализации. Особое внимание уделяется рассмотрению моделей оценки риска, которые опираются на теоретические схемы, имеющие многократную экспериментальную проверку.

Авторский коллектив не только рассматривает различные факторы радикализации, но уделяет самое серьезное внимание обсуждению целого ряда моделей радикализации. Кроме того, анализируется проблема оценки риска радикализации, обсуждаются особенности существующих моделей оценки риска. Вниманию читателей предлагается схема для распознавания распространителей радикальных идей в местах лишения свободы, а также модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде (опирающаяся на мощное теоретическое знание, а также эмпирическую проверку).

В учебном пособии пристальное внимание уделяется коммуникативной составляющей, способствующей радикализации, рассматриваются коммуникативные системы и стратегии влияния, используемые террористическими организациями.

Кроме того, обсуждаются основные принципы разработки превентивных мероприятий по дерадикализации, в соответствии с двумя основными стратегиями, обозначенными М. Элшими: «мы здесь, чтобы ты не стал плохим» и «мы собираемся сделать тебя хорошим»⁶¹³.

Учебное пособие отвечает на запрос, сформулированный на высоком политическом уровне в рамках «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» (утв. Президентом Российской Федерации от 28.12.2024, № Пр-1124).

---

⁶¹³ Elshimi M.S. Introduction. In M.S. Elshimi (ed.). De-Radicalisation in the UK Prevent Strategy: Security, Identity and Religion. Abingdon: Routledge. 2017, p.2.

Измерение социальной идентичности

Конструкт идентичности находится в центре интереса социальной психологии, по замечанию Ж.-П. Кодола, поскольку именно идентичность является отражением одного из центральных конфликтов между индивидуальным и колективным, между поиском персональной идентичности (со стремлением быть уникальным, отличающимся от других) и поискам социальной идентичности (со стремлением быть похожим на других)⁶¹⁴.

Представляется возможным говорить о том, что изучению идентичности в социальной психологии уделяется внимание в рамках и других теорий и моделей, это касается как психологической социальной психологии, так и социологической социальной психологии. Однако, ключевой теоретической традицией, дающей ответ на вопрос о функционировании персональной и социальной идентичностей, является подход социальной идентичности (см. Тематическую вставку 2).

Основные задачи, которые мы преследуем в настоящей части учебного пособия, заключаются в следующем: 1) представить вниманию читателей широкий обзор методов измерения социальной идентичности, который бы выступил своего рода методическим приложением к теоретическому материалу, изложенному в Главах 2 и 3;

2) предоставить соответствующий методический инструментарий в логике модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде, представленной вниманию читателей в Главе 3.

Основные типы инструментов анализа социальной идентичности:

- 1) инструменты, основанные на ассоциативной методике;
- 2) шкалы;
- 3) картографирование социальной идентичности.

В заключительной части Приложения 1 вниманию читателей предлагается графическая методика для измерения слияния идентичности (иллюстрация к теории слияния идентичности В. Сванна и А. Гомеса⁶¹⁵, изложенной в Главе 2).

⁶¹⁴ Deschamps J.-C., Moliner P. *L'identité en psychologie sociale: des processus identitaires aux représentations sociales*. Paris: Armand Colin. 2008. 222 p.

⁶¹⁵ Swann W.B., Gómez Á., Seydel D.C., Morales J.F., Huici C. Identity fusion: The interplay of personal and social identities in extreme group behavior// *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009.

Изучение социальной идентичности с помощью ассоциативного метода

Один из первых инструментов изучения социальной идентичности является тест двадцати утверждений М. Куна и Т. Макпартленда⁶¹⁶. Этот инструмент в некоторой степени знаком отечественным исследователям: оригинальный текст статьи М. Куна и Т. Макпартленда был переведен на русский язык⁶¹⁷. Сам метод достаточно востребован для анализа этнической идентичности⁶¹⁸, используется в исследованиях для достижения различных задач, в частности, выявление особенностей и динамики социальной идентичности в молодежной среде, специфики социальных идентичностей в студенческой среде⁶¹⁹.

Vol. 96. P. 995–1011. DOI:10.1037/a0013668; Swann W., Klein J.W., Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory. // Advances in Experimental Social Psychology. 2024. Vol. 70. P. 275–332.

⁶¹⁶ Kuhn M.H., McPartland T.S. An empirical investigation of self-attitudes. // American Sociological Review. 1954. Vol.19. P. 68–76. DOI:10.2307/2088175

⁶¹⁷ Кун М., Макпартленд Т. Эмпирические исследования установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология : Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: Изд-во МГУ. 1984. С. 180–188.

⁶¹⁸ Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы исследования этнической идентичности// Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. Учебно-методическое пособие. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2011. С.13-14.

⁶¹⁹ Иванова Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности: автореф. дисс... докт. психол. наук. Ярославль: ЯрГУ. 2003. 51 с.; Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Калинина Н.В., Константинов В.В., Кулеш Е.В., Маленова А.Ю., Малышев И.В. Отношение к патриотизму и патриотическая самоидентичность российской студенческой молодежи в условиях поляризации российского общества // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С.68–88. DOI: 10.17759/sps.2023140405; Румянцева Т.В. Трансформация идентичности студентов медицинского вуза в меняющихся социальных условиях: автореф. дисс. ... канд.психол.наук. Ярославль: ЯрГУ. 2005. 28 с.; Babbitt C.E., Burbach H.J. A Comparison of Self-Orientation among College Students Across the 1960s, 1970s and 1980s.// Youth & Society. 1990. Vol. 21. No. 4. P.472-482. DOI:10.1177/0044118X9002100403; Bochner S. Cross-cultural differences in the self concept: A test of Hofstede's individualism/collectivism distinction //Journal of Cross-Cultural Psychology. 1994. Vol.25.P.273–283DOI:10.1177/0022022194252007; Cousins S.D. Culture and self-perception in Japan and the United States. // Journal of Personality and Social Psychology.1989. Vol.56. P. 124–131. DOI:10.1037/0022-3514.56.1.124; Grozev V.H., Easterbrook M.J. The identities of employed students: Striving to reduce distinctiveness from the typical student. // Analyses of Social Issues and Public Policy. 2024. P. 1–22. DOI:10.1111/asap.12403; Rhee E., Uleman J.S., Lee H.K., Roman R.J. Spontaneous self-descriptions and ethnic identities in individualistic and collectivistic cultures. // Journal of Personality and Social Psychology.1995.Vol.69.P.142–152. DOI:10.1037/0022-3514.69.1.142; Watkins D., Yau J.,

Одним из первых способов изучения социальной идентичности можно считать попытку, предпринятую в рамках символического интеракционизма М. Куном и Т. Макпартленда⁶²⁰. Тест двадцати утверждений изначально был предложен для анализа Я-концепции, но со временем стал широко использоваться как инструмент для изучения идентичности⁶²¹. Респонденту предлагаются сформулировать двадцать ответов на вопрос «Кто Я?», при этом ответы должны быть разными, отвечать требуется так, как если бы респондент отвечал сам себе, а не кому-то другому (например, исследователю и пр.). В соответствии с инструкцией предлагается не заботиться о порядке ответов, в оригинальном варианте респондент располагает двенадцатью минутами на формулирование ответов. В основе этого способа измерения идентичности лежит ассоциативный метод, когда в фокусе внимания респондента оказывается он сам⁶²².

В оригинальной версии инструмент рассматривался как способ анализа аттитюдов индивида к самому себе, ответы респондентов предполагалось кодировать с помощью дихотомии (консенсусные и субконсенсусные категории, которые в переводе были обозначены как объективные и субъективные⁶²³). В первую категорию были отнесены ответы, касающиеся социального статуса и ролей, т.е. принадлежности индивидов к малым и большим группам. Во вторую категорию были объединены различного рода характеристики (конституирующего и оценочного толка), которые позволяют индивидуализировать респондента⁶²⁴. Если взглянуть на это дихотомию через призму ключевого вопроса социальной психологии, о котором говорилось выше, вслед за идеями

Dahlin B., Wondimu H. The Twenty Statements Test: Some measurement issues. // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1997. Vol.28. P. 626–633. DOI:10.1177/0022022197285007.

⁶²⁰ *Kuhn M.H., McPartland T.S. An empirical investigation of self-attitudes. // American Sociological Review. 1954. Vol.19. P. 68–76. DOI:10.2307/2088175*

⁶²¹ Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы исследования этнической идентичности// Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. Учебно-методическое пособие. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2011. С.13-14; *Deschamps J.-C., Moliner P. L'identité en psychologie sociale: des processus identitaires aux représentations sociales*. Paris: Armand Colin. 2008. 222 p.

⁶²² *Deschamps J.-C., Moliner P. L'identité en psychologie sociale: des processus identitaires aux représentations sociales*. Paris: Armand Colin. 2008. 222 p.

⁶²³ Кун М., Макпартленд Т. Эмпирические исследования установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология : Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: Изд-во МГУ. 1984. С. 180–188.

⁶²⁴ Там же.

Ж.-П. Кодола, то представляется возможным говорить о том, что респонденты, делая себя объектом рефлексии, рассматривают себя через призму социальных и персональных идентичностей. В оригинальной версии вычислялся показатель, оценивающий количество консенсусных ответов, т.е. количество самокатегоризаций респондентов как членов различных групп. Использование этого инструмента предполагает вычисление согласованности кодировщиков тем или иным способом⁶²⁵, достаточно распространенным является показатель *каппа* Коэна⁶²⁶.

Более семи десятилетий прошло с момента выхода в свет работы М. Куна и Т. Макпартлена, сам предложенный ими инструмент для анализа идентичности подвергался многочисленной критике, касающейся валидности самой методики⁶²⁷. Критики указывали на неясность в отношении идентичностей, через призму которых индивиды рассматривают себя. Кроме того, можно говорить о том, что остается открытым вопрос о том, какую именно социальную идентичность индивид получает в этих группах позитивную или негативную и пр.⁶²⁸

Критические замечания такого рода, отчасти, стали источником достаточно важных модификаций инструмента⁶²⁹. Метод анализа идентичности, разработанный в рамках символического интеракционизма, используется для решения задач, связанных с измерением социальной идентичности, в рамках других подходов, в частности, в рамках подхода социальной идентичности⁶³⁰.

---

⁶²⁵ Богомолова Н.Н. Малышева Н.Г., Стефаненко Т.Г. Контент-анализ.// Социальная психология: практикум/ Под ред. Т.В. Фоломеевой. М.: Аспект-пресс. 2006. С. 131-163.

⁶²⁶ Cohen J.A coefficient of agreement for nominal scales. //Educational and Psychological Measurement. 1960. Vol.20. P. 37–46. DOI:10.1177/001316446002000104; Delhomme P., Meyer T. La recherche en psychologie sociale. Projets, méthodes et techniques. Paris: Armand Colin. 2002. 224 p.

⁶²⁷ Bochner S. Cross-cultural differences in the self concept: A test of Hofstede's individualism / collectivism distinction. //Journal of Cross-Cultural Psychology. 1994. Vol.25. P.273–283. DOI:10.1177/0022022194252007

⁶²⁸ Deschamps J.-C., Moliner P. L'identité en psychologie sociale: des processus identitaires aux représentations sociales. Paris: Armand Colin. 2008. 222 p.

⁶²⁹ Bochner S. Cross-cultural differences in the self concept: A test of Hofstede's individualism/ collectivism distinction. //Journal of Cross-Cultural Psychology. 1994. Vol.25. P.273–283. DOI:10.1177/0022022194252007; Watkins D., Yau J., Dahlin B., Wondimu H. The Twenty Statements Test: Some measurement issues. // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1997.Vol.28. P. 626–633. DOI:10.1177/0022022197285007

⁶³⁰ Белинская Е.П. Идентичность личности в условиях социальных изменений: автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М.:МГУ. 2006. 50 с.; Иванова Н.Л. Проблема психологического анализа социальной идентичности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. №3. С.14-38. DOI:10.17323/1813-8918-2006-4-14-38

На основе анализа литературы представляется возможным говорить о существовании разнообразных модификаций исходной системы кодирования (другими словами, категориальной сетки, предложенной для кодировки ответов), а также самого инструмента и процедуры его использования. Количество кодов (или категорий и подкатегорий) варьирует от 2 до 59, что определяется целями исследования, используется сокращенная процедура, где вместо двадцати ответов, респондентам предлагается сформулировать только семь ответов, сами же ответы могут взвешиваться или не взвешиваться⁶³¹.

В 1961 г. Т. Макпартленд с коллегами модифицировали кодировочную систему, предложив конкретизировать каждую из изначальных категорий с помощью двух соответствующих⁶³²:

категория А: Я как физическая структура в пространстве и во времени;

категория В: Я через призму социальной структуры;

категория С: Я - вне социальной структуры, т. е. чувства, действия и реакции вне прямых указаний на социальную структуру (хотя другие имплицитно присутствуют в ответах, относящихся к этой категории);

категория D: Я вне связи с физическим, социальной структурой, вне социального взаимодействия, своего рода абстрактное Я.

Логика этой системы такова: категории А и В, взятые вместе, предшествуют категориям С и D.

В последующих работах, в соответствии с целями исследования, предлагались новые версии категориальных сеток⁶³³. В кросскультурных исследова-

⁶³¹ Bochner S. Cross-cultural differences in the self concept: A test of Hofstede's individualism / collectivism distinction. //Journal of Cross-Cultural Psychology. 1994. Vol.25. P.273–283. DOI:10.1177/0022022194252007; Cousins S.D. Culture and self-perception in Japan and the United States. // Journal of Personality and Social Psychology.1989. Vol.56. P. 124–131. DOI:10.1037/0022-3514.56.1.124; Rhee E., Uleman J.S., Lee H.K., Roman R.J. Spontaneous self-descriptions and ethnic identities in individualistic and collectivistic cultures. // Journal of Personality and Social Psychology.1995.Vol.69.P.142–152. DOI:10.1037/0022-3514.69.1.142

⁶³² McPartland T.S., Cumming J.H., Garretson W.S. Self-Conception and Ward Behavior in Two Psychiatric Hospitals// Sociometry. 1961. Vol.24. P. 111-121.

⁶³³ Bochner S. Cross-cultural differences in the self concept: A test of Hofstede's individualism/ collectivism distinction. //Journal of Cross-Cultural Psychology. 1994. Vol.25. P.273–283. DOI:10.1177/0022022194252007; Cousins S.D. Culture and self-perception in Japan and the United States. // Journal of Personality and Social Psychology.1989. Vol.56. P. 124–131. DOI:10.1037/0022-3514.56.1.124; Rhee E., Uleman J.S., Lee H.K., Roman R.J. Spontaneous self-descriptions and ethnic identities in individualistic and collectivistic cultures. // Journal of Personality and Social Psychology.1995.Vol.69.P.142–152 DOI:10.1037/0022-3514.69.1.142

ниях модификации системы кодов было подчинено сравнению Я-концепции представителей различных культур (так называемых западных и незападных культур, культур индивидуализма и коллективизма). В частности, в работе С. Бочнера категориальная сетка включала следующие категории: идиоцентрические характеристики (утверждения об особенностях, состояниях, чертах личности все связи с другими людьми); аллоцентрические характеристики (утверждения, указывающие на взаимозависимости, реакции на других людей), а также указания на принадлежность к большим и малым группам⁶³⁴.

В частности, Р. Гордон⁶³⁵ предложил категориальную сетку, которая позволяла детализировать социальную и персональную идентичности, а именно:

- 1) указания на категории, к которым человек принадлежит при рождении, или на возложенные на него определенным функциям (например: пол, этническая и национальная принадлежность, религиозная принадлежность);
- 2) роли и привязанности, которые касаются семейных ролей (в частности: мать, сестра, брат и т. д.), а также характеристики, указывающие на политическую ориентацию или профессиональные группы;
- 3) абстрактные, экзистенциальные идентификации и идеологические убеждения (среди которых: человек, индивид, личность и пр.);
- 4) интересы и занятия (например: интеллектуальные интересы, художественная деятельность, хобби и т. д.);
- 5) характеристики индивидуального толка (в частности: моральные ценности, автономия, восприятие единства Я, индивидуальные способности и т. д.).

Даже на примере этих нескольких категориальных сеток, разработанных для анализа двадцати ответов респондентов на вопрос «Кто Я?», представляется возможным говорить о том, что исследователи имеют значительные степени свободы, позволяющие им использовать метод в соответствии с конкретными целями. Такая гибкость инструмента важна в логике настоящего учебного пособия, привлекателен потенциал этого инструмента для измерения соотношения социальной и персональной идентичностей в логике модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

---

⁶³⁴ Bochner S. Cross-cultural differences in the self concept: A test of Hofstede's individualism / collectivism distinction. //Journal of Cross-Cultural Psychology. 1994. Vol.25. P.273–283. DOI:10.1177/0022022194252007

⁶³⁵ Deschamps J.-C., Moliner P. L'identité en psychologie sociale: des processus identitaires aux représentations sociales. Paris: Armand Colin. 2008. 222 p.

В исследовании Д. Ваткинса с коллегами⁶³⁶ была продемонстрирована правомерность использования сокращенного варианта опросника. Исследователи обратили внимание на тот факт, что зачастую после 10 первых ответов испытуемые дают либо синонимичные ответы, либо такие варианты, которые попадают в категорию «другое», поскольку не несут смысловой нагрузки, достаточно абстрактны. Эмпирическая проверка позволила говорить о применимости сокращенной версии методики М. Куна и Т. Макпартлена.

На возможность использования сокращенного варианта методики (шести ответов вместе двадцати) указывают и отечественные авторы⁶³⁷. Так или иначе, внесение ограничений на количество ответов обладает не только прагматическим интересом (объем работы с полученными данными значительно облегчается), но вносит определенность, относительно соотношения социальных и персональных идентичностей.

Логика взвешивания ответов разнится: в частности, используется процентное соотношение тех или иных категорий⁶³⁸, ранжируются ответы, сформулированные респондентами, что позволяет вычислять соответствующие суммарные или усредненные показатели для интересующих категорий. В инструкции методики говорится о том, что порядок ответов не имеет значения, однако учитывая ассоциативную природу ответов и апеллируя к традиции использования метода свободных ассоциаций в теории социальных представлений, можно говорить о том, что спонтанная последовательность ответов не совпадает с последовательностью, основанной на важности ответов⁶³⁹. Другими словами, имеет место действие различных процессов: автоматических и контролируемых. Изучая особенности социальной идентичности в подростково-молодежной среде в связи с проблемой радикализации, определенный интерес представляет сравнение того, какова последовательность ответов, указывающих на социальную и персональную идентичности в случае автоматических и контролируемых когнитивных процессов, актуализированных различными инструкциями (спонтан-

⁶³⁶ Watkins D., Yau J., Dahlin B., Wondimu H. The Twenty Statements Test: Some measurement issues. // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1997. Vol.28. P. 626–633. DOI:10.1177/0022022197285007

⁶³⁷ Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы исследования этнической идентичности// Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. Учебно-методическое пособие. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2011. С.13-14.

⁶³⁸ Watkins D., Yau J., Dahlin B., Wondimu H. The Twenty Statements Test: Some measurement issues. // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1997. Vol.28. P. 626–633. DOI:10.1177/0022022197285007

⁶³⁹ Moliner P., Lo Monaco G. Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble. 2017.190p.

ные ответы или ранжирование ответов самим респондентов в зависимости от важности).

Сказанное выше позволяет сделать важный вывод: несмотря на критические замечания исследователей, инструмент измерения идентичности, его широкое использование на протяжении 70 лет, только говорят в пользу гибкости теста двадцати утверждений М. Куна и Т. Макпартленда, его потенциала и широких возможностей для последующего использования для анализа социальной и персональной идентичностей. Более того, критические замечания послужили источником развития инструмента, как было показано выше.

Другой инструмент измерения социальной идентичности, основанный на ассоциативном методе, который в некотором смысле разрешает проблемы теста двадцати утверждений, — так называемый психосоциальный инвентарь идентичности, предложенный М. Заваллони⁶⁴⁰.

В основе этого способа измерения социальной идентичности лежит идея изучения когнитивной структуры, связанной с представлениями. Суть этого инструмента сводится к выявлению личностного полюса идентичности и социального полюса идентичности (другими словами: персональной и социальной идентичностей в терминах подхода социальной идентичности).

Метод включает несколько этапов. На первом этапе респондентам предлагается высказать свободные ассоциации, относительно различных групп. Формулировка задания такова: «Мы...» или «Они...» (например, «Мы, студенты...» и «Они, студенты...»). Среди различных социальных категорий, которые представляют интерес для исследования: нация, пол, религия, профессия, социальный класс, группы, выделяемые на основе политической ориентации, возрастная группа и семья⁶⁴¹.

На втором этапе респондентам предлагается ответить на ряд вопросов, которые позволяют оценить важность, а также валентность ассоциаций, выработанных на первом этапе. Кроме того, вопросы, касающиеся существования различий между ответами на вопросы, относительно «Мы...» и «Они...». Идет ли речь о категории в целом или респонденты усматривают конкретные подгруппы; отвечая на вопросы, оценивали ли они каждую группу или категорию саму по себе, высказывали ли они свое собственное мнение или мнение других, и пр.

---

⁶⁴⁰ Там же.

⁶⁴¹ Там же.

Этот вариант измерения социальной идентичности оказывается много-мерным, как отмечалось выше, он позволяет преодолеть ограничения, которые содержатся в оригинальной методике М. Куна и Т. Макпартлена (касающиеся отсутствия ответа на вопрос о значимости той или иной социальной идентичности), сохраняя преимущества, связанные с использованием ассоциативного метода. В то же самое время — этот способ анализа идентичности достаточно объемен, что затрудняет его применимость в логике модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде в случае массового опроса, однако может быть применим на последующих этапах, когда модель позволяет выявить индивидов, уязвимых к радикализации.

Шкалы для измерения социальной идентичности

Традиционным способом измерения социальной идентичности являются шкалы, разработанные в рамках различных моделей, которые так или иначе отсылают к идеям Г. Тэшфела⁶⁴².

В рамках подхода социальной идентичности среди прочих различают два ключевых понятия: социальная идентификация и социальная идентичность. С одной стороны, социальная идентификация и социальная идентичность — не есть одно и то же. Как подчеркивают Т. Постмес с коллегами⁶⁴³, социальная идентичность указывает на группу как воспринимаемую сущность, как следствие, речь идет о групповых нормах и отношении к аутгруппе, т.е. о социально разделенных когнициях. В случае идентификации речь идет об отношении индивида к ингруппе, т.е. указания на разделенные когниции — отсутствует. А. Хаслам⁶⁴⁴, ссылаясь на концептуализацию К. МакГарти с коллегами, подчеркивает, что социальная идентификация и так называемая *выпуклость* социальной идентичности — есть взаимосвязанные динамические процессы, которые подпитывают друг друга. Социальная идентификация указывает на относительно устойчивую идентификацию индивида с группой, своего рода готовность использовать определенную социальную категорию для самоопределения, в то

⁶⁴² Tajfel H. La catégorisation sociale. In S. Moscovici. Introduction à la psychologie sociale. Paris: Larousse. 1972. P. 272–302; Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // Annual Review of Psychology. 1982. Vol. 33. P. 1–39. DOI:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245

⁶⁴³ Postmes, T, Haslam S.A., Jans L. A single-item measure of social identification: reliability, validity, and utility// British Journal of Social Psychology. 2013. Vol.52. P.597–617. DOI:10.1111/bjso.12006.

⁶⁴⁴ Haslam S.A. Measurement of social and organizational identification. // Haslam A. Psychology in Organizations: The Social Identity Approach. London: Sage. 2004. P. 271–274.

время, как *выпуклость социальной идентичности* указывает на реакции индивида на определенный контекст, готовность взаимодействовать в соответствии с определенной самокатегоризацией⁶⁴⁵.

Как отмечает А. Хаслам⁶⁴⁶, ряд шкал позволяет измерять оба эти состояния. С другой стороны, в некоторых работах понятия социальной идентификации и социальной идентичности используются как взаимозаменяемые⁶⁴⁷.

В работе «Новая психология здоровья», посвященной анализу проблем здоровья и болезни через призму подхода социальной идентичности, А. Хаслам с коллегами⁶⁴⁸ не только развиваются этот подход, но и предлагают вниманию читателей методический арсенал для измерения социальной идентичности, в частности, речь идет о шкалах для измерения социальной идентификации, множественной социальной идентичности, различных аспектов социальной идентичности, силы персональной идентичности, однако инструмента, который бы измерял социальную идентичность, не предлагается.

Как отмечает Р. Браун⁶⁴⁹ в юбилейной статье, посвященной осмыслению наследия Г. Тэшфела, интерес исследователей к разработке шкал для измерения социальной идентичности определяется необходимостью проверить ряд предположений теории социальной идентичности, согласно которым: существует связь между силой идентификации и внутригрупповым фаворитизмом, межгрупповые процессы модерируются силой социальной идентификации. Изначально, как подчеркивает Браун, Г. Тэшфел неставил перед собой задачи разработать валидный инструмент для измерения социальной идентичности⁶⁵⁰, эти инструменты были разработаны позже.

Начиная с 1980-х годов проблема измерения социальной идентичности оказалась в фокусе самого пристального внимания исследователей⁶⁵¹, как следствие,

---

⁶⁴⁵ Там же.

⁶⁴⁶ Там же.

⁶⁴⁷ Reysen S., Katzarska-Miller I., Nesbit S.M., Pierce L. Further validation of a single-item measure of social identification // European Journal of Social Psychology. 2013. Vol.43. P.463–470. DOI:10.1002/ejsp.1973

⁶⁴⁸ Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

⁶⁴⁹ Brown R. The social identity approach: Appraising the Tajfelli legacy// British Journal of Social Psychology. 2020. Vol. 59. P. 5-25. DOI: 10.1111/bjso.12349.

⁶⁵⁰ Там же.

⁶⁵¹ Haslam S.A. Measurement of social and organizational identification. In Haslam A. Psychology in Organizations: The Social Identity Approach. London: Sage. 2004. P. 271-274.; Postmes, T, Haslam S.A.,

в литературе можно обнаружить целый ряд инструментов, которые используются для измерения социальной идентификации. В 80-90-х гг. предлагаются одномерные инструменты для измерения социальной идентификации, исследователи исходили из идеи о том, что социальная идентичность — это единый конструкт, предлагая для измерения от 1 до 10 пунктов⁶⁵².

В конце 90-х разрабатываются многомерные инструменты, включающие субшкалы. Основополагающим постулатом в этой случае является идея о необходимости различать составляющие социальной идентичности (эмоциональная привязанность к группе, например, не тождественна осознанию своей принадлежности к группе). Суть и количество субшкал различаются (количество субшкал варьирует от 2 до 7, что зависит от того, какова исходная теоретическая модель). Сходным образом, наблюдаются флуктуации количества пунктов внутри субшкал (оно варьирует от 2 до 24).

К примеру, в методике С. Хинкля с коллегами⁶⁵³ предлагается различать три субшкалы, каждая из которых направлена на оценку соответствующего измерения: эмоциональная идентификация (4 пункта), оппозиция индивидуального и группового (2 пункта), когнитивные аспекты идентификации (2 пункта); в случае инструмента, предложенного Н. Элемерс с коллегами, оцениваемые измерения субшкал таковы: групповая самооценка (4 пункта), групповая самокатегоризация (3 пункта), приверженность к группе (3 пункта)⁶⁵⁴.

Преимущество многомерного инструмента для измерения социальной идентичности над одномерным принимается исследователями по умолчанию⁶⁵⁵.

Jans L. A single-item measure of social identification: reliability, validity, and utility// British Journal of Social Psychology. 2013. Vol.52. P.597-617. DOI:10.1111/bjso.12006; Reysen S., Katzarska-Miller I., Nesbit S.M., Pierce L. Further validation of a single-item measure of social identification // European Journal of Social Psychology. 2013. Vol.43. P.463–470. DOI:10.1002/ejsp.1973

⁶⁵² *Haslam S.A. Measurement of social and organizational identification. In Haslam A. Psychology in Organizations: The Social Identity Approach. London: Sage. 2004. P. 271-274.; Postmes, T, Haslam S.A., Jans L. A single-item measure of social identification: reliability, validity, and utility// British Journal of Social Psychology. 2013. Vol.52. P.597-617. DOI:10.1111/bjso.12006; Reysen S., Katzarska-Miller I., Nesbit S.M., Pierce L. Further validation of a single-item measure of social identification // European Journal of Social Psychology. 2013. Vol.43. P.463–470. DOI:10.1002/ejsp.1973*

⁶⁵³ *Reysen S., Katzarska-Miller I., Nesbit S.M., Pierce L. Further validation of a single-item measure of social identification // European Journal of Social Psychology. 2013. Vol.43. P.463–470. DOI:10.1002/ejsp.1973*

⁶⁵⁴ Там же.

⁶⁵⁵ *Postmes, T, Haslam S.A., Jans L. A single-item measure of social identification: reliability, validity, and utility// British Journal of Social Psychology. 2013. Vol.52. P.597-617. DOI:10.1111/bjso.12006.*

Тем не менее, в некоторых случаях использование более короткого инструмента оказывается предпочтительным, что объясняется pragматическими соображениями (например, в случае использования сложного и объемного методического инструментария, повторяющихся измерений, если нужно проверить, что манипуляция выпуклости социальной идентичности сработала и пр.⁶⁵⁶).

Серия исследований, Т. Постмес с коллегами, легли в основу валидного инструмента для анализа социальной идентификации: респонденту предлагается утверждение, которое нужно оценить по 7-балльной шкале Лайкерта (от «совершенно не согласен» до «совершенно согласен»): «Я идентифицируюсь с группой (укажите, пожалуйста, группу)»⁶⁵⁷.

Для измерения множественной социальной идентичности Ж. Жеттен с коллегами⁶⁵⁸ разработали отдельную методику, которая включает ряд утверждений, согласие или несогласие с каждым из которых оценивается по 7- балльной шкале («Я принадлежу к множеству различных групп», «Я участвую в деятельности многих разных групп», «Я дружу с людьми из разных групп», «У меня крепкие связи со многими группами»).

С одной стороны, использование шкал для измерения социальной идентичности видится своего рода «королевским способом» анализа идентичности. С другой, при всех преимуществах использования шкал, о чем говорится в литературе⁶⁵⁹, вслед за С. Бентли с коллегами, можно усмотреть, как минимум, две серьезные проблемы использования шкал для анализа социальной идентичности⁶⁶⁰.

---

⁶⁵⁶ Haslam S.A. Measurement of social and organizational identification. // Haslam A. Psychology in Organizations: The Social Identity Approach. London: Sage. 2004. P. 271-274.; Postmes, T, Haslam S.A., Jans L. A single-item measure of social identification: reliability, validity, and utility// British Journal of Social Psychology. 2013. Vol.52. P.597-617. DOI:10.1111/bjso.12006.

⁶⁵⁷ Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.; Postmes, T, Haslam S.A., Jans L. A single-item measure of social identification: reliability, validity, and utility// British Journal of Social Psychology. 2013. Vol.52. P.597-617. DOI:10.1111/bjso.12006.

⁶⁵⁸ Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

⁶⁵⁹ Haslam S.A. Measurement of social and organizational identification. // Haslam A. Psychology in Organizations: The Social Identity Approach. London: Sage. 2004. P. 271-274.; Postmes, T, Haslam S.A., Jans L. A single-item measure of social identification: reliability, validity, and utility// British Journal of Social Psychology. 2013. Vol.52. P.597-617. DOI:10.1111/bjso.12006.

⁶⁶⁰ Bentley S.V., Haslam S.A., Greenaway K.H., Cruwys T., Steffens N. A picture is worth a thousand words: social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections. In

Во-первых, у исследователя нет возможности оценить в полной мере сложную систему социальных идентичностей индивида⁶⁶¹. Апеллирую к тезису Г. Тэшфела, представляется возможным говорить о том, что человек обладает рядом социальных и персональных идентичностей, некоторые для него важны, другие — нет⁶⁶². В том или ином контексте актуализируется определенная социальная идентичность, через призму которой он действует или бездействует. Тем не менее, важным представляется узнать, какими социальными идентичностями человек обладает, какие являются важными для него. В случае использования шкал исследователь акцентирует ту или иную социальную идентичность, оставляя за рамками — другие.

Во-вторых, использование шкал как инструмента анализа социальной идентичности не позволяет оценивать взаимосвязи между социальными идентичностями, другими словами — совместимость принадлежности к тем или иным группам⁶⁶³.

Наконец, использование шкал, разработанных в других культурах, предполагает соответствующую процедуру по их адаптации, т.е. простой перевод утверждений без предварительных процедур, не может быть использован.

Именно эти ограничения шкал как инструмента анализа социальной идентичности критичны для модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде (Глава 3), поскольку ключевым в модели оказывается оценка *множественности* социальной идентичности (наличие ряда значимых позитивных социальных идентичностей, совместимых друг с другом)⁶⁶⁴.

I. Winkler, S. Reissner, R. Pereira. *Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations: Usual Suspects and Beyond* Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited. 2023. P. 87–102. DOI:10.4337/9781802207972.00018

⁶⁶¹ Там же.

⁶⁶² Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // *Annual Review of Psychology*. 1982. Vol. 33. P. 1–39. DOI:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245.

⁶⁶³ Bentley S.V., Haslam S.A., Greenaway K.H., Cruwys T., Steffens N. A picture is worth a thousand words: social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections. In I. Winkler, S. Reissner, R. Pereira. *Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations: Usual Suspects and Beyond* Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited. 2023. P. 87–102. DOI:10.4337/9781802207972.00018

⁶⁶⁴ Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The new psychology of health*. London: Routledge. 2018. 490 p.

Картографирование социальной идентичности

Серьезный потенциал, позволяющий преодолеть ограничения, характерные для измерения социальной идентичности с помощью шкал, можно усмотреть в методе картографирования социальной идентичности⁶⁶⁵, который появился относительно недавно, однако начинает активно использоваться.

Как отмечают С. Бентли с коллегами⁶⁶⁶, в зачаточной форме логика картографирования социальной идентичности возникла в рамках программы, разработанной для организационного контекста. Т. Крувис с коллегами реализовали серию исследований (со сложной методологией и на значительной по объему выборке респондентов), что позволило оценить внутреннюю согласованность инструмента, проверить конвергентную и дискриминантную валидностью, другими словами, продемонстрировать, что картографирование является собой надежный и валидный инструмент для анализа социальной идентичности⁶⁶⁷.

Процедура картографирования стала использоваться в рамках психологии здоровья для оценки эффективности вторичной и третичной профилактики⁶⁶⁸. Как отмечалось в Главе 5, достижения психологии здоровья обладают потенциалом для разработки мероприятий в области дерадикализации, на что уже указывалось в литературе⁶⁶⁹.

⁶⁶⁵ Bentley S.V., Haslam S.A., Greenaway K.H., Cruwys T., Steffens N. A picture is worth a thousand words: social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections. In I. Winkler, S. Reissner, R. Pereira. Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations: Usual Suspects and Beyond Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited. 2023. P. 87–102. DOI:10.4337/9781802207972.00018; Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

⁶⁶⁶ Bentley S.V., Greenaway K.H., Haslam S.A., Cruwys T., Steffens N.K., Haslam C., Cull B. Social identity mapping online // Journal of Personality and Social Psychology. 2020. Vol.118. P. 213–241. DOI:10.1037/pspa0000174

⁶⁶⁷ Cruwys T., Steffens N.K., Haslam S.A., Haslam C., Jetten J., Dingle G.A. Social Identity Mapping: A procedure for visual representation and assessment of subjective multiple group memberships // British Journal of Social Psychology. 2016. Vol.55. P.613-642. DOI: 10.1111/bjso.12155.

⁶⁶⁸ Bentley S.V., Greenaway K.H., Haslam S.A., Cruwys T., Steffens N.K., Haslam C., Cull B. Social identity mapping online // Journal of Personality and Social Psychology. 2020. Vol.118. P. 213–241. DOI:10.1037/pspa0000174; Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

⁶⁶⁹ Этран С. Психология международного терроризма и радикальных политических конфликтов// Теории и практики радикализма и экстремизма: сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН. 2023. С.101-153.; Mitton K. Public health and violence// Critical Public Health.2019.Vol. 29.№2. P.135-137. DOI: 10.1080/09581596.2019.1564223

Суть этого метода сводится к следующему:

1) респонденту предлагается подумать обо всех социальных группах, членом которым он является, и указать названия этих групп на соответствующих стикерах различного формата (соответственно, больший формат соответствует большей важности группы для индивида, средний формат — средней важности группы; маленький формат — малой важности)⁶⁷⁰.

2) Используя 10-балльную шкалу Лайкерта, предлагается оценить каждую группу по ряду критериев, среди которых:

- а) чувства, которые респондент испытывает в отношении своего членства в каждой из групп;
- б) собственная прототипичность в случае каждой группы;
- в) поддержка (которую человек получает от других членов группы и оказывает им);
- г) время, проводимое с каждой группой. Для оценки времени предлагается использовать шкалу от 0 до 30⁶⁷¹.

Каждая оценка по критерию фиксируется на стикере. Обратим внимание читателей на тот факт, что критерии, по которым оценивается групповая принадлежность, варьируют, это определяется целями исследования социальной идентичности.

3) Похожие друг на друга группы предлагаются сгруппировать, расположив вместе, а отличающиеся группы — порознь.

4) Респонденту необходимо указать совместимость принадлежности к различным группам одновременно. Для этого используются линии различных типов:

- а) прямая линия указывает на то, что совмещать принадлежность к группам легко;
- б) волнистая линия свидетельствует о средней степени легкости совмещения принадлежности к группам;

---

⁶⁷⁰ Bentley S.V., Greenaway K.H., Haslam S.A., Cruwys T., Steffens N.K., Haslam C., Cull B. Social identity mapping online // Journal of Personality and Social Psychology. 2020. Vol.118. P. 213–241. DOI:10.1037/pspa0000174; Bentley S.V., Haslam S.A., Greenaway K.H., Cruwys T., Steffens N.A picture is worth a thousand words: social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections. In I. Winkler, S. Reissner, R. Pereira. Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations: Usual Suspects and Beyond Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited. 2023. P. 87–102. DOI:10.4337/9781802207972.00018; Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

⁶⁷¹ Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

в) зигзагообразная линия указывает на то, что совмещать принадлежность к группам сложно (см. Рис. П.1).

Картографирование социальной идентичности открывает перед исследователем возможность анализа интересующего конструктора по ряду ключевых измерений, сформулированных в рамках подхода социальной идентичности⁶⁷².

Другими словами, благодаря этому современному методу визуализации социальных идентичностей перед исследователем открывается возможность оценить количество и качество этих идентичностей человека (о множественной социальной идентичности см. Тематическую вставку 4, Глава 3).

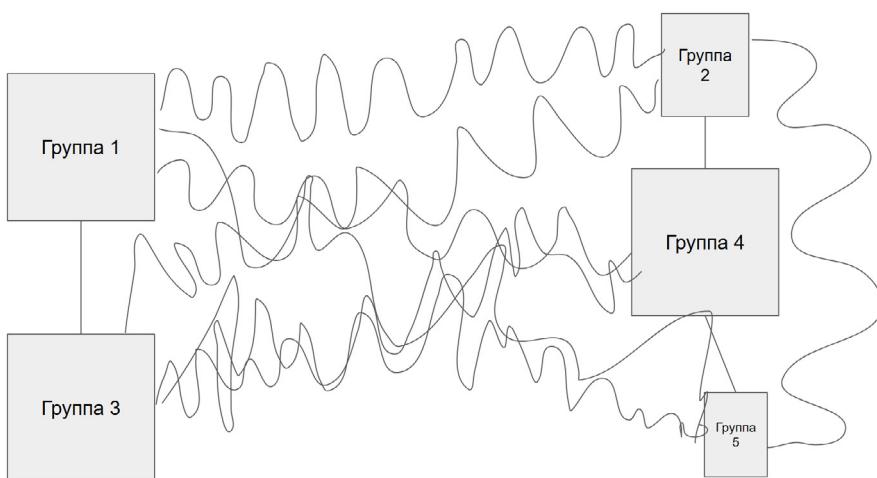

Рис. П.1. «Иллюстрация карты социальных идентичностей»

Примечание: размер стикера указывает на важность группы, линии — на совместимость социальных идентичностей. Членство в Группах 1,3,4 — важное для индивида, в Группе 2 — среднее по важности, в Группе 5 — наименее важное.

Прямая линия, соединяющая Группу 1 и Группу 3 (или Группу 2 с Группой 4, Группу 4 с Группой 5), указывает на совместимость членства в этих группах.

⁶⁷² Ellemers N., Haslam S.A. Social identity theory. In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Eds.). *Handbook of theories of social psychology*. London: Sage. 2012. P. 379–398 DOI:10.4135/9781446249222.n45; Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.; Tajfel H. La catégorisation sociale. In S. Moscovici. *Introduction à la psychologie sociale*. Paris: Larousse. 1972. P. 272–302.

Волнистая линия, соединяющая Группу 2 и Группу 5, свидетельствует, что членство в этих группах в средней степени совместимо.

Зигзагообразная линия, соединяющая Группу 1 с Группами 2,4,5 (или Группу 3 с Группами 2,4,5), говорит о том, что эти социальные идентичности в значительной степени трудно совместить.

Оценки групповой принадлежности по ряду критериев (по 10-балльной шкале) Лайкерта указываются в соответствующих углах каждого стикера. На рисунке представлена воображаемая карта, нарисованная авторами для иллюстрации метода.

Насколько позволяют судить исследования, онлайн версия картографирования социальной идентичности открывает возможность проведения исследования на значительной (по своего объему) выборке, является современным методом исследования⁶⁷³.

И у этого метода анализа социальной идентичности имеются определенные недостатки, в частности, они касаются сложности использования метода в аудиторном опросе, поскольку предлагается взаимодействие с исследователем. Онлайн-версия существует в англоязычном варианте⁶⁷⁴, однако ее адаптация и использование в отечественном контексте — еще дело будущего (поскольку предполагает использование соответствующего программного обеспечения).

Этот способ анализа социальной идентичности в значительной степени отвечает задаче операционализации модели оценки риска радикализации, поскольку он позволяет выявить особенности социальной идентичности представителей подростково-молодежной среды. Кроме того, в эпоху визуальной риторики⁶⁷⁵ этот инструмент анализа социальной идентичности оказывается наиболее *современным* и адаптированным методом для исследования, реализуемого в подростково-молодежной среде.

Модель оценки риска радикализации опирается на идею о множественности социальной идентичности (наличие у индивида ряда позитивных значимых социальных идентичностей, совместимых друг с другом)⁶⁷⁶, то очевидно, что

⁶⁷³ Bentley S.V., Greenaway K.H., Haslam S.A., Cruwys T., Steffens N.K., Haslam C., Cull B. Social identity mapping online // Journal of Personality and Social Psychology. 2020. Vol.118. P. 213–241. DOI:10.1037/pspa0000174

⁶⁷⁴ Там же.

⁶⁷⁵ Rose G. On the relation between 'visual research methods' and contemporary visual culture// Sociological Review. 2014. Vol.62. P. 24-46.

⁶⁷⁶ Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p

именно эти критерии оказываются первостепенными для оценки индивидом. Метод картографирования социальной идентичности, оценивая количество и качество социальных идентичностей, которыми обладает индивид, позволяет фиксировать, на какие именно групповые принадлежности индивид указывает, являются ли эти группы большими или малыми. Этот аспект является важным в логике модели оценки риска радикализации.

Более того, в логике модели оценки риска радикализации предлагается использование сложной методологической стратегии, включающей на одном этапе (в случае аудиторного опроса) сокращенную версию «Теста двадцати утверждений» с последующей процедурой взвешивания ответов, в сочетании с анализом группового прототипа⁶⁷⁷; а на втором этапе — использование картографирования социальной идентичности в сочетании с глубинным интервью.

Если развивать идею о том, что модель оценки риска, представленная в Главе 3, позволяет выявить уязвимых к радикализации представителей подростково-молодежной среды, то логично предполагать разработку специальных превентивных мер, нацеленных на дерадикализацию⁶⁷⁸. Отсюда — повторная диагностика с помощью картографирования социальной идентичности позволила бы оценить динамику социальных идентичностей индивида в результате воздействия превентивных мероприятий, по аналогии с тем, как это делается в профилактических интервенциях в рамках психологии здоровья⁶⁷⁹.

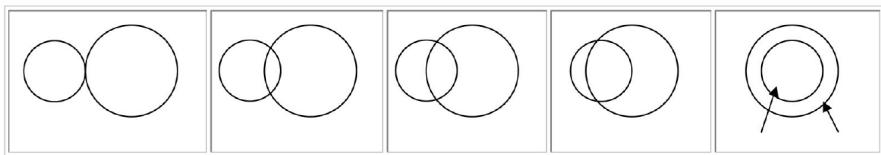
⁶⁷⁷ Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107. DOI: 10.17759/psylaw.2023130307; Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Риск радикализации в подростковой среде: теория, факты и комментарии // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 23–37. DOI: 10.17759/sps.2023140402

⁶⁷⁸ Бовин Б.Г., Бовина И.Б., Тихонова А.Д. Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть III) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 181–194. DOI: 10.17759/psylaw.2021110114

⁶⁷⁹ Bentley S.V., Greenaway K.H., Haslam S.A., Cruwys T., Steffens N.K., Haslam C., Cull B. Social identity mapping online // Journal of Personality and Social Psychology. 2020. Vol.118. P. 213–241. DOI:10.1037/pspa0000174; Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge. 2018. 490 p.

Графическая методика для измерения слияния идентичности

В настоящем разделе вниманию читателей предлагается графический инструмент, разработанный в рамках теории слияния В. Сванна и А. Гомеса⁶⁸⁰, используемый для оценки слияния идентичности. В этом подразделе Приложения 1 предлагается методическая иллюстрация к теоретической рамке, изложенной в Главе 2.

Рис. П.2 «Иллюстрация графической методики для измерения слияния идентичности»

Примечание: респонденту предлагается выбрать из пяти изображений только одно, которое лучше всего отражает то, как они воспринимают свои отношения с группой⁶⁸¹, меньший круг отражает индивида, больший круг — группу.

Степень перекрытия кругов (Рис. П.2): первое изображение — 0%, второе изображение — 25%, третье изображение — 50%, четвертое изображение — 75%, пятое изображение — 100%. Этот последний вариант соответствует варианту слияния идентичности.

Графическая методика восходит к шкале, разработанной А. Ароном с коллегами⁶⁸² для измерения включения другого в Я при изучении близости межличностных отношений. Оригинальная методика А. Арона с коллегами получила свою валидизацию, а сама основополагающая идея графического изображения

⁶⁸⁰ Swann W.B., Gómez Á., Seyle D.C., Morales J.F., Huici C. Identity fusion: The interplay of personal and social identities in extreme group behavior// Journal of Personality and Social Psychology.2009. Vol. 96. P. 995–1011. DOI:10.1037/a0013668; Swann W., Klein J.W.,Gómez A. Comprehensive identity fusion theory (CIFT): New insights and a revised theory // Advances in Experimental Social Psychology. 2024. Vol. 70. P. 275-332.

⁶⁸¹ Swann W.B., Gómez Á., Seyle D.C., Morales J.F., Huici C. Identity fusion: The interplay of personal and social identities in extreme group behavior// Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96. P. 995–1011. DOI:10.1037/a0013668.

⁶⁸² Aron A., Aron E., Smollan D. Inclusion of Other in the Self Scale and the structure of interpersonal closeness. // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 63. P. 596–612.

неоднократно использовалась в различных модификациях, в том числе как способ измерения социальной дистанции. Все это, несомненно, говорит в пользу валидности этого инструмента.

То, что касается графической методики измерения слияния идентичности, то она была валидизирована и многократно использовалась в исследованиях в рамках теории В. Сванна и А. Гомеса⁶⁸³.

---

⁶⁸³ *Swann W.B., Gómez Á., Seydel D.C., Morales J.F., Huici C. Identity fusion: The interplay of personal and social identities in extreme group behavior// Journal of Personality and Social Psychology.2009. Vol. 96. P. 995–1011. DOI:10.1037/a0013668.*

Метод контент-анализа⁶⁸⁴

Вслед за определением, предложенным Б. Берельсоном, представляется возможным говорить о том, что контент-анализ — это метод анализа документов, позволяющий извлекать информацию из массива документов, путем систематического и объективного определения конкретных характеристик⁶⁸⁵. Другими словами, этот метод позволяет делать заключения об интересующих исследователя явлениях, непосредственно не вмешиваясь в то, что изучается⁶⁸⁶.

Как отмечает Ч. Смит⁶⁸⁷, в логике этого метода предполагается беспристрастное и последовательное использование определенных процедур анализа массива документов, что обеспечивает объективность метода (иначе говоря: получаются воспроизводимые и несмешенные результаты). Этот метод исследования (в той или иной форме) нашел свое широкое использование в целом ряде дисциплин, будь то социология, психология, история, антропология, лингвистика и пр.

С точки зрения Л. Ньюмана⁶⁸⁸ возможно говорить об основных случаях, когда метод контент-анализа уместен и востребован:

---

⁶⁸⁴ Метод контент-анализа известен отечественному читателю в значительной мере, в частности, благодаря следующим работам: Богомолова Н.Н. Малышева Н.Г., Стефаненко Т.Г. Контент-анализ// Социальная психология: практикум/ Под ред. Т.В. Фоломеевой. М.:Аспект-пресс. 2006. С. 131-163; Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М.: Добролюбов. 2000. 596 с. В этой связи в Приложении 2 дается самая общая характеристика метода, позволяющая читателям уяснить некоторые вопросы, касающиеся исследований, обсуждаемых в Главе 4, а также понять суть исследования социальной идентичности с помощью методики М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?», представленной в Приложении 1.

⁶⁸⁵ Smith C.P. Content analysis and narrative analysis. In H.T. Reis, C.M. Judd (Eds.). Handbook of research methods in social and personality psychology. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. P. 313-335.

⁶⁸⁶ Семенова А.В, Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН. 2010. 324 с.

⁶⁸⁷ Smith C.P. Content analysis and narrative analysis. In H.T. Reis, C.M. Judd (Eds.). Handbook of research methods in social and personality psychology. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. P. 313-335.

⁶⁸⁸ Ньюман Л. Неопросные методы исследования// Социологические исследования. 1998. №6. С.119-129.

- 1) необходимо проанализировать значительный объем текста с использованием выборки и сложным кодированием. Благодаря контент-анализу в этом случае исследователи получают возможность перейти от большого массив документов к небольшому набору компактных составляющих, отражающих суть всего этого массива данных.
- 2) необходимо исследовать проблему «на расстоянии», другими словами, при изучении исторических документов, мемуаров, сообщений, транслируемых вражеским источником коммуникации.
- 3) необходимо обнаружить в тексте скрытые сообщения, которые едва ли можно заметить при поверхностном взгляде на интересующие исследователя тексты.

Анализируемые с помощью контент-анализа тексты могут иметь самую разнообразную форму: будь то, рукописная, печатная, аудио-и видео, или иконическая и пр.

Очевидно, что анализ изданий, выпускаемых террористическими организациями, о чем речь шла в Главе 4, с необходимостью опирается на метод контент-анализа, благодаря которому возможно вскрыть небольшой набор компактных составляющих, которые отражают суть коммуникативной стратегии террористической организации. При этом анализу подлежат как тексты изданий, так и изображения.

Контент-анализ может выступать как основным, так и вспомогательным методом исследования. В первом случае речь идет об анализе массовой коммуникации, архивов, изображений (будь то фотографии или рисунки), видео- и аудиоматериалов. Во втором случае, контент-анализ востребован для анализа данных, полученных с помощью целого ряда методов: наблюдения (например: схема Р. Бейлса); опроса (как в случае данных, полученных с помощью интервью, так и анкеты); проективного метода в самых различных вариантах (например, ТАТ, незаконченные предложения, рисуночные методики и пр.).

История контент-анализа

Предыстория метода контент-анализ начинается достаточно давно, еще в XVII веке, как отмечает К. Криппендорф. Первые работы принадлежат специалистам в области теологии, которые в конце XVII века предприняли первые систематические попытки проанализировать тексты нерелигиозного содержания, чтобы ответить на вопрос о потенциальной угрозе таких текстов. В 1743 году

перед представителями шведской церкви встала серьезная задача: проанализировать содержание 90 гимнов под названием «Песни Сиона» для того, чтобы ответить на вопрос о том, соответствует ли содержание этих песен религиозным стандартам или в них содержится определенная угроза⁶⁸⁹. Очевидно, что едва ли можно говорить о контент-анализе как систематическом способе анализа содержания (методе квантификации смыслов) в XVIII веке, но важность этого исторического примера, несомненна: необходим метод, который бы позволил проанализировать массив данных, чтобы ответить на вопрос о скрытых тенденциях, при этом нужно было понять, как именно анализировать эти гимны, в буквальном смысле или все же учитывать метафоричность текста, но как это сделать.

С определенной долей условности можно обозначить несколько этапов в развитии контент-анализа⁶⁹⁰:

I этап — с конца XIX века до 30-х годов XX века. Это своего рода время зарождения метода. Приведем несколько примеров работ, которые приходятся на этот период. Первые исследования печатных медиа, опубликованные в 1893 г., когда журналисты заинтересовались ответом на вопрос, о том, сообщаются ли новости в газетах? Оказалось, что лидирующие темы: спорт, скандалы и сплетни.

Сюда же попадает первое социально-психологическое исследование, использующее, в той или иной форме, контент-анализ. Речь идет об исследовании У. Томаса и Ф. Знанецкого, отраженном в работе «Польский крестьянин в Европе и Америке», когда задача исследователей заключалась в том, чтобы на основе анализа различного рода документов (письма, дневники, различного рода отчеты) выявить аттитюды иммигрантов⁶⁹¹.

Собственно в этот же период появляются работы Г. Лассуэлла, нацеленные на изучение пропаганды⁶⁹².

⁶⁸⁹ Macnamara J. Content Analysis. In P. Napoli (ed.). Mediated Communication. Boston: De Gruyter Mouton. 2018. P. 191-212. DOI:10.1515/9783110481129-012

⁶⁹⁰ Богомолова Н.Н. Малышева Н.Г., Стефаненко Т.Г. Контент-анализ.// Социальная психология: практикум/ Под ред. Т.В. Фоломеевой. М.:Аспект-пресс. 2006. С. 131-163; Moliner P, Rateau P, Cohen-Scali V. Les représentations sociales: pratique des études de terrain. Rennes: Presses Universitaires de Rennes. 2002.230 р.

⁶⁹¹ Moliner P, Rateau P, Cohen-Scali V. Les représentations sociales: pratique des études de terrain. Rennes: Presses Universitaires de Rennes. 2002.230 р.

⁶⁹² Богомолова Н.Н. Малышева Н.Г., Стефаненко Т.Г. Контент-анализ.// Социальная психология: практикум/ Под ред. Т.В. Фоломеевой. М.:Аспект-пресс. 2006. С. 131-163. В 1927 году вышла работа Г. Лассуэлла «Техника пропаганды в мировой войне». В 2021 году было переведено на русский язык издание этой работы, опубликованное в 1938 году.

II этап охватывает 1940 — 1950 гг.. (время классического частотного контент-анализа). Важными вехами этого этапа являются учебники Г. Лассуэлла и Б. Берельсона.

В 1948 году Г. Лассуэлл предложил схему, описывающую массовую коммуникацию через ответы на пять вопросов: Кто?Что?Как?Кому?С каким эффектом? Первый вопрос касается коммуникатора, его особенностей; второй вопрос связан с передаваемым сообщением; третий — касается канала передачи информации; четвертый — аудитории, ее особенностей, пятый — эффективности коммуникации, оказываемой на эту аудиторию⁶⁹³.

*III этап охватывает конец 1950 — начало 1960-х гг.. — время усовершенствования метода контент-анализ (в частности, методики Ч. Осгуда)*⁶⁹⁴.

IV этап — 1960-е гг.. — 1975 г. — это время использования технологий для реализации процедур контент-анализа, в частности, в 1966 году была опубликована работа Ф. Стоуна с коллегами «The General Inquirer: Компьютерный подход к контент-анализу», в которой были изложены основы автоматического анализа текстов, что несомненно, облегчало работу исследователей и породило определенные надежды на прорыв в развитии метода.

V этап — после 1975 г. — до настоящего времени — этот период ознаменован как некоторым разочарованием в компьютерном подходе к анализу текстов в 1980 — х годах, так и возрождением интереса к нему с 2000 гг..

На настоящий момент существует целый ряд программ, позволяющих выполнять процедуры контент-анализа (в частности: ALCESTE, Atlas.ti, IRaMuTeQ, LEXICO 3, LIWC, SPAD, TROPES и др.).

Общая характеристика метода контент-анализ

Представляется возможным говорить о том, что контент-анализ — это качественно-количественный метод, который предполагает определение категорий анализа с последующим их подсчетом в массиве данных. Тогда два ключевых вопроса, как отмечают Х. Жоффе и Л. Ярдлей⁶⁹⁵, на которые должен ответить

---

⁶⁹³ Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации. М.: Аспект пресс. 2008. 191 с.

⁶⁹⁴ Богомолова Н.Н. Малышева Н.Г., Стефаненко Т.Г. Контент-анализ.// Социальная психология: практикум/ Под ред. Т.В. Фоломеевой. М.: Аспект-пресс. 2006. С. 131-163.

⁶⁹⁵ Joffe H., Yardley L. Content and thematic analysis.// In D. Marks, L. Yardley (eds). Research methods for clinical and health psychology. London: Sage. 2004. P. 56-68.

исследователь: «Что считать?» и «Как считать?». Другими словами, речь идет о качественных и количественных единицах контент-анализа⁶⁹⁶

Безусловно, контент-анализ не является линейным процессом, как точно подмечает Л. Бардин, скорее всего можно говорить, что это своего рода движения между теорией и методикой, гипотезами, интерпретацией и методами анализа⁶⁹⁷.

Анализ литературы позволяет говорить о том, что авторы выделяют целый ряд этапов контент-анализа (от 4 до 11). Суть этих этапов можно представить следующим образом⁶⁹⁸:

- 1) разработка программы исследования;
- 2) определение генеральной и выборочной совокупностей текстов (массива данных), подлежащих анализу;
- 3) определение качественных и количественных единиц анализа (эти единицы представляют собой ответы на вопросы обозначенные выше — что считать? и как считать), разработка категориальной сетки⁶⁹⁹ и инструкции для кодировщиков;
- 4) пилотажное кодирование части массива данных и проверка согласованности мнений кодировщиков⁷⁰⁰, уточнение единиц анализа и кодировочной инструкции;

---

⁶⁹⁶ Подробнее о единицах контент-анализа: Богомолова Н.Н. Малышева Н.Г., Стефаненко Т.Г. Контент-анализ// Социальная психология: практикум/ Под ред. Т.В. Фоломеевой. М.: Аспект-пресс. 2006. С. 131-163; Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М.: Добросвет. 2000. 596 с.

⁶⁹⁷ Dany L. Analyse qualitative du contenu des représentations sociales. In G. Lo Monaco, S. Delouvée, P. Rateau (eds.). Les représentations sociales. Bruxelles: de Boeck. 2016. P.85-102.

⁶⁹⁸ Богомолова Н.Н. Малышева Н.Г., Стефаненко Т.Г. Контент-анализ// Социальная психология: практикум/ Под ред. Т.В. Фоломеевой. М.: Аспект-пресс. 2006. С. 131-163; Dany L. Analyse qualitative du contenu des représentations sociales. In G. Lo Monaco, S. Delouvée, P. Rateau (eds.). Les représentations sociales. Bruxelles: de Boeck. 2016. P.85-102; Joffe H., Yardley L. Content and thematic analysis// In D. Marks, L. Yardley (eds.).Research methods for clinical and health psychology. London: Sage. 2004. P. 56-68.

⁶⁹⁹ В качестве иллюстрации категориальной сетки обратим внимание читателя на Приложение 1, где обсуждаются варианты категорий для анализа данных, полученных с помощью методики Куна и Макпартлена.

⁷⁰⁰ Существует несколько критериев проверки согласованности мнений кодировщиков (коэффициент пи Скотта, каппа Коэна, альфа Криппендорфа. Подробнее: Богомолова Н.Н. Малышева Н.Г., Стефаненко Т.Г. Контент-анализ// Социальная психология: практикум/ Под ред. Т.В. Фоломеевой. М.:Аспект-пресс. 2006. С. 131-163.).

- 5) кодирование всего массива данных и проверка согласованности мнений кодировщиков;
- 6) статистическая обработка данных;
- 7) анализ и интерпретация результатов с последующим написанием отчета об исследовании.

В общем варианте можно различать три стратегии реализации контент-анализа: гипотетико-дедуктивную, индуктивную и смешанную.

В первом случае — у исследователя имеются гипотезы, в соответствии с которыми разрабатывается категориальная сетка, и анализ текстов направлен на проверку исключительно этих гипотез.

Во втором случае — исследователь не имеет изначальных гипотез, построение категориальной сетки основывается на массиве данных.

Наконец, в последнем случае, исследователь использует преимущества первых двух стратегий.

Насколько позволяют судить исследования, в которых используется контент-анализ, то часто используемым критерием является каппа Коэна. Критерий вычисляется для проверки совпадения мнений трех кодировщиков. Подробнее о критерии: Cohen J. A coefficient of agreement for nominal scales. //Educational and Psychological Measurement. 1960. Vol.20. P. 37–46. DOI:10.1177/00131644600200104; Delhomme P., Meyer T. La recherche en psychologie sociale. Projets, méthodes et techniques. Paris: Armand Colin. 2002. 224 p.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ И ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

под общей редакцией Н.В. Дворянчика,
Б.Г. Бовина, И.Б. Бовиной

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Компьютерная верстка В.В. Забкова
Формат 60×901/16. Гарнитура «Minion Pro»
Электронное издание. Печать по необходимости

Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29; тел.: (495) 632-90-77; факс: (495) 632-92-52